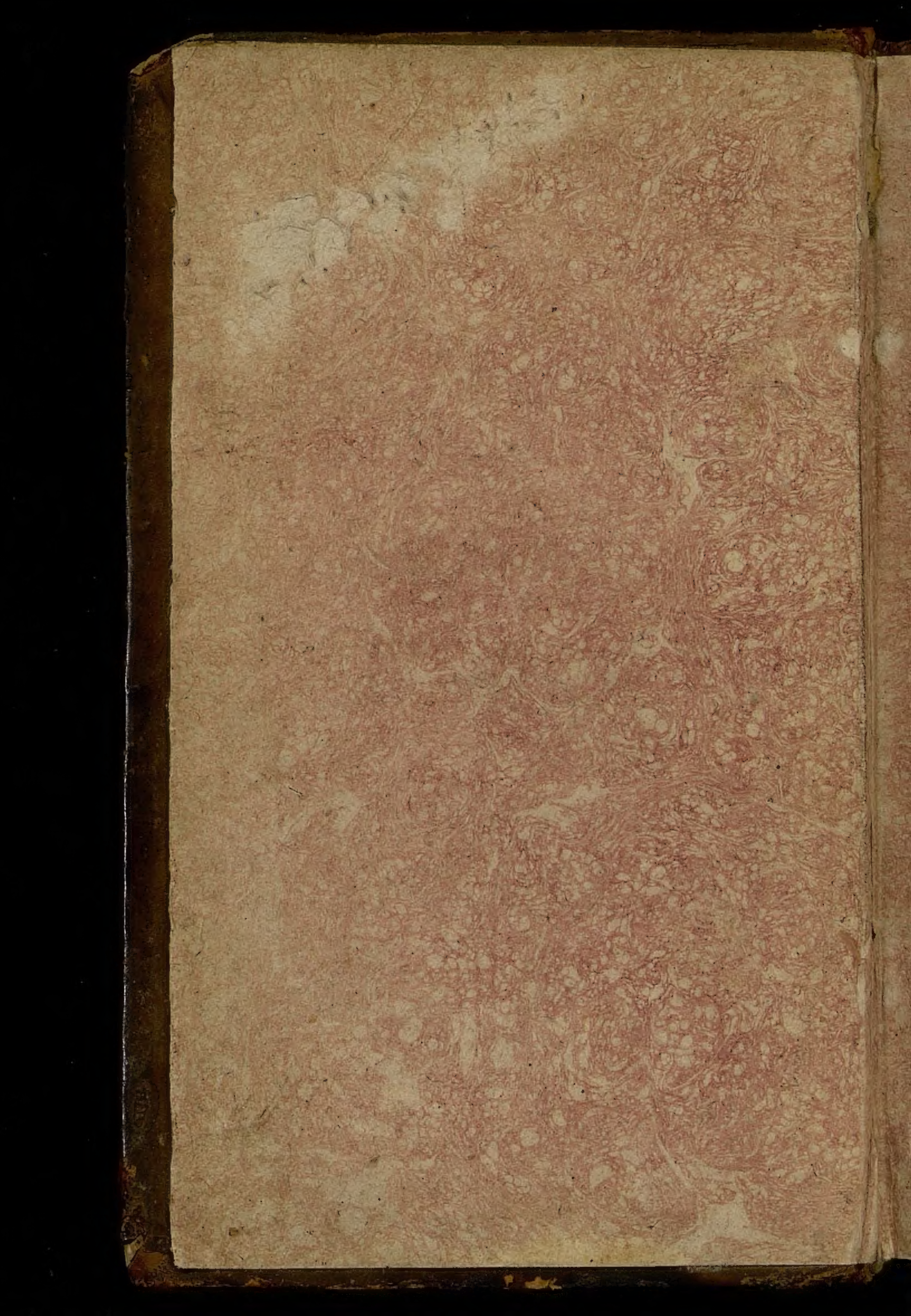
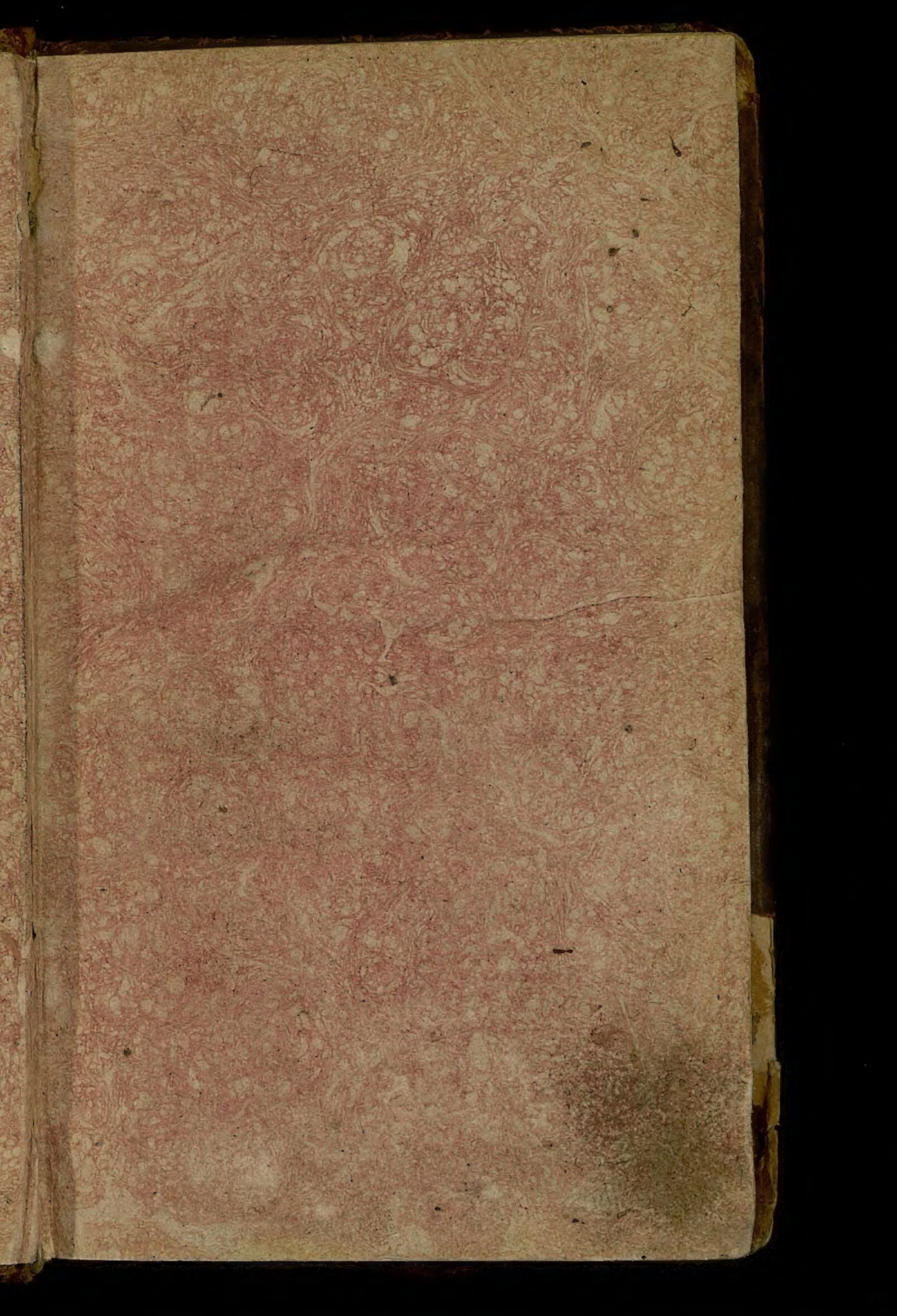

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ИППОЛИТА ѲЕДОРОВИЧА БОГДАНОВИЧА.

Собраны и изданы

Платономъ Бекетовымъ.

Изданіе второе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

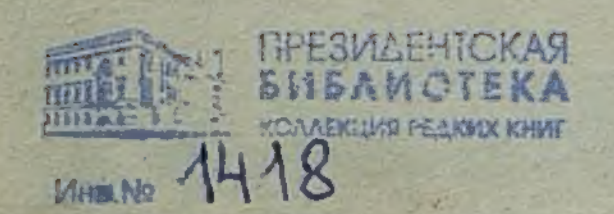
МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1819.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Академіи Наукъ. Ноября 22 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

РАЗНЫЯ ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ РОССІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ

ГОСУДАРЫНЯ!

Историческое сочиненіе мое получитъ первое достоинство отъ славныхъ произшествій, каковыми Россія возвышается подъ щастливымъ владѣніемъ Вашего Императорскаго Величества: Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и приношу оное, въ достодолжную жертву. Щастливъ

буду, естьли удостоюсь тѣмъ Вашего благоволенія. Есмь со всеглубочайшимъ почитаніемъ

Вашего

Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ,
Ипполитъ Богдановичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Многіе любители *Россійской* Исторіи давно желали имѣть оную въ нѣкоторомъ сокращеніи: поколику свойственно людямъ желаніе получать легчайшимъ образомъ нужныя свѣденія и отвергать все то, что безполезно обременяетъ память ихъ. Въ семъ видѣ издаю въ свѣтъ мое сочиненіе, основанное на разныхъ *Россійскихъ* и чужестранныхъ Писателяхъ, при которомъ я взялъ вольность оставить многія околичности пространныхъ Лѣтописей.

Въ щастливомъ вѣкѣ, въ коемъ *Россіяне* обращаютъ свой разумъ къ наиважнѣйшимъ и наиполезнѣйшимъ предметамъ, странно было бы изслѣдованіе, когда, какъ и гдѣ *быша трузи мнози, дожди мнози, знаменія въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ;* гдѣ брали *Россіяне колеса, вышедъ на берегъ подъ Царемъ-Градомъ, и какъ поставили*

на тѣ колеса флотъ свой, *и какъ привезлись на водяныхъ судахъ по сухому пути къ городу*; и для чего не хотѣли туда пѣшкомъ дойти; чѣмъ провинились *Древлянскіе Послы, которымъ велѣно было ночевать на рѣкѣ въ лодьяхъ, а на другой день Придворнымъ нести ихъ съ лодьями на головахъ, и послѣ бросить въ глубокую яму, и какъ они тамъ кричали*; за что, гдѣ и какъ *убили варварскаго Князя, именуемаго Темиря, варвары его сродники*; и прочихъ тому подобныхъ повѣстей, каковыя каждый Лѣтописатель изображалъ, распространялъ, или сокращалъ по мѣрѣ своего о вещахъ понятія.

Оставляя же всѣ невѣроятныя или маловажныя описанія и сокращая Лѣтопись, стараюсь я распространить Исторію болѣе по порядку послѣдствій, нежели по порядку чиселъ; изыскать причины бывшихъ великихъ перемѣнъ въ *Россіи*, ея возвышеній и упадковъ;

описать свойства Государей управлявшихъ ею; ихъ побѣды, завоеванія, союзы съ Державами, законы и образы правленія; нравы и обычаи *Россіянъ* въ разныхъ вѣкахъ; возобновить и возвеличить память славныхъ людей, споспѣшествовавшихъ общему благу; представить во всемъ пространствѣ ихъ добродѣтели; изобразить заблужденія и пороки съ ихъ бѣдствіями; напослѣдокъ, вывесть изъ Исторіи добрые примѣры, полезныя правила и нужныя свѣденія. Въ томъ же видѣ, чтобъ сократить сколь можно мою книгу, я не прилагаю изъясненій на разныя мѣста Историческія, изъ коихъ я долженъ выводить необходимыя послѣдствія: поколику сіи изъясненія сами собою легко представляются каждому благоразумному читателю; не дѣлаю также ссылокъ на Писателей, принимаемыхъ въ основаніе: ибо всѣ таковыя ссылки находятся уже въ *Россійской* Исторіи

трудолюбиваго и почтеннаго нашего времени Историка, Князя *Михайлы Михайловича Щербатова.* А кому угодно будетъ потребовать отъ меня какихъ нибудь нужныхъ къ моей книгѣ изъясненій, я охотно готовъ отвѣтствовать таковымъ любителямъ Исторіи. Съ благодарностію же приму всякое примѣчаніе, естьли я, не имѣя у себя многихъ чужестранныхъ о *Россіи* Писателей, пропустилъ что нибудь важное. Таковыя примѣчанія въ слѣдующихъ Частяхъ не премину особо припечатать.

Что надлежитъ до слога въ моей книгѣ, то хотя я стараюсь дать ему древняго нашего языка важность, свойственную лицамъ и вещамъ, представляющимся въ *Россійской* Исторіи, но не вовсе убѣгаю употребленія словъ нынѣшнихъ: ибо, почитая высокое *Славено-Россійское* витійство умершихъ, не ставлю за маловажное соглашаться съ простонарѣчіемъ живыхъ людей.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ СЛАВЯНЪ И ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ РОССІЯНЪ.

СЛАВЯНЕ.

СЛАВА, какъ видно, была въ древности особымъ Божествомъ *Славянъ*, кои отъ нея заимствовали по справедливости свое имя. Хотя Исторія отдаленныхъ вѣковъ смѣшенно представляетъ намъ *Азію* и *Европу*, населяемую иногда раздѣленными поколѣніями отъ единаго народа, иногда же совокупленными отъ разныхъ странъ, то подъ разными, то подъ общими именованіями; хотя начала, произхожденія, переселенія, смѣшенія, раздѣленія и войны многихъ народовъ, кажутся быть покрыты мракомъ едва извѣстной древности: имѣемъ мы, однако, свидѣтельства, удостовѣряющія насъ въ неложномъ ихъ существованіи. Бездна вѣковъ, поглотившая бытіе не только мно-

гихъ частныхъ народовъ, но и самыхъ великихъ Имперій, оставила намъ признаки и Историческія повѣствованія, на которыхъ мы утверждаемся.

Изъ сего необъятнаго пространства Исторіи, которой подробности не всегда вѣроятны и мало нужны для свѣденія, не безполезно было бы произвесть вѣрное поколѣніе народовъ отъ перваго нашего Родоначальника по время, когда *Славяне*, и напослѣдокъ *Россіяне*, кажется, какъ будто остановили раздѣленіе племенъ, соединенныхъ въ своемъ началѣ; но великость предпріятія, сверхъ того, что требуетъ долгаго времени и многихъ недостающихъ мнѣ способовъ, отдалила бы меня отъ краткости моего примѣчанія, касающагося только до *Славянъ* или *Россіянъ*.

Древность всѣхъ первоначальныхъ племенъ и языковъ имѣла свои степени, и *Славяне* долженствовали испытать общую всѣмъ превратность. Исторія являетъ, что народы *Славенскіе* стали быть болѣе извѣстны въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Они разсѣяны были въ сей пространной *Азіатской* и *Европейской* части, которая называлась *Сармаціею*, почему и языкъ ихъ называли тогда вообще *Сар-*

матскимъ; между тѣмъ, какъ различно называли его по именованіямъ частныхъ народовъ, тотъ же языкъ имѣвшихъ.

Въ послѣдствіи *Славяне* (*Славены*, *Славоны*), *Русы* (*Россы*, *Россіяне*), *Венды*, *Богемцы*, *Поляки*, *Чехи*, *Болгары*, *Сербы*, *Далматы*, *Моравцы* и многіе другіе, донынѣ *Славенскимъ* или произходящимъ отъ него языкомъ отличающіеся народы, часто соединенными, а иногда и особенными силами потрясали *Востокъ* и *Западъ*. Нѣкоторые изъ помянутыхъ народовъ основали славныя Государства въ *Азіи* и *Европѣ*, и послѣдовавшіе ихъ роды ставятъ себѣ въ честь произходить отъ таковаго корни.

Между прочими областями *Славяне* и городъ *Славенскъ*, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго *Новагорода*, являются давнѣе извѣстны. Сей послѣдній знаемъ былъ въ пятомъ вѣкѣ: древность же города *Славенска* простирается до временъ Апостольскихъ; и по самой неизвѣстности его начала, о давномъ бытіи его сомнѣваться не можно. Вскорѣ по *Христѣ* Святый Апостолъ *Андрей Первозванный*, проповѣдуя Евангеліе и водрузивъ Крестъ

на горѣ, гдѣ нынѣ *Кіевъ*, былъ потомъ у *Славянъ* въ *Славенскѣ*. Видны еще и нынѣ развалины древняго сего города (*).

Равнымъ образомъ *Славенія (Славонія)*, нынѣ подъ *Австрійскимъ* владѣніемъ заключающаяся между рѣками *Дунаемъ*, *Савою* и *Дравою*, была главною отчизною *Славенъ* Южныхъ и имѣла своихъ Государей.

Можетъ быть чуждой славы завистники, безсильны будучи спорить противу дѣлъ, захотятъ умствованіемъ лишать *Славянъ* по малой мѣрѣ имени, имъ свойственнаго. Скажутъ они, что не такъ называли ихъ сосѣди, ими воюемые; но доказательно, что не воюемые сосѣди и не сами себя *Славяне* такъ назвали. Сосѣди и подданные при-

(*) Различіе, какое является въ письменныхъ и печатныхъ книгахъ, то есть: въ иныхъ *Славенскъ*, въ другихъ *Словенскъ*, тамъ *Славяне*, а индѣ *Словяне*, не дѣлаетъ различія въ разумѣніи: ибо *Новогородцы*, по старому своему нарѣчію, донынѣ легко произносятъ и пишутъ О тамъ, гдѣ должно писать А. Сверхъ того *Словянъ* названіе, будто бы производное отъ *Слова*, кажется быть столь же неестественно, какъ бы производное отъ *слуха*, или *видѣнія*. Весь міръ населенъ народами *словесными*, *слышащими* и *видящими*, но не всѣ имѣютъ славу, какую пріобрѣли *Россіяне*: я въ томъ ссылаюсь на всѣхъ народовъ.

кладывали имя *Славы* Государямъ, въ воздаяніе ихъ благотвореній къ людямъ и заслугъ къ Отечеству, а по Государямъ и народы ихъ принимали сходственное наименованіе. Многія области, въ войнѣ и въ мирѣ, нерѣдко бывъ удивляемы, милуемы, спасаемы и покровительствуемы побѣдоносными ихъ силами, могли называть *Славянъ*, столь же правдиво всѣми именами, какія удивленіе, почтеніе и благодарность внушить могутъ.

Подобно сему въ древней *Греціи* названіе *Ираклій (Геркулесъ)*, составленное изъ *Греческаго* *῞Ηρα*, значущаго нѣкоторое Божество, и другаго слова *κλέος*, значущаго *славу* или *хвалу*, давалось славнымъ людямъ: а потому и потомки *Ираклієвы*, или, можно сказать, цѣлые народы, отъ него произшедшіе, назывались *Ираклиды (Гераклиды)*

Писатели древностей производятъ *Славянъ* отъ *Скиѳовъ*, а нѣкоторые ведутъ ихъ отъ народовъ еще болѣе древнихъ, и даже отъ *Мосоха*, одного изъ дѣтей *Афетовыхъ*. Предки *Славянъ* во всѣхъ полагаемыхъ ихъ происхожденіяхъ отличались всегда любле-

ніемъ нѣкоторой *Славы* и твердыми обычаями, кои служили имъ вмѣсто законовъ. По свойственному же нещастію всѣхъ храбрыхъ народовъ, они, торжествуя надъ внѣшними непріятелями, нерѣдко вели и междоусобныя войны, кои препинали ихъ общему благосостоянію: и сіе, конечно, было главною причиною позднаго *Славянъ* разпространенія.

Славный народъ дѣлами возгремѣлъ въ свѣтѣ приличнымъ ему именемъ, подъ управленіемъ Государей *Славянскихъ*, въ шестомъ вѣкѣ, въ царство *Юстиніана* Великаго. Владѣтели разныхъ племенъ древняго сего народа, хотя не назывались всѣ *Славянскими*, но, сохраняя нѣкоторымъ образомъ общественное ихъ титло, придавали къ собственнымъ именамъ своимъ единозначущія окончанія, и назывались *Святославы*, *Изяславы*, *Владиславы*, *Премиславы*, *Венцеславы*, *Мечиславы* и проч.

То же видно въ свойственныхъ сему народу припѣвахъ, каковые донынѣ еще слышатся въ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ *Славянскихъ* пѣсней, въ коихъ припѣвается всегда *Слава*.

Таковые припѣвы, естьли бы и не были въ древности, то приличны нынѣ въ *Россіи*, покровительствуемой Боже-

ствомъ господствующимъ надъ *Славою*. Обожаемую нами Обладательницу называютъ: *человѣчество* Милосердою, *истина* Правосудною, *законы* Премудрою, *науки* Великою, *подданные* Матерію Отечества; всѣ же купно и весь свѣтъ присоединяютъ къ ЕКАТЕРИНѢ, толь многоименитой, древнее, нынѣ вновь оправданное нареченіе *Славной*. Владѣніе сей Монархини представляетъ намъ въ *Россіи* толь рѣдкія произшествія, что оныя во множество вѣковъ не только не могли содѣлаться, но и казались невозможными. И такъ, я необходимо долженъ буду, сокративъ предслѣдующія произшествія, примѣтить наиболѣе вѣкъ знаменитый многоразличными образами; вѣкъ, преславный мудрыми уставами, преднаписующими щастіе въ *Россіи* родовъ будущихъ.

Сіе краткое начертаніе да послужитъ зрѣлымъ возрастамъ пріятнымъ воспоминовеніемъ; юнымъ же да подастъ нужныя познанія о своемъ Отечествѣ; да вселитъ въ нихъ охоту къ пространнѣйшему пріобрѣтенію таковыхъ познаній, и да питается въ сердцахъ ихъ любовь къ истинной *Славѣ*, щастливо предводившей отцовъ нашихъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

КIЕВЪ.

Годы по Рож. Хр.

Первыя степени начинающейся *Россiи* не имѣли блеска въ ученой Республикѣ, и покрыты обыкновенною темнотою древности; ибо до девятаго вѣка не было еще у *Славянъ* письменъ, кои они тогда отъ Грековъ приняли. Чужестранные же Писатели упоминали о *Славянахъ* только по случаямъ, когда народы сiи имѣли какое нибудь сношенiе съ другими народами; слѣдственно и не могли чужестранные писать объ нихъ съ такою непрерывною подробностiю, какая требуется для составленiя порядочной Исторiи.

Испытательная истина отверзаетъ себѣ путь медленнымъ шествiемъ; открываетъ сквозь завѣсу времени, основанiе *Кiева*, но еще не расторгаетъ сiю преграду, погружающую во мракѣ
430. послѣдованiе нѣсколькихъ вѣковъ въ семъ древнемъ городѣ. Въ началѣ пятаго вѣка представляется намъ пришествiе изъ нѣкоторыхъ степей трехъ братьевъ, Князей: *Кiя*, *Щека* и *Хорева*, съ сестрою ихъ *Лыбедью* къ *Днѣпру*, въ

то мѣсто, гдѣ Святый Апостолъ *Андрей Первозванный* оставилъ знаменіе. Тутъ они поселились и построили себѣ города, которые по именамъ своимъ назвали: *Кій* создалъ городъ *Кіевъ*, Столицу древнихъ Князей *Кіевскихъ*; *Щекъ* основалъ неподалеку городъ *Щековицу*; *Хоревъ* построилъ *Хоревицу* (*Вышьгородъ*); а сестра ихъ *Либедь* соорудила *Либединъ* на рѣкѣ, названной ея же именемъ. Пришедшіе съ сими Князьями подвластные имъ Владѣтели: *Радимъ*, *Вятка*, *Дулебъ*, произвели именованія *Радимичей*, *Вятчанъ*, *Дулебянъ* нынѣ (*Лучанъ*) и другихъ подобныхъ сему народовъ.

Донынѣ не открыто еще вѣрныхъ свидѣтельствъ, по которымъ бы можно было вести послѣдованіе частной *Кіевской* и купно *Россійской* Исторіи, до временъ *Руриковыхъ*. Но должно сказать здѣсь вообще о *Славянскихъ* народахъ, что они, прежде и послѣ основанія *Кіева*, время отъ времени распространяясь въ *Азіи* и *Европѣ*, жили по разнымъ мѣстамъ въ великомъ раздѣленіи. Частыя ихъ войны, иногда съ *Греческими* Императорами, иногда съ

Западными Государями, а иногда съ сосѣдственными и единоплеменными областями, притомъ образъ дикой тогдашнихъ народовъ жизни, содѣлывали ихъ преселенія и перемѣны весьма обыкновенными. Они возвышались, упадали и изчезали по мѣрѣ успѣха или нещастія въ военныхъ ихъ предпріятіяхъ. Большею же частію они соединялись подъ именемъ *Сарматовъ*, *Славянъ*, *Болгаровъ*, *Богемцовъ*, *Поляковъ* и *Венгровъ* (*).

Во второй половинѣ девятаго вѣка является новый свѣтъ въ Исторіи, открывающій уже непрерывное послѣдованіе *Россійскихъ* Государей. Сія эпоха будетъ началомъ моего пространнѣйшаго примѣчанія *о Россіи*, подъ разными владѣніями.

(*) Нѣкоторыя описанія о сихъ древнихъ народахъ изданы уже на *Россійскомъ* языкѣ пищательными Особами: *Россійская Исторія Князя Михайлы Михайловича Щербатова, Историческіе Мѣсяцословы* 1776 и 1777 *года*.

КНЯЖЕНІЕ НОВОГОРОДСКОЕ.

РУРИКЪ.

Рурикъ, *Синеусъ* и *Труворъ*, три браша Князья, призваны *Славянами* отъ *Варягъ-Россовъ* изъ областей, лежащихъ на берегахъ *Варяжскаго* (*Балтійскаго*) моря, на Великое Княженіе *Новогородское*, по совѣту *Гостомысла*, одного изъ главныхъ въ *Новѣгородѣ*. Сіи три браша, раздѣливъ между собою владѣніе, построили себѣ три столичныхъ города: *Рурикъ* на *Ладожскомъ озерѣ*, что нынѣ именуется *Старая Ладога*; *Синеусъ* на *Бѣлѣ-Озерѣ*, а *Труворъ* построилъ *Изборскъ*, не подалеку отъ *Пскова*. 862.

Новогородцы, привыкшіе до сего времени къ нѣкоторому республиканскому правленію, положили въ условіи съ сими Князьями, чтобъ они защищали границы отъ внѣшнихъ непріятелей, но власть ихъ внутри областей ограничили. Таковое условіе не могло сообразоваться съ Государственнымъ управленіемъ, и Верховная власть вско-

рѣ нашла себѣ непріятелей. Призванные Князья, распространяя границы своихъ владѣній и имѣя подъ предводительствомъ силы, имѣли способы часто отступать отъ помянутыхъ условій. А какъ сіе противно было народному своеволію, то отъ того произошелъ въ *Новѣгородѣ* бунтъ; но оный вскорѣ былъ прекращенъ: начальникъ бунтовщиковъ, именуемый *Вадимъ*, убитъ, и *Новогородцы* приведены въ послушаніе.

Синеусъ и *Труворъ*, не долго княживъ, кончили жизнь; и какъ они не имѣли дѣтей, то по смерти ихъ всѣ
865. *Славено-Россійскія* области достались въ единодержавство *Рурику*, отъ котораго велись Великіе Князья и Цари *Россійскіе* безпрерывнымъ порядкомъ 736 лѣтъ, до кончины Царя *Өеодора Іоанновича*, послѣдняго изъ сего рода.

Рурикъ, для удобности въ правленіи, раздѣлилъ пространныя свои владѣнія на разныя области, кои имѣли свои города, и народы сихъ областей имѣли особыя именованія, какъ то: въ *Новѣгородѣ Славяне*, на *Бѣлѣ-Озерѣ Весь*, въ *Полоцкѣ Кривичи*, въ *Ростовѣ Мери*, въ *Муромѣ Муромцы* и проч.

При таковомъ раздѣленіи царствовало, однако, нѣкоторое единодушіе. Благостроительная власть совокупляла во едино разныя общества *Славянскихъ* поколѣній; и сіе соединеніе болѣе, нежели военныя предпріятія, содержало въ страхѣ строптивыхъ сосѣдей, кои, въ дикости своей, не признавали другаго права, кромѣ права сильнаго.

Во время же, какъ благоразуміе, осторожность и храбрость *Руриковы* претворяли безпорядокъ во благоустройство, необузданность въ послушаніе, пустыни въ города и селенія, въ *Кіевѣ* княжили *Оскольдъ* и *Диръ*. Идолослуженіе и дикость нравовъ тогдашнихъ народовъ *Славянскихъ* содѣлывали ихъ непримиримыми и наслѣдственными врагами Императорамъ *Греческимъ*. *Оскольдъ* и *Диръ*, побужденные примѣрами предковъ и храбростію *Славянъ*, своихъ подданныхъ, ходили также войною подъ *Константинополь*. Но Императоръ *Михаилъ* III, тогда царствовавшій, принудилъ ихъ совершен- 866.
ною своею побѣдою, съ малымъ спасшимся числомъ, вспять возвратиться.

Каждый себѣ представить можетъ преимущества, каковыя имѣлъ надъ сими Князьями *Рурикъ* во благоустроенномъ своемъ владѣніи. Сей Государь, по сем-
879. надцатилѣтнемъ княженіи, при кончинѣ препоручилъ воспитаніе малолѣтнаго своего сына *Игоря* и государственное правленіе до его возраста сроднику своему *Олегу.*

Около сихъ временъ *Константинъ* (онъ же *Кириллъ*) *Салунскій* и *Меѳодій*, Учители Церковные, посланные изъ *Константинополя*, принесли въ *Моравію* сочиненныя ими *Славянскія* письмена и перевели нѣкоторыя церковныя книги съ *Греческаго* языка на *Славянскій*; ибо тогда въ *Моравіи* и въ другихъ областяхъ находившіеся *Славяне* частію приняли уже Святое Крещеніе.

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВОГОРОДСКОЕ.

ОЛЕГЪ.

Олегъ, воспитатель *Игоревъ* и правитель Княженія по смерти *Рюриковой*, объѣхалъ области, во власть ему ввѣренныя. На мѣстѣ же, гдѣ три рѣки: *Москва, Яуза* и *Неглинная* со- 880.
единяются, основалъ малый городокъ, который назвалъ, по имени главной рѣки, *Москвою*, и далъ во управленіе одному изъ своихъ сродниковъ.

Когда напослѣдокъ *Олегъ* утвердилъ власть свою въ *Новѣгородѣ* и въ окрестныхъ областяхъ, то началъ мыслить о ихъ разпространеніи. Извѣстіе о разбитіи *Оскольда* и *Дира* подъ *Константинополемъ*, гдѣ сіи Князья истощили всѣ свои силы, подало ему случай къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. *Олегъ*, взявъ съ собою малолѣтнаго *Игоря*, пошелъ войною къ *Кіеву*. Идучи же въ низъ по 881.
Днѣпру, взялъ *Смоленскъ* (нынѣ Намѣстничество) и въ немъ оставилъ вѣр-

ныхъ людей для управленія. Потомъ, убивъ подъ *Кіевомъ Оскольда* и *Дира* и овладѣвъ городомъ, присовокупилъ къ
883. *Игореву Новогородскому* Княженію *Южную Россію*. Онъ перенесъ столицу изъ *Новагорода* въ *Кіевъ*, и съ того времени *Россійскіе* Князья назывались *Кіевскими* и *Новогородскими*.

Олегъ, по примѣру *Рурикову*, поставилъ въ городахъ новаго Княженія правителями Бояръ своихъ; притомъ принудилъ *Древлянъ*, *Сѣверянъ* и *Радимичей* давать себѣ дань, которую послѣдніе изъ сихъ давали прежде *Козарамъ* (нѣкоторому *Азіатскому* народу).

Сей мудрый правитель, женивъ
904. потомъ воспитаннаго имъ *Игоря* на славной *Ольгѣ*, правнукѣ *Гостомысловой*, и оставивъ его въ *Кіевѣ*, пошелъ войною на *Константинополь*. *Славено-Россійскіе* народы, знаемые тогда *Грекамъ* подъ общимъ именемъ обитателей *Великой Скиѳіи*, составили подъ предводительствомъ *Олеговымъ* сильное войско. *Варяги*, *Славяне*, *Чудь*, *Кривичи*, *Мери*, *Поляне*, *Сѣверяне*, *Древляне*, *Радимичи*, *Вят-*

чане, *Хорваты*, *Дулебяне* и *Тиверцы* являются въ совокупленіи и послушны единому начальнику. Они, въ числѣ осмидесяти тысящь, пускаются на многихъ судахъ внизъ *Днѣпромъ*, а потомъ *Чернымъ* моремъ, къ *Константинополю*; разоряютъ на пути города, побиваютъ сопротивныя имъ силы, берутъ великое число плѣнниковъ и уже достигаютъ до пролива, раздѣляющаго *Европу* съ *Азіею* подъ стѣнами *Константинопольскими*. Тщетно *Греки* заграждаютъ судамъ путь протяженною чрезъ проливъ желѣзною цѣпью: *Олегъ* повелѣваетъ войску своему сойти на берегъ, ломитъ всѣ преграды и под- 907. ступаетъ къ городу.

Царствовавшіе тогда Императоры, *Левъ* и *Александръ*, толико устрашены были симъ нечаяннымъ подступленіемъ, что не укоснили просить у *Олега* мира, обѣщавая давать ему дань. *Олегъ* склонился на предложеніе и отступилъ нѣсколько отъ города, но не прежде, какъ по изтребованіи отъ Императоровъ соглашенія, дать нѣкоторую дань деньгами на каждаго его воина. Потомъ отправилъ въ *Константинополь* пословъ, для поставленія съ

Имперіею мирныхъ и коммерческихъ договоровъ.

Греки, въ страхѣ и недоумѣніи, соглашались на все, что *Олегъ* имъ ни предписывалъ, и обѣщали между прочимъ давать впредь дань на нѣкоторые города *Славено-Россійскіе*, а именно: на *Кіевъ*, *Черниговъ*, *Переславль* (что на *Клещинѣ Озерѣ*), *Ростовъ*, *Любичь* и прочіе, находившіеся въ управленіи Князей, подвластныхъ *Кіевскому* Княженію.

По заключеніи договоровъ, *Олегъ* имѣлъ свиданіе съ Императорами, и предъ отшествіемъ изъ *Константинополя*, поставилъ тамъ на воротахъ *Галатскихъ*, на вѣчную память своей славы, щитъ *Игоревъ*, на которомъ изображенъ былъ конный воинъ.

Олегъ, чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ въ *Кіевъ*, разсудилъ за благо послать еще пословъ въ *Константинополь*, для вторичныхъ договоровъ съ Имперіею, поколику первые, постановленные въ страхѣ и торопости, долженствовали быть недостаточны: слѣдственно производили нѣкоторыя несогласія.

Сіи вторичные договоры, болѣе взаимные, нежели первые, были съ обѣихъ сторонъ непринужденно подписаны и утверждены клятвами; въ заключеніе чего *Греки* цѣловали Крестъ, а *Кіевляне*, 912.
по закону идолопоклонниковъ, клялись оружіемъ и богами *Перуномъ* и *Волосомъ*.

Императоры, въ знакъ дружелюбія своего къ *Олегу* и *Игорю*, почтили пословъ ихъ многими дарами, повелѣли казать имъ находящіяся въ *Константинополѣ* драгоцѣнности; особливо же повелѣли дать видѣть благолѣпіе церквей и священныхъ утварей, съ изъясненіемъ имъ притомъ *Христіанскаго* закона, дабы привлечь ихъ къ оному; потомъ съ великою честію ихъ отпустили.

Храбрый и благоразумный *Олегъ*, правившій *Россіею* со славою тридцать четыре года, получилъ нечаянную смерть отъ мертвой головной лошадиной кости, которую онъ, идучи мимо, толкулъ ногою и тутъ въ ногу былъ ужаленъ змѣею, изскочившею изнутри сей головы, гдѣ она таилась.

~~~~~~~
~~~~~~~

ИГОРЬ.

Едва *Олегъ* кончилъ жизнь и *Игорь* вступилъ въ наслѣдственное Княженіе,
913. какъ покоренные *Олегомъ* народы начали помышлять о возвращеніи прежней своей вольности. Повиновеніе, произведенное въ нихъ мужествомъ и благоразуміемъ сего искуснаго Правителя, уступило мѣсто необузданному своеволію; ибо не вѣдали они еще качествъ новаго Князя. *Древляне* первые, взбунтовавъ, отказали давать дань; но *Игорь*, не оставляя имъ времени уси-
914. литься, вскорѣ смирилъ ихъ оружіемъ и наложилъ на нихъ дань болѣе прежней.

Въ то же время *Свенельдъ*, воевода *Игоревъ*, покорилъ *Угличей* и взялъ *Пересѣчень*, ихъ городъ, по щетномъ его защищеніи.

Печенѣги (нѣкоторый *Азіатскій* народъ), бродя по разнымъ странамъ, вошли тогда въ *Россію* и угрожали ей опустошеніемъ. *Игорь* сперва не разсудилъ за благо воевать со скитающимися людьми, коихъ побѣда не могла быть много полезна, и сдѣлалъ съ ними миръ;

но чрезъ пять лѣтъ принужденъ былъ употребить противу ихъ силу оружія, 920.
которая привела ихъ въ покорство.

А какъ не задолго предъ симъ *Греки* претерпѣли великіе уроны въ войнѣ съ *Болгарами*; то *Игорь,* дабы воспользоваться симъ случаемъ, предпринялъ напасть на ослабленную Имперію, хотя тогда *Болгары* согласны были съ *Греками.*

Кіевскій Князь отправляется водою со многочисленными силами, пристаетъ къ берегамъ Имперіи: *Понтъ, Ираклію, Пафлагонію* и всю *Никомидію* плѣняетъ, разоряетъ, опустошаетъ. Но предъ симъ *Болгары* увѣдомили заблаговременно *Грековъ* о наступленіи и о числѣ непріятелей. *Греческіе* полки успѣли собраться, встрѣтить и окружить *Игоря*, такъ что онъ, по неудачномъ сраженіи, принужденъ былъ возвратиться въ Отечество. Тамъ онъ набираетъ новое войско, присовокупляетъ къ себѣ *Варяговъ* и *Печенѣговъ*, и идетъ паки на Имперію съ большими силами.

Греки, получа о томъ извѣстіе и 924.
вѣдая храбрость войскъ *Игоревыхъ*, посылаютъ къ нему пословъ, съ предложеніемъ мира и сугубой дани предъ тою, какую они давали *Олегу*.

Игорь удовольствовался, не извлекая меча, сею побѣдою и, взявъ съ *Грековъ* дань, возвратился славно въ *Кіевъ; Печенѣгамъ* же повелѣлъ напасть на *Болгаръ*.

Нужно было, однако, утвердить миръ съ *Греческою* Имперіею: ради того *Игорь* посылалъ пословъ въ *Константинополь*, для возобновленія мирныхъ договоровъ, постановленныхъ *Олегомъ*, и къ тому прибавлены были новые, въ которыхъ, между прочимъ, отъ стороны царствовавшихъ тогда Императоровъ обѣщано: „чтобъ „имъ не нанимать въ службу свою войскъ „*Славено-Россійскихъ*, безъ дозволе-„нія Князей ихъ." *Греческіе* Императоры взаимно присылали пословъ къ *Игорю*, для утвержденія сихъ договоровъ клятвами въ ненарушимой силѣ, которая часто была нарушена.

Игорь, въ мирѣ со всѣми сосѣдями, наслаждался уже подъ старость лѣтъ плодами своего мужества. Спокойство и тишина царствовали во всѣхъ его областяхъ. Но особая милость и награжденіе отъ него *Свенельду*, побѣдителю *Угличей*, привели къ зависти другихъ вельможъ. Война, часто Государству вредная, полезна всегда полководцамъ, ищущимъ особенной своей корысти въ истребленіи чело-

вѣчества. Сіи вельможи непрестанно побуждали *Игоря* къ брани противу *Древлянъ*, представляя ему, что онъ можетъ принудить ихъ платить дань еще большую. Князь послѣдовалъ, наконецъ, ихъ совѣту. *Древляне* вострепетали отъ силы его оружія и дали ему дань усугубленную; но онъ, не удовольствовавшись тѣмъ, требовалъ еще новой дани.

Тщетно *Малдисъ* (*Малъ*), Князь *Древлянскій*, посылалъ къ нему съ представленіемъ, коль несправедливы его требованія, кои впрочемъ не были уже подкрѣплены довольными силами: ибо *Игорь* отпустилъ большую часть войскъ назадъ съ данью. Не взирая на то, онъ отважился съ малымъ числомъ напасть на *Древлянскія* селенія. И когда подступилъ уже подъ главный ихъ городъ *Коростенъ* (*Искорестъ*); то *Древляне*, видя его почти безъ войскъ, вышли оттуда во многочисленности, окружили, убили и погребли его подъ городомъ. 945.

Симъ образомъ безмѣрно отважный Государь кончилъ жизнь, шестидесяти осьми лѣтъ отъ роду, княживъ, по кончинѣ *Олеговой*, тридцать два года.

СВЯТАЯ ОЛЬГА (ВЪ КРЕЩЕНІИ ЕЛЕНА).

По убіеніи *Игоря* отъ *Древлянъ*, супруга его Великая Княгиня *Ольга*, въ
945. малолѣтство сына своего *Святослава*, вступила въ *Кіевское* и *Новогородское* Княженіе; первая изъ женскаго пола въ *Россіи* народомъ управляла, но съ толикою славою, что казалось, какъ бы она прообразовала могущество и щастіе *Россійскаго* скипетра въ рукахъ ея пола.

Древляне имѣли наглость присылать къ ней разныя посольства, съ предложеніемъ, и даже съ угрозами и принужденіемъ, чтобъ она вышла замужъ за Князя ихъ *Малдиса*; а чрезъ то *Древлянскій* Князь надѣялся получить во власть спокойнѣйшимъ образомъ пространныя *Россійскія* владѣнія.

Ольга, озлобленная убійствомъ своего супруга, наипаче раздражена была симъ предложеніемъ, но скрыла свою досаду и притворно увѣрила пословъ, что она сама пріѣдетъ въ *Коростенъ*

въ ихъ Князю. Между тѣмъ, мстя *Древлянамъ* разными образами, пошла въ самомъ дѣлѣ къ нимъ съ войскомъ. Юный *Святославъ*, сынъ ея, находился съ нею въ семъ походѣ и, предупреждая возрастъ свой, являлъ уже мужественные подвиги, предзнаменовавшіе будущія его побѣды. *Малдисъ*, тогда не мысля болѣе о женитьбѣ, затворился въ *Коростенѣ*; и какъ трудно было взять сію укрѣпленную столицу *Древлянскую*, то *Ольга* требовала, для своего отступленія отъ оной вмѣсто дани, за неимѣніемъ тогда въ *Коростенѣ* другихъ вещей, по три голубя и по три воробья съ каждаго двора въ городѣ. *Древляне* съ радостію даютъ ей требуемую дань, дабы только она оставила ихъ безъ дальняго мщенія. Не мыслятъ они, что голуби и воробьи, въ рукахъ *Ольгиныхъ* будутъ имъ столь же пагубны, какъ ея оружіе; ибо она повелѣла вплести въ хвосты принесеннымъ птицамъ по фитилю, и ночью, зажегши сіи фитили, пустить оныхъ на волю. Голуби и воробьи тотчасъ возвращаются подъ кровли домовъ въ свои гнѣзда, зажигаютъ во всѣхъ мѣстахъ городъ: пламень по-

жираетъ убѣжища осажденныхъ, и стѣны ихъ сами собою рушатся. Отчаянные *Древляне* ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, но бѣгущихъ всюду постигаютъ воины, и спасенные отъ огня падаютъ подъ мечемъ гонящихъ; самъ Князь *Малдисъ* убитъ во множествѣ; оставшіе *Древляне* емлются въ плѣнъ и покоряются. *Ольга* полагаетъ новыя дани на
946. всѣ ихъ города и возвращается въ *Кіевъ*, совершенно отмстивъ *Древлянамъ*.

Внутреннее государственное устроеніе было, потомъ, главнымъ предметомъ попеченій сей мудрой Владѣтельницы. Она, оставивъ сына своего подъ присмотромъ вѣрныхъ людей, сама отправилась объѣхать свои владѣнія. Таковъ былъ обычай древнихъ *Россійскихъ* Государей по вступленіи на престолъ: увидѣть своими очами все, что было имъ подвластно, разсмотрѣть состоянія всякихъ селеній, узнать ихъ способы и недостатки, размѣрить подати по силамъ различныхъ подданныхъ, распорядить доходы, искоренить злоупотребленія, наградить добродѣтели, исправить погрѣшности, защитить утѣсненныхъ, смирить утѣснителей (*).

(*) Толь полезный обычай приведенъ въ наилучшее дѣйство нынѣ владѣющею нашею Само-

Слѣдуя сему похвальному Государскому обычаю, *Ольга* сдѣлала въ областяхъ своихъ разныя полезныя учрежденія: населила людьми пустыя земли, раздѣлила ихъ на погосты и, основавъ благоденствіе своихъ подданныхъ, возвратилась въ престольный градъ, собирать спокойно плоды мудраго своего устроенія.

Природа одарила *Ольгу* рѣдкою красотою, которая, подобно ея высокому духу, блистала еще и въ сихъ лѣтахъ, когда прешедшая младость обыкновенно оставляетъ единый разумъ надъ сердцами владычествовать. Съ таковымъ внѣшнимъ одареніемъ, имѣла она тонкій и проницательный умъ, способный къ изслѣдованію и познанію *блага и истины*. Сія Государыня, вознесенная на степень величія и щастія, при окружающемъ ея спокойствіи, чувствовала еще въ душѣ своей болѣзнованіе. Бого-

---

державицею. Отдаленные города, славящіеся Ея посѣщеніемъ, почитаютъ оное щастливѣйшимъ въ бытіи своемъ достопамятствіемъ. И хотя не могла она обозрѣть въ пространныхъ своихъ областяхъ безчисленныхъ и многоразличныхъ селеній, тѣмъ не менѣе сіи, въ новомъ бытіи, полны Ея именемъ. *Примѣчаніе Сочинителя.*

творенie веществъ въ ея Отечествѣ, и сопряженная съ симъ дикость нравовъ и странность обычаевъ, всегда представлялись ей недостойными созданiя мыслящаго. Чтимые легковѣрнымъ народомъ идолы, являли ей совершенную суетность человѣческаго прибѣжища. Снизшедшая съ Небесъ Святая *Вѣра* коснулась ея сердца и воспламенила его ревностнымъ желанiемъ познать Бога Истиннаго.

Въ *Константинополѣ* тогда сiявшее благочестiе убѣждало невѣрныхъ многими знаменiями, и отчасу болѣе простирало во вселенной свою силу. *Вѣрою* предводимая Княгиня *Россiйская*, предпрiемлетъ путешествiе въ *Грецiю*; является, съ приличнымъ великолѣпiемъ, въ столицѣ правовѣрныхъ Императоровъ, научается *Христiянскому* закону и проситъ просвѣтить себя Крещенiемъ.

Царствовавшiй тогда Императоръ *Константинъ Багрянородный* плѣнился ея достоинствами. Духовныя и государственныя причины присоединялись къ его склонности. Онъ предлагалъ *Россiйской* Княгинѣ вступить съ нимъ въ супружество; но она пристой-

нымъ образомъ избѣжала отъ сей чести, которая не согласовалась ни съ сердцемъ ея, ни съ лѣтами.

Ольга, приступая ко Святому Крещенію, выбрала въ воспріемники самаго Императора: потомъ она не могла уже быть супругою своему отцу крестному, и *Константинъ* долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ закону.

Онъ отпустилъ ее со многими дарами въ Отечество, куда, возвратившись Святая *Ольга*, начала просвѣщать людей познаніемъ Истиннаго Бога. Но свѣтъ Евангельскій не озарилъ еще тогда всю *Россію*, и большая часть народа осталась въ прежнемъ невѣріи; почему и *Святославъ* не послѣдовалъ увѣщаніямъ своей матери, которая тщетно старалась склонить его къ *Христіянству:* ибо онъ боялся возмутить чрезъ то противу себя подданныхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ, *Святославъ* частію началъ уже княжить еще при жизни своей матери, которая потомъ ѣздила во *Псковъ*, обновила сей городъ и соорудила тамъ церковь во имя *Святыя Троицы.*

4*

СВЯТОСЛАВЪ.

Склонность къ войнѣ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ содѣлалась главною страстію *Святославовою*. Владычество же, пріобрѣтаемое оружіемъ и храбростію, нравилось народу, находившему въ единыхъ побѣдахъ свое благосостояніе. *Святославъ* вскорѣ пріучилъ своихъ воиновъ къ строгой жизни, какую самъ испытывалъ. Шатры, постели, поварни, излишнія одѣянія, повозки и все, что можетъ служить къ роскоши или упокоенію, изгнано было изъ его стана. Поле являлось его жилищемъ, твердая земля служила ему вмѣсто постели, сѣдло въ изголовье, отъ ловли звѣрей мясо, печеное на угольяхъ, было его пищею; легкая одежда и добрый конь сокращали медленность путей къ далечайшимъ странамъ, гдѣ только онъ предпринималъ ставить свои знамена. Таковъ былъ *Святославъ*, таковы были его воины!

Но колико сей Государь щастливъ былъ въ побѣдахъ, толико неосмотрителенъ въ послѣдствіяхъ оныхъ; ибо

для удержанія завоеваннаго, для содѣланія выгоднаго мира и союза съ народами, для совершеннаго ихъ покоренія, для утвержденія безопасности въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, потребны, сверхъ мужества и храбрости, другія качества, каковыя не менѣе были бы полезны *Святославу*.

Сей Государь, въ первыхъ лѣтахъ своего владѣнія, ходилъ съ войскомъ къ рѣкамъ *Окѣ* и *Волгѣ*, требовать дани 962. отъ *Вятичей*; но сіи тогда находились подъ покровительствомъ *Козаръ* и имъ дань платили, *Святославу* же отказали въ его требованіи. И такъ онъ, дабы надежнѣе содѣлать *Вятичей* своими данниками, вознамѣрился покорить прежде *Козаръ*, ихъ защитниковъ.

Предпріятіе его имѣло желаемые успѣхи: *Козары* хотя вышли на сопротивленіе, но были въ конецъ разбиты. Побѣдители взяли *Саркелъ* (*Бѣлу-Вежу*, *Бѣлую Весь*), ихъ столицу, съ другими городами; послѣ чего *Святославъ* легко принудилъ *Вятичей* платить себѣ дань, ибо тогда они не давали уже оной *Козарамъ*.

Греческій Императоръ *Никифоръ Фока*, вѣдая храбрость войскъ *Свято-*

славовыхъ и дабы отвести толь страшнаго непріятеля отъ бранныхъ помысловъ
965. ловъ противу *Константинополя*, прислалъ къ нему посольство, склонить его идти войною на *Болгаръ*, кои предъ симъ отказали Императору въ помощи, какой онъ требовалъ отъ нихъ противу *Венгровъ*, тогдашнихъ своихъ непріятелей. *Святославъ*, ища побѣдъ и корысти, охотно соглашается на предложеніе отъ Императора, наступаетъ на *Болгаръ*, побиваетъ ихъ во многихъ случаяхъ, беретъ множество городовъ по *Дунаю* и тамъ, ради военныхъ и торговыхъ способностей, забывая Отечество, помышляетъ утвердить столицу въ *Переславцѣ* (по древнему названію въ *Мегалополемѣ*).

Во время же, какъ *Святославъ* въ отдаленныхъ странахъ простиралъ свое оружіе, приводилъ въ трепетъ непріятелей, налагалъ на нихъ дани и пріобрѣталъ новыя области, *Печенѣги*, въ великомъ числѣ, напали на земли *Россійскія*, и уже подступивъ къ *Кіеву*, со всѣхъ сторонъ его окружили, такъ что осажденные *Кіевляне*, не могли ни помощи получить, ни увѣдомить кого-либо о своемъ состояніи. Сама Ве-

ликая Княгиня *Ольга* со внучатами своими, дѣтьми *Святославовыми: Ярополкомъ, Олегомъ* и *Владиміромъ*, находясь тогда въ *Кіевѣ*, ввержена была въ опасность отъ облежащихъ силъ непріятельскихъ. Въ сей крайности, однако, мужественная сія Государыня, явила свойственную ей бодрость духа, который, казалось, будто преселялся во всѣхъ ея воиновъ. Она повелѣваетъ затворить ворота городскія, и на стѣнахъ отражать силу силою. *Печенѣги* тщетно покушаются со всѣхъ сторонъ приступать къ городу; вездѣ встрѣчаютъ равное непреодолимое сопротивленіе; отвсюду съ безполезнымъ урономъ возвращаются, и теряютъ надежду взять *Кіевъ* силою оружія. Между тѣмъ, они умышляютъ *Кіевлянамъ* гибель болѣе вѣрную: заграждаютъ всѣ пути, доставляющіе воду и нужные припасы къ жизни. Голодъ и жажда, въ облеженномъ городѣ, изнуряютъ жителей неустрашимыхъ отъ приступовъ непріятельскихъ. Истощеніе тѣла легко приводитъ духъ въ уныніе; увядаетъ храбрость воиновъ. Страшная смерть возноситъ пагубную косу въ помощь

Печенѣгамъ, и малое число храбрыхъ защитниковъ *Кіева* еще умаляется.

Разные *Россійскіе* народы, подъ предводительствомъ именуемаго *Притича*, хотя собрались къ защищенію Отечества, но не вѣдая крайней напасти согражданъ своихъ, стояли въ виду города на другой сторонѣ рѣки, или для отвлеченія *Печенѣговъ* отъ *Кіева*, или для невозможности, за превосходнымъ непріятельскимъ числомъ, подать своимъ надежную помощь: ибо надлежало пробиваться къ городу сквозь безчисленныя толпы войскъ, его окружающихъ.

Уже *Кіевляне* совѣщаваются не о храбромъ защищеніи Отечества, но о сохраненіи жизни, прекращаемой голодомъ, и опредѣляютъ здать городъ; естьли назавтра, за рѣкою стоящія ихъ войска не подадутъ имъ помощи. Надлежало увѣдомить о томъ *Притича*; но не было способа посланному изъ *Кіева* достичь въ станъ его.

При таковомъ общемъ всѣхъ недоумѣніи, нѣкто юноша, любитель своего Отечества, котораго имя, къ сожаленію, умолчено въ Исторіи, вызвался,

не взирая на всѣ опасности, увѣдомить *Притича* о состояніи *Кіева*. Онъ выходитъ съ уздою непримѣтно изъ города и идетъ сквозь *Печенѣговъ*, ихъ языкомъ спрашивая: не видалъ ли кто ушедшаго безъ узды коня его? *Печенѣги* принимаютъ юношу за своего, и сожалѣютъ о его нещастіи; а между тѣмъ онъ пробирается къ рѣкѣ, скидываетъ съ себя одѣяніе и пускается вплавь на другой берегъ къ единоземцамъ. *Печенѣги* познаютъ тогда хитрость юноши, но тщетно уже за нимъ гонятся и пускаютъ въ него стрѣлы. *Притичевы* воины, видя погоню и пловущаго къ нимъ человѣка, уразумѣваютъ его быть отъ своихъ посланнаго, подспѣваютъ встрѣчу съ лодками и увозятъ сохранно въ станъ свой. Юноша даетъ вѣдать *Притичу* состояніе *Кіевскихъ* жителей и опасность, въ какой находятся *Святославовы* мать и дѣти. По сему извѣстію *Притичь* предпринялъ, не взирая ни на какія опасности, спасать городъ.

Въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, *Россійскій* полководецъ садится на суда съ своими силами; трубные гласы

въ войскѣ его и въ городѣ, подаютъ другъ другу знаки о своихъ движеніяхъ. *Притичевы* воины летятъ по водамъ на сопротивный берегъ; храбрость и надежда сіяютъ на челахъ ихъ: *Кіевляне* воспринимаютъ новую бодрость, подкрѣпляемую надеждою. *Печенѣги* въ изумленіи, видя таковую смѣлость войскъ пловущихъ и слыша побѣдительные клики въ городѣ, мнятъ, что самъ *Святославъ* пришелъ на помощь къ *Кіеву*; наполняются страхомъ, мятутся, недоумѣваютъ и, оставя городъ, обращаются въ бѣгство. Тогда *Россійскіе* воины выходятъ безпрепятственно на берегъ, срѣтаемы изъ города Великою Княгинею, Князьями и всѣми гражданами; потомъ обще предпринимаютъ мѣры къ утвержденію своей безопасности.

Печенѣгскій Князь остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Кіева* и прислалъ просить дозволенія, свидѣться съ *Притичемъ* для переговоровъ. Сей полководецъ, въ дозволенномъ отъ него свиданіи, хитро увѣрилъ *Печенѣгскаго* Государя, что будто онъ пришелъ только съ передовымъ войскомъ,

и что по немъ идетъ *Святославъ*, съ безчисленными силами, мстить за опустошеніе своихъ владѣній.

Имя *Святославово* страшно было его непріятелямъ. *Печенѣгскій* Князь просилъ *Притича* быть ему другомъ; и предъ отшествіемъ, во знакъ своего къ нему почтенія, подарилъ ему коня, стрѣлы и саблю. *Россійскій* же полководецъ, съ своей стороны, подарилъ *Печенѣгскому* Государю щитъ, мечь и броню.

Дружба сія, по видимому, продолжалась только до того времени, какъ *Печенѣги* примѣтили вымышленное увѣреніе о приближеніи *Святослава* съ войскомъ. *Кіевляне*, находясь въ новой отъ *Печенѣговъ* опасности, послали къ Государю своему извѣстіе о гибели; въ какую они его отсутствіемъ были ввержены, и съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ предохранить отъ обстоящихъ золъ Отечество. И такъ, *Святославъ* немедленно возвращается въ *Кіевъ*, разбиваетъ *Печенѣговъ* и прогоняетъ ихъ изъ своихъ областей. 967.

Святославъ удержанъ былъ потомъ на время въ *Кіевѣ* прошеніями своей

матери, которая, заболѣвъ, въ крайнемъ изнеможеніи, предчувствовала приближающуюся свою кончину. Блаженная Княгиня *Ольга*, не въ долгомъ времени, къ общему всѣхъ оскорбленію, преселилась, съ *Христіанскими* завѣ-
969. щаніями, отъ временной жизни къ вѣчной, въ четвертомъ-надесять году послѣ своего крещенія; во вдовствѣ была двадцать четыре года; въ супружествѣ за *Игоремъ* сорокъ одинъ годъ, всея же жизни ея было около осьмидесяти лѣтъ.

Я упомяну здѣсь о двухъ женахъ *Святославовыхъ*, кои извѣстны по Исторіи: единая была *Болгарская* Княжна, именуемая *Предслава*, вторая же *Малуша*, клюшница *Ольгина*, родомъ *Славянка*: сія была мать *Владиміроѵа*.

Стремительная склонность къ войнѣ, вела *Святослава* испытывать часто крайности, которыя благоразуміе предвидитъ и упреждаетъ. Сей Государь, безъ предусмотрѣнія въ намѣреніяхъ, назначивъ *Переславцу* (въ *Болгаріи*) быть себѣ столицею, и дабы утвердить власть свою въ *Россіи*, далъ въ удѣлы сыновьямъ своимъ: *Яро-*

полку Кіевъ, *Олегу Коростенъ*, съ принадлежащими къ симъ удѣламъ землями, но учинилъ ихъ подвластными себѣ княженіями. Между тѣмъ *Новогородцы* просили себѣ въ Князья *Владиміра*, третьяго сына *Святославова*, по внушенію *Добрыни*, брата *Малушина*, дяди *Владимірова*. *Святославъ* равномѣрнымъ образомъ удовольствовалъ ихъ прошеніе, и *Владиміръ* отправился въ *Новгородъ* съ *Добрынею*.

Должно здѣсь примѣтить, что отъ временъ *Руриковыхъ*, совокупленная *Россія* тогда въ первый разъ на части раздѣлилась; ибо сіе раздѣленіе въ послѣдствіи произвело разные образы 970.
правленія, и удѣльные Князья не могли пребывать въ согласіи, какъ скоро содѣлались самовластными.

Таково учредивъ правленіе Государства, *Святославъ* пошелъ съ войскомъ въ *Болгарію*. И хотя подъ *Переславцемъ* нашелъ отъ *Болгаръ* сильное сопротивленіе, но напослѣдокъ ихъ побѣдилъ, взялъ сей городъ и въ немъ чаялъ утвердить свое пребываніе.

Святославъ воевалъ потомъ при 971.
Императорѣ *Іоаннѣ Цимисхіѣ* (*Зе-*

миссесѣ) съ *Греками.* Онъ, подъ *Коростеномъ* въ *Болгаріи*, отважился съ десятью тысячами человѣкъ, напасть на многочисленное *Греческое* войско, предводимое самимъ Императоромъ. *Россіяне* вначалѣ устрашены были великимъ превосходствомъ силъ непріятельскихъ; но *Святославъ*, храбрымъ своимъ примѣромъ и увѣщаніемъ воиновъ, преклонилъ къ себѣ побѣду.

Исторія сохранила произнесенную тогда имъ рѣчь, которая можетъ служить здѣсь къ изображенію свойствъ сего Государя: „О воины (говорилъ онъ)! „побѣдимъ или умремъ. Намъ нѣтъ ина„го убѣжища. Не посрамимъ *Россій„скаго* имени. Я первый пойду предъ „вами; и естьли убіенъ буду, помыш„ляйте тогда сами о своей должно„сти." Воины единогласно отвѣтствовали: „Мы всѣ готовы умереть съ „тобою."

Греки были разбиты и просили мира. Они послали къ побѣдителю богатые дары, чая прельстить его златомъ и драгоцѣнными каменіями; но онъ принялъ сіи дары съ презрѣніемъ, и не удостоилъ пословъ говорить съ собою. *Греки*, искушая *Святослава* разными

образами, отправили къ нему другихъ пословъ, кои поднесли ему отъ Императора мечъ и прочія оружія. *Святославъ* принялъ оныя съ изъявленіемъ особливаго удовольствія, изъ котораго *Греки* легко уразумѣли, сколь полезно было пребывать въ мирѣ съ таковымъ Государемъ, который предпочитаетъ желѣзо злату.

Предложены были мирныя условія. *Святославъ*, по примѣру побѣдоносцевъ своихъ предковъ, изтребовалъ отъ *Грековъ* поголовную дань на все свое войско; но въ семъ случаѣ взялъ оную не только на число живыхъ, но и на число убитыхъ воиновъ, дабы тѣмъ воспользовались сихъ послѣднихъ родственники.

Такимъ образомъ поставленный миръ пресѣкъ съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія; но не льзя было утвердиться на условіяхъ, въ коихъ видимо было принужденіе и временное только согласіе по уваженію обстоятельствъ. *Святославъ*, властвуя въ *Болгаріи* силою оружія, не могъ быть тамъ любимъ своими подданными, привыкши въ *Христіанскомъ* законѣ уже около тридцати лѣтъ, болѣе къ кроткому правле-

нію. Войско его оставалось малочисленно; на вѣрность же *Болгаръ* онъ не могъ полагаться: ибо прежній ихъ Государь былъ тогда подъ покровительствомъ Имперіи, и безъ сомнѣнія имѣлъ тайныхъ друзей въ отечествѣ. *Печенѣги*, поселившіеся между *Россіею* и *Болгаріею*, были неприятели *Святославу*, и онъ не получалъ изъ *Россіи* себѣ помощи. Для сихъ обстоятельствъ *Святославъ* посылалъ отъ себя пословъ къ Императору, дабы исправить и утвердить постановленный между Имперіею и *Россіею* миръ, который отчасу становился ему нужнѣе, Императоръ съ своей стороны не менѣе желалъ онаго. Сей миръ былъ возобновленъ и заключенъ на такихъ договорахъ: „чтобъ *Болгарія* принадлежала „Императору, и чтобъ *Россійскій* Го„сударь, признаваемый уже другомъ и „союзникомъ Имперіи, не нападалъ бо„лѣе на земли владѣнія *Греческихъ* „Императоровъ, ни на *Болгарскія*, „ни на *Корсунскія* (*Херсонскія* или „*Крымскія*).“

Въ слѣдствіе сего мира, *Святославъ* долженъ былъ возвратиться въ

Россію. Тщетно *Свенельдъ*, воевода его, представлялъ, чтобъ онъ не водяным путемъ ѣхалъ въ отечество: ибо по *Днѣпру* чрезъ пороги надлежало идти мимо *Печенѣговъ*, *Россійскихъ* непріятелей. *Святославъ*, отринувъ благоразумныя представленія, отправился изъ *Переславца* водою. *Болгары* не преминули предувѣдомить *Печенѣговъ* о семъ путешествіи *Россійскаго* Государя, о маломъ числѣ при немъ войска, и о богатствахъ, кои онъ везетъ съ собою. *Печенѣги* засѣли на островахъ у пороговъ. *Святославъ*, не доѣзжая оныхъ, принужденъ былъ зимовать на мѣстѣ, называемомъ *Бѣлобережье*. Тамъ онъ съ людьми своими претерпѣвалъ крайній во всемъ недостатокъ и голодъ, окруженъ непріятелями. При наступленіи весны, *Святославу* оставалось только избирать себѣ родъ гибели. Онъ предпринялъ въ отчаяніи, съ изнуренными голодомъ людьми, пробиться сквозь *Печенѣговъ*: тогда *Куря*, Князь ихъ, напалъ на *Россіянъ*, вскорѣ ихъ побѣдилъ, и самого *Святослава* убилъ; потомъ имѣлъ варварское удовольствіе сдѣлать изъ

его черепа чашу, на которой написалъ: *чужаго искавъ, свое потерялъ.*

Свенельдъ, съ самымъ малымъ числомъ, по нѣкоторому щастію пробился сквозь непріятелей и, пришедъ въ *Кіевъ*, увѣдомилъ *Ярополка* о бѣдственной смерти отца его. *Святославъ* княжилъ обще съ матерію двадцать семь лѣтъ; кончилъ жизнь на сороковомъ году отъ рожденія.

РАЗНЫЯ КНЯЖЕНІЯ.

ЯРОПОЛКЪ, ОЛЕГЪ И СВЯТЫЙ ВЛАДИМІРЪ

(въ крещеніи Василій).

Смерть *Святославова* прекратила зависимость трехъ Князей, сыновей его, отъ верховной власти. Каждый изъ нихъ содѣлался Самодержавнымъ въ своемъ владѣніи, безъ всякаго установленія союза между собою. А сіе раздѣленіе *Россіи* подало многимъ народамъ поводъ отступить отъ прежняго *Россійскимъ* Князьямъ подданства: ибо раздѣленныя между ими силы не могли болѣе содержать въ страхѣ областей, покоренныхъ оружіемъ. Къ томужъ раздоры между сими Князьями братьями, и послѣдовавшія междоусобныя брани, приводили Государство въ истощеніе.

Ярополкъ, на престолѣ въ *Кіевѣ*, Столицѣ отцовъ своихъ, имѣя предъ братьями старшинство лѣтъ и въ главномъ своемъ удѣлѣ количественныя

преимущества, былъ весьма склоненъ ко злоупотребленію оныхъ; честолюбивъ безъ правилъ, предпріимчивъ безъ твердости, другъ и недругъ безъ разсмотрѣнія; слѣдуя же почти всегда пагубнымъ совѣтамъ пристрастныхъ вельможъ, былъ, можно сказать, нещастный рабъ рабовъ своихъ.

Нѣкогда *Олегъ*, братъ его, на звѣриной ловлѣ умертвилъ сына *Кіевскаго* вельможи *Свенельда*, за продерзость его на земляхъ *Древлянскихъ*. По сему отецъ, дабы отмстить смерть сына, легко подвигъ слабаго своего Государя къ вооруженію противу *Олега*, представивъ ему къ войнѣ множество причинъ, ласкающихъ властолюбію. *Ярополкъ* наступилъ на *Древлянскія* земли, подобно какъ на непріятельскія. Побѣжденный *Олегъ*, подъ городомъ *Вручемъ* (*Овручовымъ*), спа-
977. сающійся бѣгствомъ, сверженъ былъ съ моста въ рѣку, со множествомъ людей своихъ. Но когда мертвое его тѣло послѣ было отыскано и принесено къ *Ярополку*, то онъ горько надъ нимъ плакалъ; укоряя *Свенельда* злодѣйственными совѣтами и смертію брата

своего. *Олегъ* княжилъ въ своемъ удѣлѣ пять лѣтъ.

И такъ, по смерти его *Ярополкъ*, Князь *Кіевскій*, содѣлался властителемъ купно *Древлянскихъ* областей. *Владиміръ* же въ *Новѣгородѣ*, увѣдавъ о бѣдственной смерти своего брата и опасаясь отъ усилившагося *Ярополка* равной себѣ участи, разсудилъ за благо убѣжать къ *Варягамъ*, своимъ союзникамъ.

Между тѣмъ *Ярополкъ*, движимый своимъ властолюбіемъ, не преминулъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ, въ отсутствіе *Владимірово*, не взирая на раздѣлъ отеческій, безъ войны завладѣлъ *Новгородомъ*, посадилъ въ немъ правителями бояръ своихъ, и объявилъ себя единодержавнымъ во всей *Россіи*.

Въ таковомъ положеніи дѣлъ, честолюбіе *Ярополково* было разными образами удовольствовано. *Печенѣги* ему покорились, платили дань и въ его 978.
службу пришелъ *Печенѣгскій* Князь *Гильдея*, которому онъ далъ земли и города. *Греки* возобновили съ *Россіею* 979.
миръ и дали ему дань, какую платили его отцу и дѣду. Напослѣдокъ, Папа при-

сылалъ къ нему посольство. Толико всегда уважаема была *Россія* въ соединеніи!

Владиміръ, однако, употребилъ всевозможныя средства къ доставленію себѣ отъ *Варяговъ* помощи. Онъ нанимаетъ ихъ войска, идетъ съ оными къ своему удѣльному Княженію. Жители *Новагорода*, преданные сердцами *Владиміру*, радуются о его пришествіи. Воеводы *Ярополковы* безполезно увѣщеваютъ народъ къ сопротивленію, недоумѣваютъ въ совѣтахъ, робѣютъ въ полкахъ своихъ и не производятъ никакого браннаго дѣйствія. *Владиміръ*, не извлекая меча, восходитъ на прежній Княжескій престолъ свой, выгоняетъ изъ города правителей *Ярополковыхъ* и повелѣваетъ имъ возвѣстить брату своему, что онъ пойдетъ на него войною, яко на убійцу и врага своихъ единокровныхъ.

Уже *Владиміръ* готовъ былъ двигнуться съ силами къ *Кіеву*, когда *Ярополкъ* проводилъ время въ единыхъ совѣтахъ, и спрашивалъ у воеводы своего *Блуда*, что ему дѣлать. *Блудъ*, вѣдая скудный умъ и неспособность своего Государя, толико внутренно презиралъ его, колико былъ преданъ

Владиміру, которой умѣлъ пріобрѣтать себѣ друзей и услужниковъ между самыми непріятелями. Сей *Блудъ*, по склонности къ *Новогородскому*, Князю, привелъ своими совѣтами *Ярополка* въ такую оплошность, что онъ, не взирая на объявленіе отъ *Владиміра*, пребывалъ спокоенъ безъ всякихъ военныхъ приготовленій, но паче готовился къ браку, каковымъ чаялъ совершить свое щастіе.

Рогвольдъ, Князь, пришедшій изъ за моря, владѣтель *Полоцка*, имѣлъ у себя дочь *Рогнеду*, которой славимая красота привлекала желанія Государей. *Ярополкъ* и *Владиміръ* оба просили ея у *Рогвольда* себѣ въ супружество; но первый предупредилъ послѣдняго посольствомъ, щастливыми побѣдами и, можетъ быть, нѣкоторою побѣдою надъ сердцемъ *Рогнединымъ*. Отецъ оставилъ выборъ на волю дочери: а сія не преминула предпочесть *Ярополка Владиміру*, котораго дѣла были тогда въ сомнительномъ положеніи. Союзъ его отверженъ былъ съ нѣкоторымъ презрительнымъ отвѣтомъ, и *Владиміръ* толико симъ ожесточился, что, оставивъ на время предпрія-

шую войну съ *Ярополкомъ*, сугубымъ своимъ соперникомъ, пошелъ на *Полоцкъ*, сразился съ *Рогвольдомъ*, разбилъ его войско, убилъ сего Князя и двухъ сыновей его; *Рогнеду* же взялъ за се-
980. бя, не взирая на прежній отказъ ея.

Сіе долженствовало бы напослѣдокъ удостовѣрить *Ярополка* о дѣйствіяхъ силъ *Владиміровыхъ* и побудить къ предосторожности; но побѣдитель *Полоцка* имѣлъ время, безъ всякаго отъ *Кіевскаго* Князя сопротивленія, подступить къ его Столицѣ. Однако, трудно было взять приступомъ городъ; почему *Владиміръ*, вѣдая доброжеланіе къ себѣ *Блудово*, воспользовался онымъ. Слабый *Ярополкъ*, совѣтомъ сего хитраго вельможи, оставилъ *Кіевъ* и ушелъ въ *Роденъ (Городенъ)*; но и тамъ въ осадѣ, терпя голодъ, постигаемъ былъ гибелью. Народное бѣдствіе тогда оскорбляло *Владиміра*, и онъ отъ осажденнаго города возвратился въ *Кіевъ*, по условію съ *Блудомъ*, который, между тѣмъ, совѣтовалъ своему Государю предаться, ради спасенія, въ руки брата, и удовольствоваться, чѣмъ онъ наградитъ его. *Варяжко*, другой вельможа *Ярополковъ*, хотя

представлялъ ему пагубный совѣтъ *Блудовъ* и способъ уйдти къ *Печенѣгамъ*, откуда могъ бы онъ получить вспоможеніе противу *Владиміра*; но *Ярополкъ*, неспособный познавать вѣрность и дружество, предпочелъ коварное мнѣніе спасительному совѣту, поѣхалъ въ *Кіевъ*, и тамъ, въ чертогахъ *Владиміровыхъ*, пронзенъ подъ пазухи мечьми, отъ двухъ воиновъ, въ присутствіи предателя своего *Блуда*, который, по вступленіи *Ярополковомъ* въ пагубную для него храмину, 980. тотчасъ затворилъ двери оной. А *Варяжко*, увѣдавъ о его убіеніи, убѣжалъ къ *Печенѣгамъ*, и въ послѣдствіи оттуда воевалъ *Владиміра* до того времени, какъ сей увѣрилъ его клятвами въ прощеніи и безопасности его особы. *Ярополкъ* княжилъ семь лѣтъ.

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВОГОРОДСКОЕ.

СВЯТЫЙ ВЛАДИМІРЪ.

(Единовластитель.)

Военные успѣхи *Владиміровы* явили уже начало его въ *Россіи* единовластія, которое напослѣдокъ, смертію *Ярополковою*, восприяло совершенный образъ.

980. Сіе княженіе предлагаетъ намъ знаменитѣйшую эпоху въ *Россіи*. Священная память оной останавливаетъ перо мое, при описаніи свойствъ Государя, который глубокую тьму невѣрія озарилъ свѣтомъ *Христовымъ*, и область терномъ грубости покрытую преобразилъ въ цвѣтущій Едемъ спасительнаго ученія. Но какъ Исторія должна быть зерцаломъ истины, то представляемыя въ ней слабости и заблужденія человѣческія да обратятся въ похвалу исправленнымъ, и да будутъ во исправленіи не наказаннымъ.

Мнѣнія, времена и разныя обстоятельства порабощаютъ разумъ. Спра-

сти, влекущія человѣка часто къ предосудительнымъ дѣйствіямъ, суть тѣ же страсти, которыя производятъ въ немъ наипохвальнѣйшія чувствованія, какъ скоро устремятся къ достойному предмету своего влеченія. Часто самая добродѣтель, въ достиженіи блага, принуждается прибѣгать къ жесточайшимъ средствамъ и крайностямъ, измѣняющимъ на время естественный образъ ея; и часто благонамѣреннѣйшій человѣкъ, по виду нѣкоторыхъ дѣлъ своихъ, строго судится, естьли конецъ ихъ не оправдитъ его предъ свѣтомъ: ибо таковъ есть общій жребій человѣчества, что люди не всегда избираютъ полезнѣйшія средства, и не всегда бываютъ въ успѣхахъ щастливы.

Владиміръ вначалѣ является жестоконравенъ и неумѣренъ во всѣхъ страстяхъ своихъ; стремителенъ во гнѣвѣ, притомъ предпріимчивъ, смѣлъ и твердъ въ предпріятіяхъ, но побѣждаемъ безпредѣльнымъ любострастіемъ. Напослѣдокъ, многія черты, изображающія *Владиміра* въ непросвѣщенномъ бытіи его, заглаждаются добродѣтелями, наипрекраснѣйшими въ государствованіи и въ общежитіи человѣче-

скомъ. Тако *Владиміръ*, пріявъ законъ, *облекся въ новаго человѣка*, какъ говоритъ Священное Писаніе.

По возшествіи *Владиміровомъ* на престолъ Всероссійскаго Княженія, онъ не укоснилъ употребить власть свою во удовольствіе господствовавшей въ немъ страсти. Прекрасный полъ въ *Россіи* тогда подверженъ былъ подобной невольнической участи, къ каковой оный осужденъ понынѣ почти у всѣхъ *Азіатскихъ* народовъ. Великое множество женъ и наложницъ *Владиміровыхъ*, въ разныхъ мѣстахъ содержанныхъ, всегда было умножаемо новыми сего рода жертвами. Оставшая *Ярополкова* жена, *Гречанка*, бывшая монахиня, плѣненная *Святославомъ* въ войнѣ съ *Греціею* и ради красоты *Ярополку* отданная, *Владиміромъ* также взята беременная, въ число женъ его. Отъ нея родился *Святополкъ*, котораго *Владиміръ* усыновилъ во утробѣ матерней, но не могъ любить въ послѣдствіи, или для того, что не признавалъ своимъ сыномъ, или для того, что видѣлъ въ немъ сіе злонравіе, которое по смерти отцовой содѣ-

лалось ужасомъ человѣчества, какъ будетъ въ своемъ мѣстѣ описано.

Изъ всѣхъ женъ *Владиміровыхъ*, въ его непросвѣщеніи, означаются слѣдующія: первая, родомъ *Чехиня*, которая родила *Вышеслава*; вторая, *Рогнеда*, дочь *Рогвольда* Князя *Полоцкаго*, родившая *Изяслава*, *Ярослава*, *Всеволода* и двухъ дочерей: *Предславу* и *Премиславу*, изъ коихъ одна была въ супружествѣ за *Болеславомъ храбрымъ*, Королемъ *Польскимъ*, а другая за *Андреемъ* Королемъ *Венгерскимъ*; третія жена *Владимірова* была упомянутая *Гречанка*, мать *Святополкова*; четвертая, другая *Чехиня*, отъ которой родились: *Святославъ* и *Мстиславъ*; пятая, *Болгарыня*, произведшая *Бориса* и *Глѣба*. Кромѣ сихъ дѣтей *Владиміровыхъ*, числяются также *Позвиздъ* и *Судиславъ*, рожденные отъ наложницъ.

Владиміръ, наконецъ, въ *Христіанскомъ* супружествѣ, имѣлъ еще сына *Станислава* и дочь *Марію*, бывшую, потомъ, за *Казимиромъ Первымъ*, Королемъ *Польскимъ*, перец-

менованную въ *Польшѣ Доброгнѣвою*, отъ которой произошли многіе *Европейскіе* Государи. И такъ, всѣхъ дѣтей у *Владиміра* является двѣнадцать сыновей и три дочери, во времена обычаевъ, по каковымъ сыновья отца владѣтельнаго получали каждый себѣ особенное владѣніе. Благополучна была бы всегда *Россія*, естьли бы обычаи Государей всегда были споспѣшны ея славѣ и возвышенію!

Владиміръ, при началѣ своего княженія, долженъ былъ успокоить возмутившихся *Варяговъ*, коихъ онъ напредь сего нанялъ на войну себѣ въ помощь. Они твердо требовали окупу съ *Кіевскихъ* жителей по двѣ гривны съ человѣка, говоря, что они взяли городъ безъ всякой себѣ корысти, и что онъ принадлежитъ имъ по праву завоеванія. Таковое, частію справедливое требованіе, подкрѣпленное войскомъ, которому *Владиміръ* не былъ въ состояніи противиться, восколебало власть его и принудило прибѣгнуть къ хитрости. Онъ выпросилъ у нихъ на мѣсяцъ сроку, а тѣмъ временемъ тихо приготовился къ сильному отпору, въ случаѣ ихъ приступа. *Варяги*, нако-

вецъ, увидѣвъ, что они отъ *Владиміра* требуемаго награжденія получить не могутъ, просили, чтобъ онъ, по малой мѣрѣ, способствовалъ имъ идти войною на *Грецію*, гдѣ бы они корыстьми воспользовались. *Владиміръ* притворился, что онъ съ радостію на то соглашается: но въ самомъ дѣлѣ удержалъ у себя лучшихъ людей изъ *Варяговъ*, разными милостями и награжденіями. Прочихъ же отпустилъ въ *Грецію*, по предварительномъ увѣдомленіи *Василія* и *Константина*, тогда въ *Константинополѣ* царствовавшихъ, о ихъ походѣ; при чемъ совѣтывалъ симъ Императорамъ подговорить ихъ къ себѣ въ службу, и послѣ разослать въ разныя мѣста, дабы они въ соединенныхъ силахъ не могли вредить Имперіи.

Владиміръ, въ самомъ своемъ непросвѣщеніи, отличался отъ сихъ невѣрныхъ, кои не берегли всякое Богослуженіе. Онъ чувствовалъ важность и пользу закона въ то время, когда между его подданными почти никакого не было, или былъ неистинный, который слабо проницалъ сердца дикихъ народовъ, невѣдущихъ ученія. Сей

Государь, рожденный и возросшій въ заблужденіяхъ, влекомый примѣрами предковъ и современниковъ, ревнительный къ благосостоянію подданныхъ, обуреваемый въ волнахъ житейскаго моря, слѣдовалъ силѣ всенароднаго невѣжества. Святое ученіе, каковымъ бабка его Благовѣрная Княгиня *Ольга*, могла наставить юность Князей, его воспитанныхъ, по видимому, не было напечатлѣно въ ихъ памяти. *Владиміръ* усугубилъ благоговѣніе къ богамъ отцовъ своихъ и почтеніе къ скипетру. Онъ поставилъ въ *Кіевѣ* множество новыхъ идоловъ. Первый былъ *Перунъ*, богъ молніи и грома. Образъ его былъ человѣческій; голова у него была серебреная, усы золотые, тѣло деревянное, ноги желѣзныя. Въ рукѣ держалъ онъ каменное подобіе громовой стрѣлы, осыпанное яхонтами и другими драгоцѣнными каменіями. На олтарѣ его возженъ былъ огнь, который жрецы, подъ смертнымъ страхомъ, долженствовали хранить неугасаемымъ. Сей идолъ стоялъ на высокомъ холмѣ, надъ потокомъ, именуемымъ *Буричевымъ*. Послѣ же его почитаемы были: *Хорсъ*, *Дажба*, *Стриба*, *Семаглъ*, *Мокошъ*.

Волосъ, богъ скотовъ, *Позвиздъ*, богъ воздуха, *Ладо*, богиня веселій, *Купало*, богъ плодовъ земныхъ, *Коляда*, *Леля* и другіе, которымъ легковѣрный народъ, яко своимъ хранителямъ, поклонялся и посвящалъ разныя жертвы. Самая жизнь человѣческая имъ была приносима: невинная кровь разумнаго созданія проливалась на олтаряхъ предъ истуканами. Рѣки и озера имѣли также своихъ поклонниковъ и жертвоприносителей.

Владимiръ, воздвигнувъ капища, посреди *Кіева*, препоручилъ подобныя учрежденія въ *Новѣгородѣ Добрынѣ*, дядѣ своему, который тамъ, по примѣру *Владимірову*, распространилъ идолослуженіе; главнаго же идола *Перуна*, для всенароднаго ему поклоненія, поставилъ на берегу *Волхова*.

Потомъ *Владимiръ* помышлялъ о возвращеніи себѣ областей и народовъ, кои принадлежали его предкамъ; но послѣ смерти *Святославовой*, во время бывшаго раздѣленія и раздоровъ между Князьями, одни за другими отъ *Россіи* отпали. Того ради вначалѣ пошелъ онъ на *Мечислава*, Короля *Польскаго*, бывшаго тогда въ войнѣ съ 981.

Богемцами, взялъ у него *Перемышль*, *Червенъ* и многіе другіе города; потомъ обратился на Югъ. Тамъ покорилъ онъ двукратно *Вятичей*, которые, по тщетномъ упорствѣ, принуждены были да-
982. вать *Владиміру* дань, какую съ нихъ бралъ отецъ его. *Владиміръ* равнымъ образомъ покорилъ *Ятвяговъ*, и
983. по возвращеніи своемъ въ *Кіевъ*, опредѣлилъ принесть, въ созблагодареніе за свои побѣды, богамъ жертву. Старцы и бояре, во мнимомъ богопочитаніи, приговорили привесть на заколеніе кого-либо изъ юношей или дѣвицъ по жребію. Но сей жребій лукаво былъ навлеченъ на нѣкоего *Христіянина*, родомъ *Варяга*, котораго отецъ безполезно вопіялъ противу лжесвятости и безчеловѣчія. Онъ и сынъ его отъ народа убиты, яко богохульники; въ послѣдствіи же Церковъ посвятила ихъ память въ числе Мучениковъ. (*Смотри въ Житіяхъ Святыхъ Θеодора и Іоанна, Іюля 12 числа.*)

984. Въ наступившемъ году *Владиміръ* ходилъ воевать *Радимичей*; но сей походъ не былъ труденъ: ибо посланный съ передовымъ войскомъ его Воевода, именуемый *Волчій Хвостъ*, встрѣ-

ппивъ непріятелей у рѣки *Пещаны*, разбилъ и содѣлалъ *Россійскими* данниками.

Тогда *Владиміръ* вознамѣрился устремить силы свои на *Болгаръ*, кои въ седмомъ вѣкѣ, перешедъ за *Дунай*, поселились около *Чернаго* моря, и отдѣлялись отъ живпихъ по берегамъ *Волги* и въ *Великой Болгаріи*. А для успѣха въ семъ намѣреніи, онъ призвалъ въ помощь къ себѣ *Добрыню*, своего дядю, съ *Новогородскимъ* войскомъ, и совокупно отправился водою на непріятеля. Между тѣмъ повелѣлъ *Торкамъ* идти сухимъ путемъ туда же. Сіи *Торки*, тогдашніе *Россійскіе* подданные, были выходцы изъ *Торкестаніи*, поселившіеся около рѣкъ *Прута* и *Сыреты*. Напослѣдокъ *Влади-* 985.
міръ, побѣдивъ *Болгаръ* и заключивъ съ ними полезный миръ, возвратился со славою въ *Кіевъ*.

Сей Государь имѣлъ у себя въ службѣ не только Князей подвластныхъ *Россіи*, но и чужестранныхъ Королевичей. *Сигурдъ*, братъ *Астриды*, Королевы *Норвежской*, и въ послѣдствіи *Олавъ*, сынъ ея, гонимые въ своемъ отечествѣ, находили при Дво-

рѣ *Владимiровомъ* себѣ убѣжище. Отецъ сего *Олава*, *Тригонъ*, Король *Норвежскiй*, вѣроломными поступками вооружилъ противу себя Королей *Шведскаго* и *Датскаго*, отъ которыхъ бывъ побѣжденъ въ морскомъ сраженiи, бросился самъ въ море и тако кончилъ жизнь. Тогда *Астрида*, жена его, съ малолѣтнымъ *Олавомъ*, принуждена была спасаться бѣгствомъ въ *Россiю*, къ брату своему *Сигурду*, находившемуся въ службѣ у *Владимiра*. Но переѣзжая *Варягское* море, впала она въ руки морскихъ разбойниковъ. *Олавъ* былъ разлученъ съ матерiю, и достался одному *Эстляндскому* жителю *Клеркону*, который промѣнялъ его на козла другому, а сей отдалъ за кафтанъ и поясъ еще другому, именуемому *Реасу*, у коего *Олавъ* служилъ шесть лѣтъ въ невольничествѣ. Въ то время *Сигурдъ*, посланный отъ *Владимiра* для собранiя дани въ *Эстляндiю*, по случаю увидѣлъ сего юношу, и находя, что видъ его не согласовался съ невольническимъ состоянiемъ, разспросилъ его о родѣ; признавъ же за своего племянника, сына *Астриды*, сестры своей, наслѣдника *Норвежска-*

го престола, выкупилъ изъ неволи и привезъ въ *Кіевъ*, скрывая до времени родъ его: ибо узаконеніе въ *Россіи* не дозволяло никому отъ рода чужестранныхъ Государей въѣзжать, безъ воли *Владиміровой*, въ его области. По нѣкоторомъ времени *Олавъ*, ходя по городу, встрѣтилъ *Клеркона*, своего Господина, за козла его продавшаго, и въ первомъ жарѣ воспаленнаго мщенія разсѣкъ ему голову. Законъ *Россійскій* позволялъ народу всякаго смертоубійцу умерщвлять на мѣстѣ убійства: но *Олавъ* имѣлъ время убѣжать въ домъ къ *Сигурду*; а сей, не мѣшкавъ, привелъ его во Дворецъ, просилъ Княгиню *Ольгу*, единую изъ супругъ *Владиміровыхъ*, принять его въ свое покровительство, и по ея заступленію *Владиміръ* простилъ вину его. Потомъ *Ольга*, узнавъ о произхожденіи и нещастіяхъ *Олава*, приняла его къ себѣ и содержала приличнымъ образомъ его высокому роду. *Олавъ* былъ послѣ въ знатныхъ чинахъ, служилъ во многихъ походахъ при *Владимірѣ* и наконецъ отпущенъ съ честію и награжденіемъ въ отечество.

Изъ сего произшествія примѣтны только нѣкоторыя узаконенія въ древней *Россіи*, какъ упомянуто о чужестранцахъ Государскаго рода и о смертоубійствѣ: узаконенія на политикѣ и естествѣ основанныя. Но являющіеся совѣты *Владиміровы*, то есть: собранія старцевъ и бояръ, при разныхъ случаяхъ, какъ будетъ описано, даютъ разумѣвать при томъ и другія законоданія, нужныя къ Государственному благоустроенію. *Владиміръ* весьма уважалъ мнѣнія нѣкоторыхъ мужей, отличныхъ достоинствами и сѣдиною, поручницею многихъ въ жизни опытовъ. Выборомъ же таковымъ Государственныхъ попечителей (боляръ или боярь) чтимыхъ въ народѣ, онъ привлекалъ къ себѣ довѣренность и любовь отъ первыхъ до послѣднихъ, такъ что народъ, при самыхъ великихъ перемѣнахъ и узаконеніяхъ, доброхотно повиновался волѣ Князя и боярь своихъ, говоря: *есть ли бы то было худо, Князь и бояре бы не приговорили.*

Владиміръ, въ самомъ стремленіи гнѣва, не былъ изъ числа жестокосердыхъ, не умягчающихся ни прозьбами, ни покорностію, ни жалостію. Слѣ-

дующій примѣрЪ являетЪ, что милость господствовала вЪ душѣ его и превозмогала мщеніе.

Рогнеда, о которой выше упомянуто, нареченная вЪ супружество за *ВладимiромЪ Гореслава*, не могла принудить себя любить искоренителя своего рода, разорителя отечества, наглаго своего похитителя почти изЪ рукЪ предназначеннаго супруга и, наконецЪ, смерти его виновника. Всѣ сіи нещастія, приключенныя *ВладимiромЪ*, всегда живо изображались вЪ ея памяти. А кЪ тому она была удостовѣрена, что *ВладимiрЪ* не имѣлЪ кЪ ней толь нѣжной любви, какая могла бы наградить его жестокости; но напротивЪ того онЪ сослалЪ ее вЪ *ЛибединЪ*, куда отЪ времени до времени пріѣзжая, поступалЪ сЪ нею господственно. *Гореслава*, во всегдашней печали, вЪ презрѣніи, вЪ неволѣ, почитала напослѣдокЪ *Владимiра* злобнѣйшимЪ своимЪ врагомЪ и мучителемЪ. Огорченный разумЪ внушаетЪ ей способЪ кЪ отмщенію, и отчаяніе, ожесточающее сердце, подаетЪ смѣлость, несвойственную ея полу. Во время, какЪ *ВладимiрЪ*, пріѣхавЪ кЪ ней,

сномъ упокоеваетися, — въ сіе время, способное убійственному предпріятію, *Горeслава* вооружается кинжаломъ, возноситъ трепещущую руку на супруга ей толико ненавистнаго; но *Владиміръ* въ самую сію минуту отъ сна пробуждается и отвращаетъ отъ себя смертоносное оружіе. Устрашенная *Горeслава*, безсильная во мщеніи, изъявляетъ всѣ досады, таившіяся въ сердцѣ ея, укоряетъ *Владиміра* причиненіемъ всѣхъ ея бѣдствій, суровымъ къ ней презрѣніемъ и напослѣдокъ нелюбленіемъ сына ея *Изяслава*, младенца, отъ него нещастную жизнь пріявшаго. *Владиміръ*, раздраженный еще болѣе таковыми укоризнами, повелѣваетъ ей облещись въ брачное одѣяніе, сѣсть на ложе въ свѣтломъ чертогѣ и тамо ожидать отъ руки его достойной себѣ казни. По видимому сей образъ смерти почитался нѣкоторою милостію, въ разсужденіи супруги Княжеской.

Горeслава исполнила повелѣніе *Владимірово*. Тогда *Изяславъ*, сынъ ея, увѣдомленный о произшествіи, сталъ съ мечемъ въ рукѣ возлѣ матери. Разгнѣванный Князь, по вшествіи въ чертогъ, былъ пораженъ симъ зрѣлищемъ,

и наипаче произнесенною рѣчью отъ младаго *Изяслава: Отче*, говорилъ онъ ему, *прими мечь сей, и вонзи прежде въ сердце мнѣ, да не вижду смерти матери моей*. Видъ сына и супруги, не столь виновной, сколь нещастной; победилъ мщеніе, на которое *Владиміръ* тщетно уповалъ въ первомъ движеніи гнѣва. Онъ бросилъ мечь и вышелъ изъ чертога съ угрызеніями совѣсти. Размысливъ же и ощутивъ несправедливости и огорченія, каковыя долженствовали ожесточить противу его *Гореславу*, собралъ совѣтъ старцевъ и бояръ, которымъ изъявилъ бывшее съ нимъ приключеніе и свое раскаяніе; а сіи охотно, подражая великодушнымъ чувствованіямъ своего Государя и отступая отъ древнихъ варварскихъ мнѣній; оправдали болѣе *Гореславу*, нежели *Владиміра*. Они приговорили Князю возобновить ея отечество, и отослать ея на удѣлъ съ сыномъ. Сіе ихъ мнѣніе, сходственное съ мыслями *Владиміровыми*, произведено было въ дѣйство. Онъ построилъ тамъ городъ, и нарекъ его по имени *Изяслава*, своего сына.

Разныя же побѣды *Владимировы* надъ внѣшними и внутренними непріятелями, и распространенныя *Россійскія* области содѣлали имя его толь-
986 ко славнымъ на Востокѣ и Западѣ, что многіе Государи присылали къ нему посольства, каждый желая утвердить союзъ съ симъ Княземъ и привлечь его въ свою вѣру.

Нѣтъ сомнѣнія, что *Владиміръ* внутренно отдаленъ былъ отъ идолопоклонства, какое онъ возставилъ въ своихъ владѣніяхъ, или ради обузданія дикаго народа какимъ ни есть закономъ, или ради пріученія его къ послушанію вѣры; онъ искалъ источника истиннаго ученія и разума, который напослѣдокъ разлился на всѣ страны, ему подвластныя. Ясно же видится, что самые чужеземцы вѣдали презрѣніе его къ кумірамъ и склонность къ истинному Богопочитанію, безъ чего не отважились бы предлагать ему о премѣненіи его вѣры на ту, какую кто изъ нихъ исповѣдывалъ.

Первые явились *Болгары*, изъ живших на низу *Волги* и содержавшихъ вѣру *Магометанскую*. Они представили Россійскому Князю разныя прелс

отъ *Магометова* ученія, позволяющаго многоженство и прочее, но питіе вина запрещающаго. Ему весьма нравилось дозволеніе имѣть многихъ супругъ: ибо *Владиміръ*, подобно *Соломону*, женолюбивъ былъ безмѣрно; но вино, веселящее сердце человѣка, главное услажденіе его народа, казалось ему также нужно. И такъ не восхотѣлъ принять вѣры, которая лишаетъ человѣка свободы пить по своему произволенію.

Потомъ пріѣзжали ко *Владиміру* посланные отъ Папы, и къ *Римскому Католицкому* исповѣданію его привлекали. Но вѣра ихъ являлась ему весьма противною обычаямъ въ *Россіи*; почему они отпущены были съ отказомъ, какъ и первые.

Жиды, изъ *Козарской* области, предстали также ко *Владиміру* и увѣщавали его принять законъ ихъ, понося вѣру *Христіянскую*. *Владиміръ* вопросилъ ихъ, гдѣ имѣютъ они область? И какъ они отвѣтствовали, что нигдѣ земли своей не имѣютъ, а живутъ въ разсѣяніи по вселенной за прегрѣшенія отцовъ своихъ; то *Россійскій* Князь отпустилъ ихъ съ сими жестокими словами: *Естьли вы за*

прегрѣшенія отъ Бога отвержены и по чужимъ землямъ скитаетесь: то какъ смѣете приглашать насъ ко участію въ вашихъ гибеляхъ?

Напослѣдокъ присланъ былъ ко *Владиміру* отъ *Грековъ* Философъ, именуемый *Кириллъ* (или *Киръ*). Сей, представивъ ему заблужденія *Магометовы*, мудрованія *Латинянъ* и невѣрствіе *Іудеевъ*, привлекъ вниманіе его къ ученію вѣры *Греческой*. Повѣствованія Ветхаго и Новаго Завѣта, во устахъ Философа, воспримали новую важность, и сердце *Владимірово* наполнилось сладостнымъ вліяніемъ словесъ Божественныхъ. Ищущій закона Князь ощутилъ дѣйствіе истины, вѣщаемой гласомъ премудрости, но не могъ приступить ко крещенію, не испытавъ и не приготовивъ къ тому разумы вельможъ и народа; почему, отложивъ оное до нѣкотораго времени, отпустилъ Философа съ великими дарами и честію.

Владиміръ не умедлилъ, потомъ, собрать старцевъ и бояръ своихъ, которымъ повѣдалъ вину упомянутыхъ посланій, и склонность свою къ вѣрѣ *Греческой*, утверждаясь на сказаніяхъ

Философовыхъ. Тогда старцы и бояре рекли Князю, да испытаетъ собою и увѣдаетъ истину; ибо никто не хулитъ своего закона, но проповѣдуетъ святость онаго.

Сомнѣніе и осторожность бояръ были надежными признаками исполненія желаній *Владиміровыхъ:* ибо не находилъ онъ отъ совѣта себѣ въ томъ другаго противорѣчія. И такъ, по общему приговору, опредѣлено было отправить искуснѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ мужей къ *Болгарамъ*, *Латинянамъ* и *Грекамъ*, для разсмотрѣнія вѣръ ихъ, и для подробнаго донесенія о томъ напослѣдокъ *Владиміру*.

Избранные къ сему послы скоро въ 987.
путь отправляются, обтекаютъ *Болгарію*, шествуютъ въ *Римъ* и напослѣдокъ прибываютъ въ *Константинополь* къ Императорамъ *Василію* и *Константину*. Они повѣдаютъ имъ вину своего посланія съ радостію пріемлются отъ сихъ Монарховъ и приглашаются во храмъ правовѣрныхъ къ Божіему славословію. Тогда Патріархъ самъ является въ торжественномъ чинѣ Богослуженія. Велелѣпіе святыни, сладкое пѣніе, соборъ Богослужителей съ

истиннымъ благоговѣніемъ, и все окружающее, плѣняетъ взоръ и слухъ пословъ *Россійскихъ* и восхищаетъ мысли ихъ къ Богу, Котораго они познать желаютъ. И такъ они, наполнены духомъ благочестія, возвращаются отъ Императоровъ съ дарами и пріязнію въ Отечество.

Представъ же предъ Князя, старцевъ и бояръ *Кіевскихъ*, послы извѣстили имъ вначалѣ видѣнное и слышанное у *Болгаръ* и въ *Римѣ*, гдѣ они не находили достойнаго Богу служенія; наконецъ изобразили Вѣру *Греческую* съ похвалою, толь усердною, что просили *Владиміра* дозволить имъ принять оную и жить въ *Константинополѣ*. Старцы и бояре отложили тогда сомнѣніе о превосходствѣ *Христіянской* Вѣры надъ прочими, и такъ рекли *Владиміру*: *Когда бы худъ былъ Законъ Греческій, не воспріяла бы его бабка твоя Ольга, всѣхъ человѣкъ мудрѣйшая.* Потомъ всѣ воскликнули, что они готовы ко крещенію, гдѣ благоволитъ *Владиміръ*. Не доставало только священнаго чина къ усыновленію ихъ Апостольской церкви.

Владимиръ, сохраняя еще остатокъ *языческаго* тщеславія, не хотѣлъ выпрашивать духовныхъ особъ у *Константинопольскихъ* Императоровъ, но вознамѣрился пріобрѣсти ихъ, 988.
яко побѣдитель, и гордость героя низложить предъ сосудомъ Святаго Крещенія и сего дѣйствителемъ. Того ради, собравъ великое войско, пошелъ на *Таврикію* (*Крымъ*), взялъ *Ѳеодосію* (*Кафу*), а оттуда слѣдовалъ къ древнему *Херсону* (*Корсуну*) и сталъ на лучный выстрѣлъ отъ онаго. Онъ требовалъ сдачи сего осажденнаго города; но жители, имѣя сильное охранительное войско, свободную морскую пристань и надежду къ полученію всегдашней помощи, не склонялись на требованіе.

Тогда *Россійскій* Князь повелѣваетъ воинамъ своимъ насыпать городской ровъ землею, дабы устроить себѣ свободный путь къ приступу. Между тѣмъ осажденные, подкопавшись подъ стѣну, къ тому мѣсту, гдѣ сія работа происходила, переносятъ по ночамъ землю въ городъ, по мѣрѣ ея насыпанія отъ осаждающихъ, трудъ ихъ тщетнымъ содѣлываютъ, и уже шесть мѣсяцевъ осада безъ успѣха продолжается.

Владиміръ имѣлъ причины щадить жителей, къ которымъ онъ пришелъ научиться *Христіянскому* миролюбію, и преклоняя осажденыхъ страхомъ оружія, не упустилъ, какъ видится, употребить къ тому способъ увѣреній, въ каковыхъ онъ всегда былъ щастливъ. *Херсонскій* Протопресвитеръ, именуемый *Анастасъ*, подвигнутый усердіемъ къ *Россійскому* Князю, ищущему просвѣщенія, и дабы прекратить долговременную осаду, весьма изнурительную для города, пустилъ въ станъ *Россійскій* стрѣлу, такъ что оная пала возлѣ шатра Княжескаго. На стрѣлѣ сей являлось нѣкое написаніе; оное немедленно было истолковано и содержало слѣдующее: *Позади твоего стана, на восточной сторонѣ, обрящешь источники, изъ коихъ подземными трубами протекаетъ прѣсная вода, напоющая городъ: пресѣки ихъ теченіе.* Таковое ревностное извѣщеніе впечатлѣло въ сердцѣ *Владиміровомъ* сію истину, что добродѣтели Государей, повсюду, гдѣ только слава ихъ проникнуть можетъ, въ войнѣ и въ мирѣ, содѣлываютъ имъ споспѣшниковъ.

И такъ, *Владиміръ* немедленно повелѣваетъ пресѣчь означенныя водныя трубы. Тогда *Херсонскіе* жители, лишенные нужнѣйшаго къ жизни способа, безъ сопротивленія сдаются. Побѣдитель съ войскомъ вступаетъ въ городъ, гдѣ привлекаетъ къ себѣ людей не страхомъ и суровостію, но снисхожденіемъ, кротостію и милосердіемъ. По взятіи же *Херсона*, покоряется *Владиміру* и вся *Таврикія*.

Потомъ *Владиміръ* отправилъ пословъ къ *Василію* и *Константину*, *Греческимъ* Императорамъ, просить у нихъ себѣ въ супружество сестру ихъ Цесаревну *Анну*, пребывавшую тогда дѣвою. Императоры отвѣтствовали, что они, яко *Христіяне*, не могутъ отдать сестры своей за идолопоклонника, но съ радостію согласятся на его желаніе, естьли онъ приметъ крещеніе. На сіе *Владиміръ* послалъ объявить Императорамъ, что онъ, получивъ уже довольное понятіе о *Христіянской* Вѣрѣ отъ Философа ихъ *Кирилла*, предупредилъ желаніемъ своимъ ихъ требованіе, и что въ семъ точно намѣреніи взялъ *Таврикію*, дабы тамъ просвѣтиться свѣтомъ Евангельскимъ;

но проситъ къ тому Императоровъ привести самимъ или прислать къ нему прежде Цесаревну, дабы она имѣла удовольствіе присутствовать при торжествѣ всѣхъ принадлежащихъ ей побѣдъ надъ богами и сердцемъ его. По сему вопрошенная отъ Императоровъ Цесаревна, вначалѣ хотя отрицалась ѣхать къ некрещенному Князю, по предразсужденію, какое *Греки* имѣли о Государяхъ *языческихъ*; но напослѣдокъ, бывъ убѣждена духовными и политическими причинами, согласилась на предложеніе: и въ немедленномъ времени, къ великому обрадованію *Владиміра* и *Херсонскихъ* жителей, прибыла на корабляхъ, съ приличнымъ великолѣпіемъ, въ сей городъ.

Владиміръ не укоснилъ, потомъ очиститься отъ слѣпоты душевной помрачавшей разумъ его во идолослуженіи: восприялъ благодать Святаго Крещенія въ Соборной церкви, чрезъ Епископа *Херсонскаго*; а по его примѣру крестились не только всѣ бывшіе при немъ *Россіяне*, но и Князь *Печенѣгскій Метегайъ*, тогда къ нему пришедшій. Торжество же крещенія *Владимірова* усугублено было радостнымъ

для всѣхъ бракосочетаніемъ его съ Цесаревною *Анною*, которая привлекши всю расточенную любовь его къ единому достойному предмету, легко полезными своими совѣтами, обращала ко всякому благотворенію чувствительное его сердце.

Константинопольскіе Императоры, извѣщенные чрезъ пословъ отъ *Владиміра* о его крещеніи и бракѣ, присылали по просьбѣ его, при взаимномъ къ нему посольствѣ, Митрополита *Михаила*, родомъ *Сирина*. Сей былъ первый Митрополитъ въ *Россіи*.

По союзу же съ сестрою Императоровъ, *Владиміръ*, уставивъ твердый миръ съ ними, возвратилъ имъ *Херсонъ* и всю *Таврикію*; взялъ только изъ сего города мощи Святаго Священномученика *Климента* и ученика его *Фива*, церковныя книги, всякія священныя утвари, Протопресвитера *Анастаса* и другихъ духовнаго чина людей, съ которыми отправился въ *Россію*, уже не въ образѣ прежняго идолочтителя, но яко Государь-*Христіанинъ*.

По возвращеніи своемъ въ *Кіевъ*, *Владиміръ*, увѣщевавъ народъ свой къ

воспріятію жизнодательной Вѣры, разорилъ капища, низвергъ идоловъ; *Перуна* же, главнаго бога, повелѣлъ бить палицами и потомъ низринуть въ въ *Днѣпръ*, дабы народъ удостовѣрился во тщетномъ своемъ уповаціи на идола, который самъ себѣ помощи подать не можетъ. Тогда Митрополитъ *Михаилъ* основалъ на берегу, гдѣ *Перунъ* былъ сверженъ, первый въ *Россіи* монастырь во имя *Архистратига Михаила*, наименованный *Златоверхій*, уподобляя низверженіе идола древнему низверженію діавола отъ сего Архангела: и вскорѣ народъ отложилъ вѣру къ прежнимъ богамъ своимъ.

Между тѣмъ *Владиміръ* повелѣлъ всѣмъ *Кіевлянамъ* собраться въ опредѣленный день на рѣку *Почайную* для крещенія. Народъ любилъ сего Князя съ толикою къ нему довѣренностію, что безъ роптанія и съ удовольствіемъ исполнялъ его волю, разсуждая по обыкновенію своему: *Естьли бы то было худо, Князь и бояре бы не приговорили*. Уготовлены были на рѣкѣ по разнымъ мѣстамъ плоты, на которыхъ, въ надлежащее время, явились Священники для совершенія таинства Святаго

Крещенія, и всѣ стеклись къ воспріятію онаго. Вельможи, чиновники, воины и граждане, богатые и убогіе, старые, юные и младенцы, мужескъ и женскъ полъ всякаго состоянія, по повѣленію Княжескому вступили въ воду; и по кучамъ, пріемля имена Святыхъ Угодниковъ всѣ крещены были. 989.

Въ то же время Митрополитъ самъ крестилъ всѣхъ двѣнадцать сыновъ *Владиміровыхъ* въ ближнемъ ручьѣ, который отъ сего проименованъ *Крещатикомъ*. *Ярославъ* нареченъ *Георгіемъ*, *Борисъ Романомъ*, *Глѣбъ Давыдомъ*; прочихъ же *Христіянскія* имена не извѣстны.

Ученіе Вѣры человѣколюбной влілло въ сердце *Владиміра* добродѣтели, соединенныя съ сею Вѣрою. Жестоконравіе его, принятое отъ дикаго воспитанія и примѣровъ, премѣнилось въ кротость *Христіянскую*; мстительныя чувствованія, уступили мѣсто великодушію; твердость въ честныхъ правилахъ послѣдовала своеобычному упрямству Самодержателя; напослѣдокъ власть его содѣлалась всѣмъ благотворительною. *Владиміръ* распустилъ всѣхъ своихъ супругъ и на-

ложницъ, давъ имъ великія награжденія, и многихъ изъ нихъ выдалъ въ *Христіянское* супружество за знатнѣйшихъ людей въ своемъ Княженіи; началъ созидать повсюду храмы служенія Богу истинному, и первый воздвигъ на холму, гдѣ прежде стоялъ *Перуновъ* идолъ, то есть: церковь *Спаса*, яко нѣкій трофей во знакъ побѣды благочестія надъ зловѣріемъ. Для сооруженія же великолѣпнѣйшаго храма въ честь *Пресвятыя Богородицы*, выписалъ изъ *Греціи* каменьщиковъ и искуснѣйшихъ художниковъ, препорущивъ смотрѣніе надъ симъ зданіемъ Протопресвитеру *Анастасу*, и отдавъ туда же всѣ драгоцѣнныя утвари церковныя, изъ *Херсона* привезенныя. Притомъ опредѣлилъ навсегда десятую часть своихъ доходовъ къ сей церкви, потому названной *Десятинной*; а по окончаніи зданія, перенесъ туда тѣло бабки своей, блаженной *Ольги*, и вписалъ память ея между Святыми; поставилъ главнымъ Священно-служителемъ сего Храма того же *Анастаса* Протопресвитера; опредѣлилъ вѣдать духовныя дѣла, по соборнымъ уставамъ, духовному чину, и написалъ гра-

могу, утверждающую его Княжескіе обѣты, которую положилъ въ сію церковь подъ заклятіемъ, чтобъ никто изъ преемниковъ его не нарушалъ оной. И такъ можно думать, что при *Владимірѣ* были и гражданскіе законы написанные.

Нужно было тогда утобзить ниву Божественнаго сѣянія тукомъ премудрости, почерпаемой во Священномъ Писаніи. Того ради *Владиміръ* завелъ въ *Кіевѣ* училища, для наученія юношества *Славно-Россійской* грамотѣ и Закону *Христіянскому*. Грубость и невѣжество возстенали отъ слуха истины, ихъ поражающей, и многія матери вначалѣ плакали о дѣтяхъ своихъ, просвѣщаемыхъ ученіемъ, подобно какъ о умершихъ; но вскорѣ возчувствовали пользу причиненнаго имъ насилія.

Во время же, какъ въ *Кіевѣ* насаждаемо было благочестіе и доброправіе, *Владиміръ* отправилъ Митрополита *Михаила* въ *Новгородъ* и другія области *Россійскія*, для обращенія народа къ единой православной Вѣрѣ, которая, тщаніемъ сего священнаго Мужа, во всѣхъ мѣстахъ съ равнымъ успѣхомъ

была проповѣдуема. Сей *Михаилъ* и послѣдовавшій по немъ Митрополитъ *Леонтій* были въ *Россіи* первыми орудіями Евангельскаго просвѣщенія; строя повсюду церкви и поставляя Священниковъ и Епископовъ ко стаду новопросвѣщенныхъ, требующихъ Пастырей.

Владиміръ, разпространяя Вѣру, прилагалъ равное попеченіе и о всякомъ Государственномъ благоустроеніи. Онъ населилъ пространныя степи вокругъ *Кіева* разными народами; а тѣмъ пріумножилъ силы Государственныя, открылъ свободные пути торговлѣ, и содѣлалъ преграду частымъ непріятельскимъ набѣгамъ на *Россійскія* земли. Притомъ построилъ множество городовъ по рѣкамъ: *Деснѣ*, *Трубежѣ*, *Сулѣ* и по другимъ; между прочими
987. *Бѣлгородъ*, который онъ любилъ отлично. Ѣздивъ же въ *Суздальскую* землю, тамъ построилъ, неподалеку отъ
991. *Суздаля*, также городъ, славный въ послѣдствіи, и нарекъ оный по своему имени *Владиміръ*. Въ сей странѣ онъ самъ, съ двумя бывшими при немъ *Греческими* Митрополитами, проповѣдалъ *Христіянскую* Вѣру и насадилъ ея ученіе, тогда уже по всей *Россіи* раз-

пространившееся. Онъ посылалъ нѣкоего Философа *Марка Македонянина* и къ *Болгарамъ*, содержавшимъ законъ *Магометанскій*, о коихъ было упомянуто; но сіи не познали душеспасительной истины, и остались въ прежнемъ заблужденіи. Четыре только изъ Князей ихъ пріѣхали ко *Владиміру* въ *Кіевъ*, и тамъ крестились. Между тѣмъ одинъ изъ *Печенѣгскихъ* Князей, именуемый *Кучугъ*, принялъ также въ *Кіевѣ Христіянскую* Вѣру, вступилъ въ службу *Россійскаго* Князя и храбростію своею оказалъ въ войнѣ противу невѣрныхъ важныя ему услуги.

Около сего времени Папа *Іоаннъ XV* присылалъ ко *Владиміру* пословъ, кои тогда не смѣли уже преклонять сего Князя къ *Римскому Католицкому* исповѣданію, видя твердое его прилѣпленіе къ Вѣрѣ *Греческой*. И тогда *Преподобный Антоній Кіевопечерскій*, родомъ *Любичанинъ*, явился въ *Россію*, свое Отечество, изъ *Аѳонской горы*, гдѣ онъ воспріялъ иноческій образъ. Пришедъ же къ *Кіеву* и не возлюбивъ общежитія въ тамошнихъ монастыряхъ, сперва отшелъ къ *Бе-*

рестову и вселился въ пещеру, ископанную *Варягами* близъ сего города. Тамъ пребывалъ онъ по время *Святополкова* княженія въ *Кіевѣ*; а тогда паки удалился на время въ *Аѳонскую гору*.

Владиміръ, расширитель границъ, насадитель истинной Вѣры, созидатель городовъ, устроитель областей, мнилъ притомъ исполнить долгъ отца чадолюбиваго раздѣленіемъ *Россіи* на части сыновьямъ своимъ; и можетъ быть, что противныя тому политическія разсужденія, подкрѣпляемыя недавнымъ примѣромъ Князей, его братьевъ, безсильны были премѣнить тогдашній обычай таковыхъ раздѣловъ. Онъ далъ каждому особое удѣльное Княженіе: *Вышеславу Новгородъ*, *Изяславу Полоцкъ*; *Ярославу Ростовъ*, а по смерти *Вышеславовой Новгородъ*, *Всеволоду Владиміръ*, *Святополку Туровъ*, *Святославу Коростенъ*, *Мстиславу Тмутараканъ (Астрахань)*, *Борису Ростовъ*, по переведеніи оттуда *Ярослава* въ *Новгородъ*; *Глѣбу Муромъ*, *Позвизду Смоленскъ*, *Судиславу Псковъ*. Но сіи удѣльныя Княженія, вначалѣ подсудныя *Кіевскому*,

потомъ мало по малу воспримали каждое особый образъ правленія, по произволу Князей своихъ.

При семъ, когда *Владиміръ* упражнялся въ исполненіяхъ разныхъ своихъ намѣреній *Печенѣги*, отъ времени до времени, не преставали набѣгами своими безпокоить *Россію*, наипаче въ отсутствіе его изъ *Кіева*, хотя всегда были побѣждаемы и прогоняемы. *Владиміръ*, послѣ щастливаго похода на *Хорватовъ*, отъ него напослѣдокъ 992. побѣжденныхъ, принужденъ былъ паки выступить въ поле противу нашедшихъ на его земли *Печенѣговъ*. Онъ встрѣтился съ ними у рѣки *Трубежи* на бродѣ. Оба войска, раздѣленныя рѣкою, стояли безъ дѣйствія; ни которое не отважилось идти въ бродъ на другую сторону къ непріятелю. Наконецъ, *Печенѣгскій* Князь предложилъ *Владиміру*, вмѣсто кровопролитной сѣчи двухъ сильныхъ войскъ, выслать отъ каждаго по единому борцу; и естьли побѣдитъ *Печенѣгъ Россіянина*, то *Печенѣгамъ* довольствоваться три года даньми отъ *Россіи*; естьли же щастливъ будетъ послѣдній, то имъ три года не воевать противу оной.

Владимíръ принялъ за благо сíе предложенíе, но истребовалъ нѣсколько дней сроку: ибо не былъ приготовленъ къ таковому случаю и не вѣдалъ, есть ли у него въ войскѣ богатыри, способные къ побѣжденiю высылаемаго отъ *Печенѣговъ*, котораго великое тѣло и страшный видъ приводили въ ужасъ дотолѣ многихъ представленныхъ ему соперниковъ. Объявлено было съ трубнымъ гласомъ въ войскѣ *Владимíровомъ*, что естьли кто найдется богатырь, могущiй браться съ *Печенѣгомъ*, тотъ явился бы ко своему Князю, обѣщающему побѣдителю всякiя милости и награжденiя. Но всѣ страшились сего новаго *Голiафа*, и долго никто не являлся на вызывъ. Уже Князь начиналъ отчаяваться въ обрѣтенiи искомаго, и былъ погруженъ въ унынiи: тогда предсталъ предъ него нѣкiй старый воинъ, служащiй въ войскѣ его съ четырьмя сынами, и тако вѣщалъ *Владимíру*: „Государь! жизнь моя и дѣтей моихъ „принадлежитъ Отечеству. Во младо„сти моей не отрекся бы я самъ сра„зиться съ гордымъ и страшнымъ ис„полиномъ, вызывающимъ нынѣ отъ „*Россiянъ* себѣ соперника; но нагбен-

„ная старость, въ изнеможеніи силъ,
„представляетъ ко услугамъ твоимъ
„единое только усердіе. Я и дѣти мои,
„служащіе нынѣ въ полкахъ твоихъ,
„готовы сражаться съ самыми ужасны-
„ми чудовищами за славу и честь *Рос-*
„*сіи:* однако я болѣе ожидаю успѣха
„отъ младшаго моего сына, въ домѣ
„моемъ оставленнаго. Во свидѣтель-
„ство силы его могу представить те-
„бѣ, Государь, опыты, мною видѣнные.
„Сей юный сынъ мой, нѣкогда, по ре-
„меслу своему, выкраивая ремни, по-
„тянулъ въ рукахъ небрежно воловью
„кожу и разодралъ на двое.“

Владиміръ, исполненъ радостію отъ сего извѣщенія, послалъ гонцовъ за младымъ *Ременьщикомъ*, который вскорѣ представленъ былъ предъ Князя. Сей не имѣлъ ни великаго роста, ни звѣрскаго вида ужасающаго; но въ видѣ его блистали вѣрность, надежда, побѣда, съ жаромъ смѣлой юности. На опытъ силы его выпущенъ былъ наивеличайшій дикій волъ, горящимъ желѣзомъ разъяренный: отъ свирѣпости его и страшнаго рева содрогнулись всѣ зрители. Младый воинъ съ легкостію, стрѣлѣ подобною, устраняется отъ

стремящагося на него звѣря, останавливаетъ его, ухвативъ рукою за бокъ, отторгаетъ нѣсколько ребръ отъ тучнаго его тѣла, и едва жива отъ себя бѣжать пускаетъ.

По таковомъ испытаніи, *Владиміръ* далъ знать *Печенѣгамъ*, чтобъ они выслали въ уреченное мѣсто и время своего витязя. Оба войска долженствовали присутствовать при семъ сраженіи, и стали по двумъ сторонамъ въ виду богатырей, сошедшихся на срединѣ. Грозный *Печенѣгъ*, увидѣвъ малый ростъ и юность лѣтъ бойца, противъ его высланнаго, презиралъ сего соперника и смѣялся его смѣлости. Но *Россіянинъ*, не взирая на угрозы великотѣлеснаго своего непріятеля, подступаетъ къ нему безстрашно. Тщетно гордый исполинъ сильными размахами чаетъ поразить юношу; сей уклоняется отъ пораженій и легкою ухваткою подъемлетъ своего сопротивника, ударяетъ о землю, потомъ, схвативъ поверженнаго за гортань, сжимаетъ толь крѣпко, что принуждаетъ его извергнуть духъ въ рукахъ своихъ. Тогда *Печенѣги*, видя позорное побѣжденіе богатыря отъ нихъ представленнаго,

со стыдомъ побѣжали, и три года въ послѣдствіи не воевали *Россію.*

Владиміръ, любя награждать заслуги и воздавать честь достоинствамъ, наименовалъ сего витязя *Переяславомъ*, яко переявшаго славу у *Печенѣговъ;* обогатилъ и произвелъ въ знатные чины весь родъ его; въ память же победы, на мѣстѣ оныя построилъ городъ, назвавъ его по имени побѣдителя *Переяславлемъ.*

По прошествіи трехъ лѣтъ, *Печенѣги* паки вступили въ *Россію* и осадили городъ *Василевъ. Владиміръ*, вознадѣясь на храбрость войскъ своихъ, отважился съ малымъ числомъ пойдти противу сихъ неприятелей, кои всегда отъ него были побѣждаемы. Но онъ собственнымъ нещастіемъ извѣдалъ тогда чрезмѣрность своего упованія. *Печенѣги* легко разбили малое его войско; онъ самъ былъ раненъ и едва спасъ жизнь, укрывшись подъ мостомъ. Неприятели не отважились простирать далѣе свои побѣды; но *Владиміръ* почиталъ за щастіе возвращеніе свое въ Отечество. 995.

Сей Государь уставилъ послѣ въ *Кіевѣ* великолѣпныя пиршества, кои

всегда при Дворѣ его были возобновляемы. Къ симъ частымъ веселіямъ приглашалъ онъ не только Князей, вельможъ, чиновниковъ, но и людей всякаго состоянія; при чемъ находилъ случаи помогать бѣднымъ разными образами. Человѣколюбіе его простиралось и на тѣхъ, кои за болѣзнію или другими причинами не могли приходить къ празднествамъ его. Онъ повелѣлъ возить по улицамъ ѣства и питія и раздавать требующимъ: казалось, что каждый тогда раздѣлялъ съ Государемъ своимъ его богатство и изобиліе.

Нѣкогда *Кіевляне*, упоенные на пиру у своего Князя, возроптали: почто кладутъ имъ деревянныя ложки, а не серебряныя? Многіе изъ придворныхъ почли сіи жалобы дерзновенными; но *Владиміръ*, привлекая всячески въ любовь къ себѣ подданныхъ, тако вѣщалъ къ Вельможамъ: „Сребро и злато по „тому только мнѣ драгоцѣнны, что „могутъ служить ко удовольствію дру„зей моихъ. Я съ ними пріобрѣлъ бо„гатства, съ ними всегда могу пріо„брѣсть ихъ; хранимыя же сокровища „не дадутъ мнѣ толь вѣрныхъ друзей, „соучаствующихъ въ моихъ трудахъ и

„нещастіяхъ.“ И тотчасъ повелѣлъ ковать серебряныя ложки, кубки, чашки и прочее, для всѣхъ гостей своихъ, которые послѣ не имѣли уже причины негодовать на недостатокъ при столахъ великолѣпія, каковое въ тѣ времена употребляли только знатнѣйшіе люди.

При сихъ торжествахъ человѣколюбія, благопріятныя всѣхъ угощенія привлекли ко двору *Кіевскаго* Государя. многихъ Королевичей, Князей и всякаго рода храбрыхъ витязей; кои всѣ ставили себѣ въ честь служить подъ его знаменами и оказывали ему важныя услуги въ разныхъ случаяхъ. Тогда появились въ *Россіи* славные богатыри и рыцари, каковы *Мальфредъ Сильный, Александръ Поповичь, Иванъ Ушмовецъ, Илья Муромецъ, Рахтай Удалой*, который одинъ выѣзжалъ на триста воиновъ, и прочіе извѣстные въ *Древнихъ Россійскихъ Повѣстяхъ*, украшенныхъ чудными вымыслами и странными наименованіями Героевъ того времени.

Но поколику самые полезные уставы подвержены злоупотребленію, и общее щастіе разпространяется часто

на людей неблагодарныхъ; то человѣколюбіе и снисхожденіе *Владимірово* содѣлалось нѣкоторымъ поводомъ къ злодѣйственному устремленію многихъ въ народѣ тунеядцевъ, обуявшихъ піянствомъ и праздностію. Во многихъ мѣстахъ тогда появились разбойники, и встревожили тишину и безопасность жителей. *Христіянская* кротость *Владимірова* долго сопротивлялась правосудію, требующему казни злодѣевъ. Напослѣдокъ Духовный Соборъ прислалъ ко Князю моленіе, да накажетъ злыхъ праведнымъ гнѣвомъ и прещеніемъ, ко успокоенію мирно живущихъ; и да не втуне сіи уповаютъ на милость и судъ его, яко гибель единаго злодѣя спасаетъ многихъ невинныхъ. *Владиміръ* не усомнился тогда употребить строгость для усмиренія необузданныхъ, и вскорѣ разбои прекращены были.

Сей Государь, возставивъ внутреннюю тишину въ своемъ владѣніи, желалъ утвердить и внѣшнюю его безопасность, отъ стороны *Печенѣговъ*, всегдашнихъ своихъ непріятелей. Нещастіе научило его подкрѣплять храбрость числомъ; почему онъ отправился прежде въ *Новгородъ*, дабы тамъ собрать

лучшее войско, и послѣ со умноженною силою идти внутрь земли *Печенѣгской*. Но *Печенѣги*, увѣдавъ объ отсутствіи *Владиміровомъ*, предупредили его намѣреніе. Они вступили съ другой стороны въ *Россію*, осадили новопостроенный *Бѣлгородъ*; и какъ не были искусны въ осадѣ городовъ, то предприняли, окруживъ оный, принудить къ здачѣ голодомъ. *Бѣлогородцы*, безъ надежды къ помощи, предупреждая послѣдующую гибель, совѣщавались уже здать городъ. Въ сей крайности нѣкто почтенный старецъ испросилъ согражданъ своихъ, чтобъ они имѣли три дни еще терпѣніе и не здавались. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ собрать довольно пшеничной, ржаной и овсяной муки, сдѣлать въ чанахъ кисельный растворъ, притомъ набрать меду и развести въ другихъ чанахъ сыту; оба же растворы особо впустить въ разные ископанные для сего колодези, чрезъ проведенныя къ нимъ подземныя трубы, такъ чтобъ сіи колодези могли наполняться, по мѣрѣ изъ нихъ черпанія. Когда же все сіе было изготовлено, онъ послалъ къ *Печенѣгамъ* просить отъ нихъ въ городъ повѣренныхъ для договоровъ, дая отъ себя имъ

залоги. *Печенѣги*, скучившіе отъ долговременнаго стоянія въ полѣ и въ чаяніи, что *Бѣлогородцы* желаютъ здаться, послали къ нимъ знатнѣйшихъ мужей своихъ. Осажденные представили тогда посланнымъ, сколь тщетно они уповаютъ принудить къ здачѣ городъ, котораго жители получаютъ изъ колодезей своихъ всегда довольную себѣ пищу: во удостовѣреніе же при нихъ черпали растворъ; варили кисель, потомъ съ сытою отъ другаго колодезя ѣли, и *Печенѣговъ* тѣмъ подчивали. Сіи дикіе люди, питающіеся мясами въ полѣ и невѣдущіе хлѣбной пищи, похваляя вкусъ предлагаемой, легко дались въ обманъ и испросили отпустить съ ними, для показанія своимъ начальникамъ, нѣсколько сего земнаго дара. Свидѣтельство посланныхъ, самовидцевъ таковыхъ колодезей, совершенно увѣрило *Печенѣгскихъ* Князей о невозможности овладѣть городомъ; почему сіи за благо разсудили отступить и оставить безполезную осаду жителей, которые имѣютъ щастіе владѣть толь сладкими и питательными источниками.

Владимірѣ, возвратясь изъ *Новагорода*, по видимому, упражнялся въ другихъ важныхъ дѣлахъ; ибо въ Исторіи не повѣствуется объ исполненіи предпріятаго имъ похода въ землю *Печенѣгскую*. Чрезъ нѣсколько же времени *Владимірѣ* отправился на *Дунай* въ *Переславецъ*; и въ его отсутствіе *Володарь*, Князь *Половецкій*, забывъ оказанныя ему отъ сего Государя благодѣянія, пришелъ съ войскомъ къ *Кіеву*. Тогда храбрый витязь *Александрѣ Поповичь*, вышедъ ночью изъ города, съ малымъ числомъ себѣ подобныхъ воиновъ, разбилъ *Половцовъ* и самаго *Володаря* убилъ. А за сію услугу *Владимірѣ*, по возвращеніи, произвелъ его въ достоинство вельможи и, во знакъ отличности, возложилъ на него златую гривну. 1000.

Въ слѣдующемъ году тотъ же *Александрѣ Поповичь*, совокупно съ *Иваномъ Ушмовцемъ*, одержалъ славныя побѣды надъ *Печенѣгами* и ихъ весьма обезсилилъ. Онъ убилъ нѣкотораго ихъ богатыря, разбилъ ихъ войско и Князя ихъ *Родмана*, съ тремя сынами, привелъ плѣнными ко *Владиміру*.

При сихъ произшествіяхъ присланы были ко *Владиміру* отъ многихъ Государей посольства, какъ то: отъ *Стефана Перваго*, Короля *Венгерскаго*, *Болеслава Третьяго*, Короля *Богемскаго*, *Болеслава Перваго*, Короля *Польскаго*, Папы *Сильвестра Втораго* и другихъ Государей, кои всѣ желали вступить съ нимъ въ союзъ и дружелюбіе. *Россійскій* Князь, со своей стороны, посылалъ также пословъ къ разнымъ *Дворамъ Европейскимъ*, частію для установленія союзовъ съ народами, частію же для разсмотрѣнія и описанія ихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, и для введенія полезныхъ и похвальныхъ въ *Россію* отъ всѣхъ областей.

Между тѣмъ, недавно насажденная въ *Россіи Христіянская* Вѣра развращаема была ересію нѣкоего монаха *Андреяна*, который дерзалъ отвергать поклоненіе Иконамъ, Іерархію и уставы церковные. Но тогдашній въ *Кіевѣ* Митрополитъ *Леонтій*, осудивъ его Соборомъ, заключилъ въ темницу, а потомъ кроткимъ увѣщаніемъ обратилъ на путь истинный.

Напослѣдокъ, при самой жизни *Владиміровой* оказались уже нещастныя слѣдствія раздѣловъ, отъ которыхъ и самая его верховная и отеческая власть оскорблена была неблагодарнѣйшимъ поступкомъ сына его *Ярослава*. Сей, получивъ въ удѣлъ *Новгородъ*, долженствовалъ платить возложенную на него дань, по двѣ тысячи гривенъ въ годъ отцу своему и по тысячѣ раздавать жалованья въ *Новѣгородѣ*; но онъ отрекся платить дань сію при старости *Владиміровой*. Тогда, огорченный и раздраженный непокорностію своего сына и сопротивленіемъ верховной власти, Государь собралъ войско и, хотя отягченъ былъ бременемъ лѣтъ, однако вознамѣрился самъ идти усмирить преслушника, отъ него жизнь и власть получившаго. Между тѣмъ *Ярославъ*, увѣдавъ о намѣреніи отца своего, послалъ къ *Варягамъ* призвать ихъ къ себѣ въ помощь и изготовился къ сильному отраженію. Уже *Владиміръ* въ походъ выступилъ. *Борисъ*, отлично любимый сынъ его, привелъ къ нему полки свои, и уже совокупленныя ихъ силы дошли до *Берестова*: но въ семъ городѣ *Владиміръ* полу-

1014

чилЪ извѣстіе о новомЪ нашествіи на *Россію ПеченѣговЪ;* почему принужденЪ былЪ раздѣлиться и послать *Бориса* для усмиренія сего безпокойнаго народа; самЪ же по отлученіи его вскорѣ заболѣлЪ и скончался вЪ *Берестовѣ* вЪ пятыйнадесять день Іюля.
1015.

Воеводы его, предупреждая слѣдствія, каковыя могЪ произвесть вЪ народѣ слухЪ о его смерти, утаили оную на время и тѣло его скрытно отправили вЪ *КіевЪ,* гдѣ *СвятополкЪ* похитилЪ тогда правленіе. Но когда тѣло *Владимірово* тамЪ внесено было вЪ церковь *Десятинную,* имЪ созданную, то весь народЪ притекЪ, сЪ воплемЪ и рыданіемЪ, достойно ублажить память мудраго, храбраго, благочестиваго, правосуднаго, человѣколюбиваго, милостиваго *Владиміра,* и такЪ какЪ бы предчувствуя, оплакивалЪ уже будущія свои нещастія. Тѣло его положено во мраморномЪ гробѣ, и погребено вЪ той же *Десятинной* церкви.

ВладимірЪ княжилЪ вЪ *Кіевѣ* тридцать пять лѣтЪ. Супруга его Великая Княгиня *Анна,* Цесаревна *Греческая,* преставилась прежде его смерти за четыре года. *Рогнеда* же, по

крещеніи *Владиміровомъ*, возжелавъ увеѣститься Богу, воспріяла образъ иноческій и скончалась въ 1002, а въ слѣдующемъ по семъ году скончался, также при жизни *Владиміровой*, сынъ его *Изяславъ*, котораго усердіе къ Вѣрѣ, благонравіе, милосердіе и прилѣжаніе ко чтенію книгъ привлекали къ нему отъ всѣхъ любовь и почитаніе.

Смерть *Владиміровa* дала свободу властолюбію Князей, сыновъ его, открыла *Святополку*, пріявшему по немъ престолъ *Кіевскій*, пути къ злодѣяніямъ, и *Россія* долго претерпѣвала бѣдственныя слѣдствія своего раздѣленія, какъ будетъ описано.

Конецъ первой Части.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОКАЗАНІЕ ДОСТОПАМЯТНѢЙШИХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ РОССІИ, ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОДЕРЖАЩИХСЯ.

	Годы по Рож. Хр.
Построеніе *Кіева*. - - - - -	430
Призваніе *Рурика*, перваго Князя *Россійскаго* въ *Новгородъ*. - -	862
Построеніе *Москвы Олегомъ*, воспитателемъ *Игоревымъ*. - -	880
Взятіе *Смоленска* имъ же. - - -	881
Взятіе *Кіева* и присовокупленіе *Южной Россіи* къ *Сѣверной* имъ же. - - - - - -	883
Покореніе *Древлянъ* Великою Княгинею *Ольгою*. - - - -	946
Покореніе *Вятичей Святославомъ*.	965
Завоеваніе *Болгаріи* имъ же. - - -	965
Завоеваніе *Польскихъ* городовъ *Владиміромъ*. - - - -	981
Покореніе *Ятвяговъ* имъ же. - -	985
Побѣжденіе *Болгаръ*, жившихъ около *Чернаго моря* имъ же. - -	985
Взятіе *Крыма* имъ же. - - - -	988
Союзъ *Владиміровъ* съ *Греческими* Императорами, бракосочета-	

	Годы по Рож. Хр.
ніе его съ Цесаревною, ихъ сестрою. Крещеніе *Россіи* и построеніе *Бѣлагорода.* - - - -	989
Построеніе *Владиміра* имъ же. -	991
Побѣжденіе *Хорватовъ* имъ же. -	992
Побѣжденіе *Половцевъ Александромъ Поповичемъ.* - - -	1000

ПОКОЛѢНІЕ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ, ОТЪ РУРИКА ДО ВЛАДИМІРА.

1. РУРИКЪ.
2. ИГОРЬ.
3. СВЯТОСЛАВЪ.
4. ВЛАДИМІРЪ.

Обстоятельныя же родословныя таблицы Князей Россійскихъ приложены при каждомъ Томѣ Россійской Исторіи Князя Михайлы Михайловича Щербатова.

ОЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОБЫТНОСТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Первый извѣстный городъ въ *Россіи* СЛАВЕНСКЪ.

Первый Великій Князь *Новогородскій* РУРИКЪ.

Первый Великій Князь *Кіевскій* и *Новогородскій* ИГОРЬ.

Первая *Христіянка* въ *Россіи* Великая Княгиня ОЛЬГА.

Первый Государь, просвѣтившій *Россію* Святымъ Крещеніемъ, ВЛАДИМІРЪ.

Первый Митрополитъ въ *Россіи* МИХАИЛЪ.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Россія въ древности знаема была болѣе подъ именами *Европейской Скиѳіи* и *Сармаціи.* Границы ея были: на Сѣверѣ *Океанъ Сарматскій (Бѣлое море)*; на Западѣ *Висла*; на Югѣ *Дація*; на Востокѣ *Черное море*: вмѣщала же она въ себѣ, *Великую* и *Малую Россію*, *Польшу*, *Литву*, *Курляндію*, *Лифляндію*, *Пруссію*, часть *Венгріи* и нѣкоторыя другія области. И такъ, можно положить, что *Россія*, въ щастливыя своя времена, распростиралась до морей *Бѣлаго, Азовскаго*, *Чернаго* и *Балтійскаго.* Главныя рѣки ея, впадающія въ сіи моря, были: *Донъ*, *Днѣпръ*, *Бугъ*, *Объ*, *Днѣстръ*, *Волга*, *Двина*, *Нева*, *Висла* и другія.

Обстоятельное же Географическое описаніе Древней и Новой Россіи ожидается отъ трудовъ и тщанія Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ, которая дала уже знать Публикѣ начертаніе онаго.

ОТВѢТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗОБРАЖЕНІЯ РОССІИ КЪ ЕГО НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ.

ОТВѢТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗОБРАЖЕНІЯ РОССІИ КЪ ЕГО НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ (*).

Благосклонность, съ которою Публика удостоила принять изданную въ свѣтъ первую Часть *Историческаго Изображенія Россіи*, даетъ поводъ Сочинителю ласкать себѣ, что она не безъ удовольствія будетъ читать все то, что онъ къ изъясненію *Россійской* Исторіи сообщить ей можетъ. Нѣкоторые вопросы и примѣчанія, предложенныя ему въ Ежемѣсячномъ изданіи, подъ титуломъ *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, Іюля мѣсяца, отъ неизвѣстнаго писателя, заслуживали, по существу ихъ матеріи, не быть безъ отвѣта оставленными. Почему мы включаемъ здѣсь слѣдующее письмо отъ Сочинителя *Историческаго Изображенія Россіи* къ его неизвѣстному вопросителю.

(*) Сей отвѣтъ помѣщенъ былъ въ Прибавленіи къ No 64 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, Августа 10 дня 1778 года.

Господинъ вопроситель! изъявленное вами въ примѣчаніяхъ вашихъ правило: пользоваться *дружелюбными совѣщаніями съ писателями,* побудило меня совѣщеваться съ вами тѣмъ образомъ, какой вамъ было угодно выбрать, то есть: вызвать меня къ публичному отвѣту на публичныя ваши предложенія; хотя чувства мои отдалены отъ желанія возмѣриваться таковою честію, при вашихъ примѣчаніяхъ и вопросахъ. Я, во первыхъ, буду вамъ отвѣтствовать на то предложеніе, которое читателямъ важнѣйшимъ можетъ представиться: „Мы не знаемъ," пишете вы, „какимъ образомъ мнѣніе новыхъ Писателей *Россійской* Исторіи, утверждающихъ, что *Новгородъ,* до пришествія *Рурика* съ братьями, былъ сильный городъ и знаменитая республика, согласитъ со словами *Святаго Нестора,* „первоначальнаго *Россійскаго* Лѣтописателя." Я повторяю здѣсь то, что вы выписали изъ *Несторовой* статьи о *Руриковомъ* Княженіи: и *прія всю власть Рурикъ одинъ, и пришедъ ко Ильменю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ, и* проч.

Естьлибъ вы приняли трудъ оборотить назадъ пять листовъ въ той же Лѣ-

тописи *Несторовой*, то увидѣли бы тамъ же особую статью о началѣ *Новагорода*, за четыреста лѣтъ предъ Княженіемъ *Руриковымъ*, и что всѣ новые писатели *Россійской* Исторіи самимъ *Несторомъ* въ томъ свидѣтельствуются, увидѣли бы также, что и въ послѣдствіи прежде *Рурика* о *Новогородцахъ* упоминается. Слова же, выписанныя вами изъ *Нестора*, имѣющія видъ противорѣчія, въ самомъ Лѣтописателѣ, кажется мнѣ, не столь затруднительны, чтобъ могли служить предлогомъ вашего сомнѣнія: ибо сверхъ того, что древнее *Россійское* писаніе не было въ прежнія времена очищено отъ погрѣшностей разумными, каковы нынѣ, критиками. *Несторъ* могъ безъ великаго себѣ противорѣчія сказать, что *Рурикъ*, построивъ городокъ надъ *Волховымъ*, прозвалъ его *Новгородъ*, поколику прежній *Новгородъ* легко могъ въ народѣ называться по старому своему имени *Славенскъ*, или, по названію чужестранныхъ, *Гольмгардъ*. Для пространнѣйшаго о *Новѣгородѣ* свѣденія, мы имѣемъ на *Россійскомъ* языкѣ довольное, хотя по умѣренности Сочинителя названное *Краткое Извѣстіе о началѣ Новагорода*, напечатанное въ Ежемѣсячномъ Академическомъ Изданіи на

Іюль Мѣсяцъ 1761 года. Но какъ сіи подробности не входятъ въ планъ моего *Историческаго Изображенія*, которое есть простое повѣствованіе самонужнѣйшихъ вещей къ свѣденію; то вы могли бы легко удовольствовать ваше любопытство чтеніемъ *Россійской* Исторіи почтеннаго нашего Историка Князя *Михайлы Михайловича Щербатова*, который не упустилъ представить *справедливое справедливымъ, правдоподобное правдоподобнымъ и сомнительное сомнительнымъ*; хотя вы и жалуетесь, что мы донынѣ не имѣемъ основательной *Россійской* Исторіи.

Второе: Вамъ также угодно было написать, что будто сочинитель *Историческаго Изображенія* на стр. 13 (*) утверждаетъ, „что *Варягскіе* Князья „*Рурикъ*, *Синавъ* и *Труворъ* призваны „отъ *Новогородскихъ Славянъ*, болѣе „для защищенія ихъ отъ внѣшнихъ непрі-„ятелей, нежели для возстановленія внут-„ренняго спокойствія.“

Естьли бы предслѣдующую и самую ту страницу, которую вамъ въ примѣчаніяхъ вашихъ угодно было переиначить,

---

(*) Сего изданія стр. 25.

приняли вы трудъ прочесть въ подлинникѣ съ большимъ вниманіемъ; то думаю, что столь много не могли бы ошибиться въ разумѣніи. Я за излишнее почитаю повторять здѣсь отъ слова до слова содержаніе страницъ 12 и 13. Вы сами прочтя ихъ, можете увидѣть, въ чемъ вы ошиблись. А для чего не упомянуто о *Чуди*, о которой вы желаете, чтобъ было тамъ упомянуто, на сіе вамъ инаго сказать не можно, какъ то, что Сочинитель пишетъ въ семъ мѣстѣ только о *Славянахъ Новогородскихъ* и Князьяхъ, призванныхъ ими отъ *Варягъ-Россовъ*, а не о *Чуди*, подъ именемъ *Славянъ* разумѣемой. По теченію Исторіи можно видѣть, что тогда названіе *Чуди*, вмѣсто *Новогородцевъ*, употребляемо не было, такъ какъ и самое названіе *Славянъ* при *Рурикѣ* уже терялось: ибо вскорѣ *Новогородское* Княженіе прославилось подъ именемъ *Сѣверной Россіи* и *Сѣверныхъ Россовъ*, поколику названіе пришельцовъ *Россовъ* изъ *Варягъ*, съ ихъ Князьями, естественно брало верхъ надъ старымъ именованіемъ *Славянъ* въ *Новѣгородѣ*. Естественно также и то по Исторіямъ, что *Новогородцы*, въ сей великой перемѣнѣ, приняли къ себѣ Князей на условіяхъ, то есть: болѣе для защи-

щенія областей отъ внѣшнихъ непріятелей, нежели для внутренняго Государственнаго управленія. Хотя же *Святый Несторъ* и включилъ въ Лѣтопись слѣдующія слова Новогородцевъ: *Поищемъ себѣ Князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ по праву;* но сіе не опровергаетъ доказанной исторической истины и на порядкѣ вещей основанной, что тогдашніе вольные и не смирные *Новогородцы*, сыскавъ себѣ Князя, желали власть его умалить и, наконецъ, противу его взбунтовали. Чтеніе однихъ *Россійскихъ* Писателей, довольно можетъ въ томъ удовольствовать любопытство моего вопросителя.

Третіе: Изъ страницы 15 (*) вамъ угодно было выписать: въ *Кіевѣ княжили Оскольдъ и Диръ....* Потомъ чрезъ нѣсколько строкъ: *наслѣдственные враги Императорамъ Греческимъ....* Потомъ, чрезъ нѣсколько словъ: *побужденные примѣрами предковъ ...* изъ сихъ разныхъ частицъ составили вы особую нѣкоторую фразу, такъ какъ бы кто написалъ: *Отче нашъ -- отъ лукаваго,* хотѣлъ дать смыслъ только первымъ словамъ и послѣднимъ. Чаятельно, что тог-

(*) Сего изданія стран. 27.

да сія молитва не была бы принята въ Святцы. Я не могу вамъ отвѣтствовать, какъ только чтобъ вы прочли средину; и вотъ какъ сказано на 15 стран.: „Идоло-„служеніе и дикость нравовъ тогдашнихъ „народовъ *Славенскихъ* содѣлывали ихъ „(народы, а не Князей) непримиримыми и „наслѣдственными врагами *Императо-„рамъ Греческимъ.*“ О Князьяхъ же въ сей фразѣ ни слова не упомянуто. По-томъ слѣдуетъ: „*Оскольдъ* и *Диръ*, по-„бужденные примѣрами предковъ и храб-„ростію *Славянъ*, своихъ подданныхъ (а „не примѣрами своихъ предковъ какъ пере-„толковано), ходили также войною подъ „Константинополь.“ И такъ я не оспори-ваю, что *Оскольдъ* и *Диръ* могли быть прежде бояре *Руриковы*, и не нахожу сіе обстоятельство столь важнымъ, чтобъ нужно было съ кѣмъ нибудь о томъ въ споръ пуститься.

Четвертое: Изъ страницы 33 (*) угодно было вамъ выписать: *Констан-тинъ долженъ былъ погасить свое желаніе.* Потому приписали вы Со-чинителю, что будто онъ *повѣствовалъ о страстной любви Императора Кон-стантина къ Великой Княгинѣ Ольгѣ,*

(*) Сего изданія стр. 43.

и средство, коимъ она его перехитрила; что вы оное находите не истиннымъ историческимъ повѣствованіемъ, и въ семъ больше придерживаетесь мнѣнія покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова.

Естьли бы вы прочли нѣсколько выше и ниже выписаннаго вами мѣста, то бы увидѣли, что и Сочинитель придерживается того же мнѣнія, и что о страстной любви Императора къ прелестямъ красоты Княгини *Ольги* ни слова не упоминается; а написано только о ея достоинствахъ, о склонности Императора войти съ нею въ супружество, и что онъ, бывъ позванъ въ воспріемники при ея крещеніи, долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ Закону.

Пятое: Изъ страницы 97 (*) угодно было вамъ выписать рѣчь, которую говорилъ *Владиміру* одинъ старый воинъ, и которую вы находите неприличною ни къ тогдашнему времени, ни къ лицу простаго воина.

Естьли бы вы прочли нѣсколько страницъ подалѣе, то бы увидѣли, что не только сей старый воинъ и младшій сынъ

(*) Сего изданія стр. 103.

его, но и весь родѣ сего воина былѣ произведенѣ послѣ въ знатные чины, по видимому, за ихѣ достоинства. Мнѣ кажется, не прилично ни къ какому времени полагать, чтобы сіи славные въ Исторіи люди не могли ни чувствовать, ни изображать свои чувства образомѣ, приличнымѣ ихѣ великодушію: хотя то вѣрю, что они не нынѣшнимѣ, а тогдашнимѣ нарѣчіемѣ говорили. Вы за лучшую выписали рѣчь того же стараго воина, какую включилѣ въ Лѣтопись *Несторѣ*, то есть: „Княже! есть у меня единѣ сынѣ меньшій „дома, а со четырьми есьмы вышелѣ, отѣ „дѣтства его нѣсть кто имѣ ударилѣ; „единою бо ми сварящу, и опому мнущу „усніе, и разгнѣвався на мя, преторже „чрево.“ Естьли бы вы прочли Лѣтопись *Несторову* сѣ разсмотрѣніемѣ, то бы увидѣли, что въ сей Лѣтописи и Императоры *Греческіе* говорятѣ тѣмѣ же древнимѣ простонароднымѣ нарѣчіемѣ, какое *Несторѣ* могѣ спознать тогда въ *Россіи*. Каждому Историку остается искать свойственныхѣ рѣчей въ историческихѣ описаніяхѣ и въ образованіяхѣ дѣйствій, а не въ однѣхѣ Лѣтописяхѣ, гдѣ часто, при простомѣ означеніи произшествій, поставлены только годы. Впрочемѣ свой-

ственно простымъ не критикующимъ людямъ, при сухомъ повѣствованіи историческихъ бытностей, не отметать цвѣтовъ краснорѣчія, какими Исторія отъ всѣхъ Писателей обыкла быть украшаема; и естьли Писатель столько щастливъ, свойственно читателямъ находить въ нихъ нѣкоторое себѣ отдохновеніе; бываютъ же и такіе люди, которые тѣмъ только привлекаются къ чтенію. И такъ, мнѣ кажется, что сіи люди хотя и не выдаютъ твореній своихъ въ Ежемѣсячныхъ изданіяхъ, но заслуживаютъ отъ насъ къ себѣ уваженіе. Любители же *Архаисмовъ* могутъ довольствоваться ими въ Лѣтописяхъ, не дая законовъ, чтобъ всѣ другіе ихъ любили.

По удовольствованіи васъ моими отвѣтами на всѣ ваши вопросы и примѣчанія, оставалось бы мнѣ означить на употребляемомъ вами *Латинскомъ* и на нашемъ языкѣ, нѣкоторыя принятыя всѣми въ книгахъ правила, равно для Историковъ-критиковъ; но какъ, по видимому, вы не имѣете времени ихъ читать, то я представлю вамъ здѣсь однѣ только простыя общія мнѣнія.

1. Писатель, судящій о погрѣшностяхъ другихъ писателей, долженъ преж-

де пріобрѣсти отъ Публики довѣренность къ своимъ рѣшеніямъ и къ общеполезнымъ видамъ, какіе онъ въ томъ представить можетъ.

2. Потомъ, для пользы обществу отъ благоразумной критики, долженъ прочесть внимательно всѣхъ нужныхъ и, особливо, тѣхъ Писателей, на которыхъ онъ въ критикѣ своей утверждается, или по малой мѣрѣ хотя ту книгу, которую онъ найдетъ достойною своей критики: ибо безъ сихъ предварительныхъ вещей, вы легко можете подать поводъ о себѣ думать, что вы, разкрывъ какую нибудь книгу, безъ всякаго чтенія, выписываете нѣсколько строкъ и толкуете ихъ, по вашему произволенію, для того только, чтобъ наполнить нѣсколько страницъ въ Ежемѣсячномъ изданіи. Сіи могутъ себѣ представить тѣмъ наипаче, что похвалы ваши Сочинителю за *изрядный слогъ*, за *исправность въ печатаніи* и благодарность за *усиленіе достигнуть къ своему въ сочиненіи предмету*, не увѣряютъ Публику ни объ изрядствѣ слога вашего, ни объ исправности вашей въ печатаніи, ни объ усиліи вашемъ быть полезнымъ себѣ и обществу.

Напослѣдокъ, вамъ скажу, что хотя я не обѣщалъ въ моемъ предисловіи отвѣтствовать на подобные вопросы и примѣчанія; но какъ вы побудили меня къ тому предложеніемъ *дружелюбнаго совѣщанія вашего съ писателями*: то я желаю чтобъ мое съ вами совѣщаніе вамъ было полезно.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

О

ГЕРМАНСКИХЪ ПРАВАХЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ
О
ГЕРМАНСКИХЪ ПРАВАХЪ.

Германія, имѣя отмѣнный образъ правленія отъ другихъ Государствъ, заимствуетъ отъ него свои собственныя права. Образъ ея правленія подверженъ былъ многимъ перемѣнамъ, отъ частыхъ ударовъ, колебавшихъ Имперію, во все время отъ ея начала до заключенія *Вестфальскаго мира*. Первые ея обитатели, раздѣленные по разнымъ округамъ, не были одни отъ другихъ въ зависимости, такъ какъ права ихъ не сходствовали однѣ съ другими. Безъ сомнѣнія, необходимость обоpонять себя отъ набѣговъ Сѣверныхъ непріятелей, принудила ихъ болѣе къ сообщенію и союзу въ концѣ четвертаго и въ началѣ пятаго вѣка; а по мѣрѣ ихъ сообщенія, общенародныя ихъ права долженствовали перемѣняться.

Владѣніе *Карла Великаго* соединило шесть разныхъ народовъ, и вмѣсто Герцоговъ надъ ними, послѣдовали Графы, избранные на мѣсто первыхъ изъ поддан-

ныхъ Имперскихъ; почему можно видѣть образъ Монархическаго въ то время правленія. Но оное ослабѣло при *Людовикѣ*, прозываемомъ *Кроткомъ*. Герцоги вновь были возставлены и вступили частію въ свои древнія права. Дѣти ихъ раздѣлили по себѣ пространныя области *Карла Великаго*. Области, кои прежде составляли одно Государство, и *Вердюнскимъ* трактатомъ въ 834 году такъ утверждены были. Часть *Людовика*, прозываемаго *Германскаго*, была однако, всегда особою областью, поколику она сохраняла право наслѣдныхъ Государей, до тѣхъ поръ, какъ ихъ родъ пресѣкся. А потомъ, мѣлкіе владѣтели выбрали сами себѣ главнаго и, боясь быть въ покореніи, уменьшили столько его власть, сколько желали свою умножить. Таково было начало пространства Имперскихъ областей и ихъ наслѣдства.

Счастливыя предпріятія *Отона Великаго* въ *Италіи* произвели новую перемѣну. Отъ присоединенія *Италіи* къ Имперіи вышло новое общенародное право, которое Писатели называютъ *Римо-Германское*. Папы, подъ видомъ союза, вмѣшались послѣ въ расправу дѣлъ *Германскихъ*, особливо когда узнали власть свою

надЪ Императорами, кои безЪ нихЪ не могли дѣйствовать вЪ *Италіи.* Папа *Григорій VII* и по немЪ бывшіе, возстая безпрестанно противу *Гогенштофенскаго* дома и, истреба напослѣдокЪ его корень, не мало споспѣшествовали кЪ распространенію власти и силы ИмперскихЪ областей. А по мѣрѣ усердія, сЪ которымЪ Папскія области поборствовали по своемЪ духовномЪ начальникѣ, другія, неподсудныя ему, усиливались, дая помощь гонимому Императору.

ПотомЪ, долгое междоцарствіе привело еще болѣе вЪ упадокЪ власть Императорскую. Папы, чтобЪ возвести на престолЪ своихЪ поборниковЪ, всѣяли вражду между Курфирстами и Принцами, кою они разжигали столь попечительно, что *Германія* содѣлалась, напослѣдокЪ, АнархическихЪ правленіемЪ. Тогда Принцы, сильные вельможи и города старались всячески разпространить власть свою, и искатели Императорской короны раздирали Имперію, каждый утверждая вЪ томЪ свои права.

Избраніе *Рудольфа Габбургскаго* пресѣкло только на время ихЪ движенія; но источникЪ споровЪ прекращенЪ не былЪ, то есть: не было узаконенія, которое бы

утверждало права владѣтелей. Напослѣдокъ *Карлъ IV* выдалъ часть закона, называемаго *Золотая Булла* (книга или грамата). Доброе, однако недостаточное его узаконеніе, не могло вдругъ примирить несогласій между *Германскими* владѣтелями; злоупотребленія, введенныя во время долгаго междоцарствія, и тогда еще продолжались съ ихъ обыкновенными послѣдствіями. *Германія* не имѣла вышняго суда, въ которомъ бы владѣтели могли утверждать свои права; почему они принуждены были утверждать ихъ единымъ насиліемъ. Право Сильнаго рѣшило споры, что продолжалось до царствовавованія *Максимиліана I*, который обнародовалъ *Общій Вѣчный Миръ*, подтвержденный много разъ послѣ.

Какъ онъ намѣренъ былъ прекратить права сильныхъ и безпрестанныя войны между Имперскими областями, давъ имъ способъ искать въ обидахъ правосудія; то для сего учрежденъ Имперскій судъ, и *Германія* раздѣлена на шесть округъ. Посредствомъ таковаго узаконенія спокойство *Германіи* было дѣйствительно установлено; но распри за Вѣру вновь тишину возмутили. Неминуемо раздѣленіе областей послѣдовало за распрями, и уни-

ничтоженіе прежнихъ уставовъ послѣдовало за раздѣленіемъ.

Карлъ V чаялъ возстановить миръ *Пассавскимъ* трактатомъ, прекратя несогласія разныхъ Вѣръ; но двѣ противныхъ стороны, ища новыхъ корыстей и не имѣя оправдательныхъ причинъ къ ссорамъ, находили всегда въ притворномъ благочестіи долгъ возставать другъ на друга. Наконецъ, они успокоены были *Вестфальскимъ* трактатомъ, который, стѣсняя власть Императорскую, разпространилъ и утвердилъ могущество Имперскихъ областей. Сей достославный актъ нуженъ былъ для точнаго изъясненія права каждаго и для твердости общихъ узаконеній, на коихъ владѣнія стали быть основаны.

Въ *Германіи* есть права общенародныя; и другія права особенныя для каждой области.

Общенародныя установленія имѣютъ два существа: тѣ, кои принадлежатъ къ образу правленія, не могутъ премѣняться безъ нарушенія онаго; почему называются сони *Твердыми Законами*; другія же содержатъ народныя пользы и выгоды, не касаясь до образа правленія; они могутъ быть перемѣнены безъ наималѣйшаго въ

ономъ повреждения. Въ общенародныхъ законахъ находятся также нѣкоторые политическіе и духовные уставы Имперскіе. Сіи двѣ части одна отъ другой не раздѣляются, и равно уважаются въ общенародномъ *Германскомъ* правѣ.

Главные же законы суть: *Отпускные Приговоры Имперскіе*, выдаваемые на Сеймахъ; *Общій миръ Свѣтскій; Общій миръ Церковный; Вестфальскій трактатъ*, и прочіе, кои преслѣдовали *Ахенскому миру; Императорская Капитуляція* и законы Церковные. Опредѣленія Имперской Палаты и Надворнаго Суда изключаются изъ общенароднаго права: ибо оба сіи Правительства касаются только до распорядковъ, имъ собственно предписанныхъ.

Золотая Грамата, или *Грамата съ золотою печатью*, есть общенародное право Имперское, содержащее въ себѣ Императорское избраніе, коронованіе, полное присудствіе Двора Императорскаго, права Курфирстовъ и нѣкоторыя другія принадлежности къ Имперіи. Оная состоитъ въ тридцати главахъ. Двадцать три первыхъ были обнародованы въ *Нирембергѣ* 10 Генваря 1356 года; оставшія же семь въ *Мецѣ* 25 Декабря того же года

но всѣ приняты и утверждены общимъ согласіемъ Имперскихъ Штатовъ, разумѣя подъ Штатами чины, представляющіе области. Твердость ихъ наипаче тѣмъ ненарушимо сохраняется, что опи основаны на взаимныхъ условіяхъ безъ самовластнаго права. Послѣдовавшія установленія имѣли то же основаніе.

До сего узаконенія, разумѣемаго подъ *Золотою Граматою*, никто не имѣлъ точнаго права. Всѣ мѣлкіе владѣтели хотѣли быть Императорами и Курфирсты спорили безпрестанно о старшинствѣ одни предъ другими.

Узаконеніе сіе, по содержанію правъ, можно раздѣлить на двѣ части. Первая надлежитъ до Курфирстовъ. Сія опредѣляетъ седьмичное ихъ число, предписываетъ ихъ степени и ихъ должности; какъ при избраніи и коронованіи Императора, такъ и при прочихъ публичныхъ обрядахъ; утверждаетъ право старшаго въ наслѣдствѣ, и установляетъ напослѣдокъ разныя права и преимущества особо нѣкоторыхъ Курфирстовъ. Вторая часть надлежитъ вообще до Имперіи: въ ней, поколику тогда не возможно было прекратить всѣ ссоры, предписаны нѣкоторыя правила въ войнѣ, какъ напримѣръ: повѣстить

своему непріятелю за три дни предъ нападеніемъ на его землю.

Нѣкоторыя изъ сихъ узаконеній, какъ скоро не находилось въ нихъ нужды, были уничтожены: то есть повѣстка своимъ непріятелямъ, и прочее. Нѣкоторыя же и совсѣмъ не были въ дѣйствіи, какъ напримѣръ: Графъ *Пфальцской* не употреблялъ никогда своего права судить, по силѣ *Золотой Граматы,* Императоровъ въ ихъ преступленіяхъ. Сею же граматою дозволено Императору жаловать, кого онъ заблато разсудитъ, на порожня мѣста въ Курфирсты. Однако, по состоявшейся послѣ *Императорской Капитуляціи,* онъ права сего употреблять не можетъ безъ общаго согласія Курфирстовъ. Равнымъ образомъ предписанное право коронованія Императоровъ, произведшее послѣ споръ между *Маинцскимъ* и *Кельнскимъ* Курфирстами, утверждено понынѣ на полюбовномъ ихъ договорѣ. *Отпускные Приговоры Имперскіе,* о которыхъ упомянуто выше, суть разнаго рода. Главные изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ: члены Имперскіе собираются на Сеймы, подъ предводительствомъ своего начальника, для разсужденія о Государственныхъ дѣлахъ. При окончаніи же Сейма, всѣ ихъ приго-

воры сообщаются вмѣстѣ и публикуются въ самое время отпуска членовъ; почему они и называются Отпускные (*Reichs-Abschiede*. Отъ времени царствованія Максимиліана I сіи приговоры сочиняются на Нѣмецкомъ языкѣ, который нынѣ и во всѣхъ общенародныхъ дѣлахъ употребляется, выключая дѣла съ чужими Державами. Приговоры Имперскіе раздѣляются на общіе и особенные. Первые называются приговоры Отпускные (*Reichs-Abschiede*), о которыхъ говорено выше; другіе же раздѣляются еще на Депутатскіе (*Reichs-Deputations Abschiede*), Окружные (*Krays-Abschiede*), и Провинціальные (*Lantags-Abschiede*). Первые изъ сихъ составляются въ Собраніи Имперскихъ Депутатовъ, и пріемлютъ силу Законовъ, когда Императоръ и Штаты препоручатъ Депутатамъ разсмотрѣть и рѣшить какое дѣло. Вторые касаются только до дѣлъ округи, въ которой они составляются. Третьи утверждаются согласіемъ Владѣтеля и Провинціальныхъ Штатовъ его земли; но сія надлежатъ только до особеннаго состоянія Провинціи, и ей одной предписываютъ уставы общественнаго права. Имперскіе приговоры, называемые Сепаратные или Тайные (*Neben-Abschiede*), различеству-

ютъ отъ приговоровъ, названныхъ Всеобщихъ (*Haupt Reichs-Abschiede*) только въ томъ, что ихъ хранятъ въ Имперскихъ Архивахъ до тѣхъ поръ, какъ возможно будетъ обнародовать, не вредя общественнымъ пользамъ и видамъ Имперіи. Приговоры Имперскіе рѣдко содержатъ однѣ только общенародныя дѣла, но часто мѣшаются съ дѣлами гражданскими; нѣкоторые же содержатъ однѣ только послѣднія.

Надлежитъ описать теперь произхожденіе *Свѣтскаго Мира* и другаго *Мира Церковнаго*, которые также почитаются въ числѣ законовъ, какъ выше упомянуто.

Когда не было ни законовъ написанныхъ, ни суда, въ древней *Германіи*, народъ слѣдовалъ одному только обычаю. Жестокость нравовъ не находила другихъ средствъ къ пресѣченію споровъ, какъ надлежало убить своего непріятеля, или выгнать изъ его владѣній, что называлось: *Право Сильнаго* (*Jaust-und Kolben Recht*). Сей варварскій обычай, общій всѣмъ начинающимся народамъ, въ первыхъ вѣкахъ Имперіи до того простирался, что *Карлъ Великій* и его преемники всѣми ихъ капитулярными установленіями не могли отвратить междоусобныхъ браней, произхо-

дившихъ отъ властолюбія владѣтелей; и наглость ихъ, по общему примѣру, дѣлалась тогда позволенною. Всѣ старанія разныхъ Императоровъ въ XII вѣкѣ не могли пресѣчь онаго злоупотребленія. Надлежало по необходимости дать волю усилившимся наглымъ воителямъ; но предписаны имъ только нѣкоторыя правила, то есть: грабить и разорять непріятеля, увѣдомивъ его о томъ прежде за нѣсколько времени. Сами Папы, вмѣсто образа кротости и воздержанія, подавали примѣры насильства и наглости частыми своими предпріятіями въ *Германіи*. Императоры *Сигизмундъ*, *Албертъ II* и *Фридерикъ III*, отчасу болѣе удостовѣряясь, сколь нужно было для всѣхъ пресѣченіе сихъ безпорядковъ, старались совокупно возставить тишину общую; области, также утомленныя въ безпрестанной войнѣ, и всегда трепещущія отъ болѣе сильнаго или болѣе щастливаго непріятеля, напослѣдокъ обще помышляли о возстановленіи тишины въ *Германіи*, и при усиліи *Максимиліана I* обнародовать торжественно *Общій вѣчный миръ* (1495). Сей *миръ* содержитъ двѣ части: первая запрещаетъ объявленія войны, и предписываетъ преступникамъ строгія опасенія и

самое изгнаніе, то есть: политическую смерть, извѣстную подъ названіемъ *Имперскій банъ*. Вторая часть заключаетъ учрежденіе и должность Имперской Палаты, или, какъ иные называютъ, Верховнаго Цесарскаго Суда. Главный видъ сего учрежденія былъ, чтобъ отнять у Имперскихъ областей всѣ поводы къ самовластной упракѣ, принудивъ ихъ представлять свои иски и требованія въ помянутой Палатѣ, и тамъ судиться по законамъ Имперскимъ. Но толь благоразсудное и необходимое узаконеніе не было всегда исполняемо. Нарушеніе онаго продолжалось еще и при *Карлѣ V*, что принудило сего Императора многократно возобновлять помянутое мирное узаконеніе, Наиболѣе же оное извѣстно въ 1548 году: ибо сей послѣдній *Общій миръ*, утвержденный *Вестфальскимъ* трактатомъ и Императорскою капитуляціею, обыкновенно употребляютъ въ основаніе, такъ какъ самый ясный и самый полный. Предслѣдствія и причины *Церковнаго мира* суть слѣдующія: *Лютеръ*, монахъ *Августинскаго* ордена, щастливыми успѣхами новыхъ догматовъ привлекъ въ свою вѣру нѣкоторыхъ владѣтелей и нѣсколько городовъ *Германскихъ*. Папа объявилъ

его еретикомъ и исключилъ изъ стада правовѣрныхъ. *Бормской* Сеймъ (1521) объявилъ *Лютера* и послѣдователей его изгнанными, и запретилъ читать его книги. Нововѣрцы однако спорили противу сего объявленія, вѣдая, что нужда въ деньгахъ на сопротивленіе *Туркамъ* принуждала *Карла V* быть менѣе ревностнымъ въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ *Спейерскій* Сеймъ (1526), менѣе строгій, нежели *Вормскій*, запретилъ только не вводить ничего новаго, какъ въ Вѣру Христіянскую, такъ въ обряды и правила церковныя, и опредѣлилъ, чтобъ, во ожиданіи духовнаго Собора, или національнаго собранія, каждый поступалъ по совѣсти, такъ какъ долженъ отвѣчать Богу и Императору. Но другой Сеймъ въ томъ же городѣ (1529), болѣе жестокій нововѣрному ученію, нежели первый, запретилъ впредь всякія новыя вѣроученія до будущаго Собора; запретилъ также Имперскимъ областямъ возпримать *Лютеровы* догматы, противные таинству Евхаристіи, и прочее.

Іоганъ, Курфирстъ *Саксонскій*, *Георгъ*, Маргграфъ *Бранденбургскій*, *Ернстъ* и *Францъ*, Герцоги *Люненбургскіе*, *Филиппъ* Ланд-Графъ *Гессенскій*, и *Вольф-*

гангъ, Принцъ *Ангальтскій*, послѣдовавшіе *Лютерову* ученію, протестовали, то есть, спорили противу помянутыхъ запрещеній; и съ того времени *Лютеране* стали называться *Протестантами.* Они въ *Авгсбургскомъ* Сеймѣ (1530) предложили нѣкоторые пункты ихъ вѣры, извѣстные подъ именемъ *Авгсбургскаго исповѣданія.* Курфирстъ *Саксонскій*, съ своими послѣдователями, также вступилъ въ споръ. Предпріявъ же защищать новую вѣру оружіемъ, не взирая на Императора, всѣ они составили между собою достопамятную конфедерацію въ *Шмалькальденѣ.* *Францъ I*, Король *Французскій*, сдѣлался тогда ихъ союзникомъ, также и Король *Англинскій.* Сіи соединенныя силы и *Солимановы* побѣды, кои приводили въ страхъ *Европу*, принудили *Карла V* поступать благосклоннѣе съ конфедератами. Онъ запретилъ въ *Нирембергскомъ* Сеймѣ (1532) тревожить, кого бы то ни было, за вѣру, до общаго духовнаго Собора. Споры тогда довольно были успокоены, но *Протестанты* возставили вновь *Шмальгальденскую* Конфедерацію совокупно съ *Франціею* и *Англіею*; а таковый союзъ и сообщество возтревожили Императора, который употребилъ всѣ силы разрушить

ихъ соединеніе. Противники его: *Фридерикъ*, Курфирстъ *Саксонскій* и *Филиппъ*, Ландъ-Графъ *Гессенскій*, объявлены были непріятелями Имперіи. Сіе было началомъ *Шмалькальденской* войны, которая неперемѣнила *Германію* и содѣлала нещастье конфедератовъ. *Карлъ V* взялъ *Филиппа Гессенскаго* плѣнникомъ; а Курфирстъ *Саксонскій*, Имперскимъ изгнаніемъ, отрѣшенъ отъ своего владѣнія, которое отдано было родственнику его *Морису*. *Морисъ* однако оставилъ *Карла V*, подъ тѣмъ видомъ, что *Филиппъ Гессенскій* былъ удержанъ въ плѣну противу обѣщанія Императорова. Онъ, благопріятствуя *Протестантамъ*, содѣлался союзникомъ *Генриха II*, Короля *Французскаго*. *Карлъ V*, находясь противу его безсиленъ, напослѣдокъ принужденъ былъ уступить; и *Фердинандъ I*, братъ его, заключилъ съ *Морисомъ* въ *Пассау* трактатъ (1552). Симъ трактатомъ Императоръ обѣщаетъ чрезъ шесть мѣсяцевъ времени собрать Сеймъ, въ которомъ приисканы будутъ средства къ соглашенію разновѣрія, духовнымъ Соборомъ или сословіемъ, или общимъ Имперскимъ собраніемъ. Во ожиданіи же онаго предписано, чтобъ никакая область и никакимъ обра-

зомъ не была обезпокоена по причинѣ вѣры; и что какъ *Католики*, такъ и *Христіяне Авгсбургскаго исповѣданія*, оставались въ безопасности, каждый при своей вѣрѣ и при своихъ богослуженіяхъ, имѣніяхъ и нравахъ.

Обѣщанное *Карломъ V* чрезъ шесть мѣсяцевъ общее собраніе, состоялось, однако не прежде, какъ чрезъ три года, то есть въ 1555 году; и тогда послѣдовалъ *Церковный миръ*, о которомъ выше предложено было.

Сей миръ, обнародованный съ согласія всѣхъ областей, позволяетъ Курфирстамъ, Принцамъ и Императорскимъ чинамъ *Авгсбургскаго исповѣданія*, включая непосредственно-тутъ же дворянство, вольное отправленіе богослуженія по своей вѣрѣ, и прочее. Но не послѣдующіе ни *Католической* вѣрѣ, ни *Авгсбургскому исповѣданію*, исключены изъ *Церковнаго мира*. По силѣ онаго же *мира*, завоеванныя церковныя владѣнія имѣютъ принадлежать областямъ, кои ихъ завоевали, исключая естьли прежніе ихъ владѣтели пріобрѣли ихъ обратно, во время или послѣ *Пассавскаго* трактата. Запрещаетъ областямъ подговаривать въ свою вѣру подданныхъ другъ отъ друга, и тѣмъ ихъ къ

себѣ переманивать; но позволяется перемѣнять вѣру самоохотнѣ противу воли владѣтелей, продавать свои имѣнія и переходить въ другую область. Напослѣдокъ предписано, что естьли *Католическій* Архіепископъ, Епископъ, Священноначальникъ, или какой другой церковной стяжатель, возжелаетъ принять *Авгсбургское исповѣданіе*, то да отчуждится отъ своего стяжанія и отъ прибытка, отъ него получаемаго; и наименованіе подчиненныхъ ему стяжателей да будетъ принадлежать старшему по немъ духовному чиновнику. Но хотя сіе положеніе, извѣстное подъ именемъ *Екклезіастическаго* предохраненія или удержанія церковныхъ стяжаній, было утверждено *Фердинандомъ*, и уполномоченные отъ областей подписали его безъ прекословія: однако *Авгсбургскіе исповѣдатели* не были тѣмъ довольны и, напослѣдокъ, чрезъ *Вестфальскій* трактатъ, получили равное право съ *Католиками*, въ разсужденіи своихъ церковныхъ стяжателей, когда они захотятъ перемѣнить вѣру.

А дабы сей *трактатъ* и *общій миръ* не были нарушаемы, то къ *трактату* прибавлено исполнительное предписаніе, содержащее средства для соблюде-

нія въ цѣлости перваго и другаго: въ каждой округѣ назначено быть Полковнику, который бы производилъ въ дѣйство Имперское изгнаніе, полагаемое преступникамъ, естьли таковые будутъ въ его округѣ; а въ случаѣ нужды, чтобы и другіе Полковники сосѣднихъ округъ ему помогали въ исполненіи.

Слѣдуя порядку, должно теперь дать знать о *Вестфальскомъ* трактатѣ.

Въ 1583 году *Гебгардъ*, Архіепископъ *Кельнскій*, принялъ *Лютеранскую* вѣру и, женясь на Графинѣ *Мансфельдской*, хотѣлъ сохранить свое Архіепископство. *Католицкое* духовенство и Римскій Дворъ воспротивились его предпріятію; *Гебгардъ* принужденъ былъ уступить, хотя былъ подкрѣпляемъ *Протестантами*. Сія неудача произвела совершенное двухъ вѣръ раздѣленіе. *Протестанты* сдѣлали между собою достопамятный союзъ; *Католики* соединились имъ въ сопротивленіе. Средства, употребленныя прежде Императоромъ *Рудольфомъ II* для прекращенія мятежей, содѣлались паче ихъ источникомъ. Хотя дозволилъ онъ *Протестантамъ* свободное богослуженіе по ихъ вѣрѣ; но *Богемское* духовенство, не взирая на дозволеніе,

разорило множество церквей *Протестантскихъ*. Впослѣди *Богемцы* свергли съ престола *Фердинанда II* и возвели на его мѣсто *Фридерика V*, Курфирста *Пфальцскаго*. Сіе было причиною тридцатилѣтней войны между отрѣшеннымъ и новоизбраннымъ Императорами. *Фердинандъ II*, побѣдивъ *Фридерика*, поступилъ съ нимъ, какъ съ непріятелемъ Имперіи, и осудилъ его къ изгнанію, безъ совѣта Имперскихъ областей, въ противность содержанію Императорской капитуляціи; а возмѣрившись своими побѣдами, чаялъ единымъ разомъ разрушить *Протестантскую* сторону. Онъ выдалъ указъ (1629), по силѣ котораго *Протестанты* долженствовали лишиться всѣхъ церковныхъ владѣній, кои они стяжали отъ 1555 года. Сей указъ могъ бы имѣть свою силу, естьли бы *Фердинандъ* выдалъ его съ согласія Штатовъ. Но самовластный въ томъ его поступокъ раздражилъ людей; ибо онъ ясно означалъ его усиліе къ содѣланію себя единодержавнымъ.

Въ помощь къ *Протестантамъ* присовокупился *Густавъ Адольфъ*, Король *Шведскій*, и къ сторонѣ своей привлекъ *Францію*. Соединенныя области *Католическія*, хотя употребили всѣ силы на

сопротивленіе *Шведамъ* и Курфирсту *Саксонскому*, но были разбиты въ *Лейбцигскомъ* сраженіи (1631). *Густавъ* убитъ подъ *Луценомъ*; но *Католики* не поправили тѣмъ своего состоянія. *Протестанты Швабской, Франконской, Вышняго* и *Нижняго Рейна* округъ, собравшись въ *Гайльбрунѣ* (1633), согласились продолжать войну, подъ защищеніемъ *Шведовъ*, пока не возстановится совершенное спокойствіе и свободное вѣры исповѣданіе. *Оксенштирнъ* возобновилъ союзъ между *Франціею* и *Швеціею*, и положенія *Гайльбрунскаго* Конгресса утверждены всѣми *Протестантскими* Штатами. Но сраженіе подъ *Нердлингеномъ* остановило ихъ предпріятія; и Курфирстъ *Саксонскій*, послѣ сей неудачи, заключилъ выгодный миръ съ *Фердинандомъ II* въ *Прагѣ*. *Протестантскіе* владѣтели одинъ за другимъ вступили въ тотъ же миръ, и оставили *Французовъ* и *Шведовъ*. Одинъ только Ланд-Графъ *Гессен-Кассельскій* остался имъ вѣренъ. По смерти *Фердинанда II*, сынъ его *Фердинандъ III*, не имѣвъ щастія своего отца, принужденъ былъ стараться прилѣжно о мирѣ. Предусловія онаго состоялись въ *Гамбургѣ* въ 1641; Конферен-

ціи открылись въ 1644, и миръ обьявленъ въ 1648 году. Сей миръ составленъ изъ двухъ трактатовъ, заключенныхъ съ *Франціею* въ *Минстерѣ* и съ *Швеціею* въ *Оснабрикѣ*; но *Оснабрикскій* трактатъ почитается важнѣйшимъ для общенароднаго *Права Германскаго*. Онъ раздѣляется на двѣ части. Первая касается до вѣры, и главныя въ ней предписанія суть слѣдующія: въ *Германіи* пріемлются только три вѣры: *Католическая*, *Лютеранская* и *Реформатская*; прочія [illegible] отвергаются. А послѣ *Церковнымъ миромъ* отвержена также и *Реформатская*. Удержаніе церковныхъ стяжаній, въ случаѣ премѣненія вѣры, предписывается *Католикамъ* съ *Протестантами* взаимно. *Авгсбургскіе исповѣдатели* освобождаются отъ общеначальнаго суда и отъ духовнаго его правленія; но каждая область въ своей землѣ можетъ судить по своимъ уставамъ. Церковныя стяжанія возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, утверждая ихъ во владѣніяхъ отъ 1 Генваря 1624 года, не требуя никакихъ другихъ на то видовъ, хотя бы послѣ помянутаго назначеннаго дня кто-и не владѣлъ оными. Равнымъ образомъ право пожалованія, наименованія и избранія, воз-

вращается всѣмъ, кои оное съ того дня имѣли. Что надлежитъ до вѣры, позволяется областямъ воспримать изъ трехъ помянутыхъ ту, которую они выберутъ; и подданные, въ подчиненіи нижнихъ властей, могутъ свободно исповѣдывать вѣру, которую они содержали въ 1624 году, хотя въ нѣкоторую только часть сего года. Естьли же владѣлецъ не похочетъ терпѣть ихъ вѣры, то они имѣютъ право переселенія съ нѣкоторымъ себя выкупомъ.

Въ *Пфальцской* же области, исключительно отъ другихъ, каждый вступаетъ въ свои прежнія права, вмѣсто 1624 отъ 1618 года, то есть отъ начала *Богемскихъ* смятеній. Вторая часть трактата содержитъ политическое состояніе *Германіи*. Она имѣетъ три предлога: первый касается до обѣщаннаго удовольствованія Королю *Шведскому*; второй до споровъ между Императоромъ и областями; третій содержитъ распоряженіе взаимныхъ между областями притязаній.

Минстерской трактатъ утверждаетъ положенія *Оснабрикскаго*, такъ какъ бы сіи тамъ отъ слова до слова включены были. Имперія уступаетъ *Французскому* Королю свои и *Австрійскаго* Дома

права на *Альзацію* и Префектуру, то есть, первоначальство десяти Имперскихъ городовъ, и въ полное самодержавное владѣніе три Епископства: *Мецское*, *Тульское* и *Вердюнское*. Въ немъ также предписаны владѣнія округа *Бургундскаго*, Герцогства *Лотарингскаго*, и слѣдуемыя къ возвращенію *Пфальцскому*, *Виртембергскому* и *Баденскому* Дому.

А чтобъ трактатъ сей имѣлъ дѣйствительное исполненіе, *Фердинандъ III* выдалъ въ томъ же году исполнительный указъ; и всѣ области подписали въ *Ниренбергѣ* (1649 и 1650) два исполнительные приговора, со означеніемъ владѣній, кои законнымъ ихъ владѣльцамъ возвратить слѣдовало. Всѣ сіи акты утверждены были послѣднимъ Имперскимъ отпускнымъ приговоромъ; всѣ же спорныя и уничтожительныя объявленія, публикованныя отъ Папы вопреки *Вестфальскому* трактату и актамъ, состоявшимся послѣ онаго, не могли произвесть, чтобъ сей трактатъ и донынѣ не былъ почитаемъ кореннымъ закономъ Имперіи и основаніемъ всѣхъ сослѣдовавшихъ ему трактатовъ.

Императорская капитуляція (kayserlich - Wahl - Capitulation), включаемая

также, какъ выше сказано, въ число Имперскихъ законовъ, состоитъ въ нѣкоторыхъ договорныхъ пунктахъ между Императоромъ и Курфирстами. Императоръ клянется управлять по тому Имперiею, непосредственно послѣ избранiя и прежде коронованiя. Короли *Римскiе*, избираемые при жизни Императора, долженствуютъ давать таковое же клятвенное обѣщанiе тотчасъ послѣ своего избранiя.

Первая *капитуляцiя*, которой форма и нынѣ соблюдается, есть предписанная отъ Курфирстовъ *Карлу V*, коего младость, властолюбiе и весьма распространенное могущество наводили опасность *Германской* вольности. Съ того времени Императорская власть всегда была ограничена *капитуляцiею*; первая же *Карла V* учинилась основанiемъ всѣмъ послѣдующимъ. Право предписывать *капитуляцiю* Курфирсты себѣ единственно присвоили, съ исключенiемъ другихъ чиновъ, такъ какъ право, слѣдующее за правомъ избранiя; но они не могутъ вмѣщать въ оную ничего Имперскимъ законамъ противнаго.

Прочiе чины, бывъ не довольны отрѣшенiемъ ихъ отъ сего права, которое Курфирсты иногда во вредъ употребляли, требовали, чтобъ и они также прiобщены

были къ составленію *капитуляціи* Императора *Матіаса*, представляя, что она, такъ какъ законъ Имперскій, не можетъ имѣть надлежащей важности безъ ихъ въ томъ содѣйствія. Но Курфирсты, вмѣсто требуемаго ихъ пріобщенія, склонились только прибавить въ *капитуляцію* слѣдующія слова: *за себя и за всѣхъ Принцевъ и чиновъ Священной Римской Имперіи.* Съ того времени сіи формальныя слова включались во всѣ *капитуляціи.*

Споръ о томъ возобновленъ былъ сильнѣе отъ *Протестантскихъ* Штатовъ, при *Вестфальскомъ* трактатѣ. Они требовали, чтобъ всѣ Штаты согласились утвердить вѣчную *капитуляцію*; но размотрѣніе о томъ отложено до будущаго Сейма. Между тѣмъ Курфирсты, по обыкновенію, предписали *капитуляцію Фердинанду IV*, противъ которой Штаты паки спорили и предложили свои примѣчанія. Но отпускный приговоръ въ *Регенсбургѣ* (1654) отложилъ въ другой разъ утвержденіе вѣчной *капитуляціи* до будущаго Сейма, собраннаго въ 1663 году, въ которомъ Штаты, по многихъ спорахъ, испросили, чтобъ о томъ предлагаемо было въ одно время, попеременно, съ требованіемъ сюбсидій противу *Турковъ*. Кур-

фирстъ *Маинцскій* предложилъ, напослѣдокъ, и форму *капитуляцій* (1664); но разумы были тогда въ такомъ раздѣленіи, что не могли согласиться принять оную. Курфирсты *Кельнскій* и *Баварскій* предложили также (1667) начертаніе нѣкотораго союза, названнаго *Конкорданція*, который равно не былъ принятъ, для того, что они въ немъ предписали Курфирстамъ отличное право пополнять *капитуляцію*. Штаты не хотѣли, чтобъ сіе право имъ приписано было, кромѣ какъ на случай совершенной въ томъ нужды; но и тогда хотѣли, чтобы прибавленные пункты были послѣ утверждены Сеймомъ. Во ожиданіи же совершеннаго о томъ положенія, Курфирсты и Принцы согласились (1671) о многихъ пунктахъ, кои надлежало включить въ вѣчную *капитуляцію*. Штаты возобновили свои требованія въ 1707 году, послѣ какъ Императоръ *Іосифъ*, безъ приглашенія ихъ и по своей единой волѣ, осудилъ *Кельнскаго* и *Баварскаго* Курфирстовъ къ Имперскому изгнанію. По смерти *Іосифа*, Курфирсты и Принцы утвердили было нѣсколько пунктовъ для *капитуляціи Карла VI*; но какъ Имперскіе города не имѣли въ томъ участія, то они предложили свои особен-

ныя примѣчанія. Пункты Курфирстовъ же согласны были ни съ пунктами Принцевъ, ни съ примѣчаніями городовъ; почему Курфирсты, боясь дать поводъ къ новымъ спорамъ, содержали *капитуляцію* втайнѣ, до тѣхъ поръ, какъ *Карлъ VI* учинилъ по ней клятвенное обѣщаніе. Штаты вновь взволновались противъ сего подлога, и Императоръ, для укрощенія ихъ, обѣщалъ споспѣшествовать установленію вѣчной *капитуляціи*; но оная и понынѣ еще не установлена, и Штаты также безплодно продолжали спорить противу пунктовъ, включенныхъ равно безъ ихъ участія, въ послѣдовавшихъ *капитуляціяхъ Карла VII* и *Франца I*.

Для изъясненія церковныхъ общенародныхъ законовъ *Германскихъ*, должно начать отъ самаго ихъ основанія. Императоры, такъ какъ держащіе верховную свѣтскую власть, всегда мѣшались въ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ церковныхъ, поколику сіи имѣли всегда сношеніе съ политическимъ положеніемъ Имперіи. Сіе правило, всегда препинаемое Папами и всегда поддерживаемое Императорами, производило четыре мятежа и бѣдственныя народовъ раздѣленія, кои, напослѣдокъ, окончаваемы были договорами. Я предложу

здѣсь изъ многихъ договоровъ одинъ наиболѣе примѣчательный, заключенный между Папою *Каликстомъ II* и Императоромъ *Генрихомъ V* въ 1122 году. Первые Императоры *Германскіе* пользовались свободно всѣми правами самодержавія и учреждали, какъ начальные владыки, все, что ни касалось до вѣры. Между прочими правами они имѣли также право жаловать Епископства, конфирмовать, то есть, утверждать духовныхъ владыкъ, Епископовъ и самихъ Папъ. Но они недолго пользовались симъ правомъ: ибо Папы, завидуя власти Императоровъ, не только совершенную отъ нихъ независимость себѣ присвоили, но скоро, потомъ, возхотѣли имѣть и нѣкоторое начальство надъ всѣми *Христіянскими* Самодержателями. Политикою ихъ употреблены были иногда хитрости, иногда угрозы и даже союзы съ Государями, непріятельствующими Императору, чтобъ тѣмъ уменьшить его властительство. Право наименованія Церковныхъ владѣтелей въ первый разъ оспорено было во время *Генриха IV* отъ Папы *Григорія VII*, который утверждался въ томъ на каноническихъ правилахъ. Послѣдователи его: *Викторъ III*, *Урбанъ V* и *Пасхалъ II* твердо насто-

яли въ предпріятіяхъ *Григорія VII.* Напослѣдокъ *Каликстъ II*, о которомъ выше упомянуто, принудилъ Императора *Генриха V* отрещись совершенно отъ права жаловать Епископовъ и прочаго. Такимъ образомъ сей Государь уступилъ навсегда Папамъ одно изъ главныхъ правъ, которымъ его предмѣстники пользовались. *Каликстъ II* оставилъ Императору власть жаловать однѣ только скипетру подверженныя права.

Мятежи, произведенные въ *Германіи* въ концѣ четвертаго-надесять и въ началѣ пятаго-надесять вѣка, частію отъ великаго разновѣрія и частію отъ появившихся новотолковъ, прекращены были Соборомъ въ *Констанцѣ*, который начался въ 1414 мъ, а кончился въ 1418 году. На семъ Соборѣ, созванномъ Императоромъ *Сигизмундомъ*, между прочимъ предложены были жалобы *Германской* націи. Папа *Мартинъ V* надѣялся ихъ пресѣчь подписаніемъ въ 1417 нѣкотораго договора подъ названіемъ *Конкордата*, съ сею націею обнародованнаго въ 1418 году: но никто не былъ доволенъ произшествіемъ Собора, каждый жаловался, что главныя неудобства, возмущающія благосостояніе церкви, исправлены не были; и сіе подало поводъ

къ разнымъ другимъ провинціальнымъ Соборамъ, кои всѣ, бывъ безполезны, произвели напослѣдокъ *Вселенскій Соборъ* въ *Базилеѣ*, или какъ иные называютъ, въ *Базелѣ*, начатый при Папѣ *Евгеніѣ IV* въ 1431 и оконченный при Папѣ *Николаѣ V*, при которомъ вскорѣ возобновились *Германскія* жалобы и вскорѣ кончаны были *Конкордатами* Папы съ Императоромъ *Фридерикомъ III* въ 1448 году.

Содержаніе сихъ достопамятныхъ *Конкордатовъ* заключается въ четырехъ пунктахъ: 1). Папа имѣетъ право давать отъ Двора *Римскаго* Епископства, священновладычества и всѣ знатныя духовныя стяжанія праздныя. 2) Церковные чины имѣютъ право избранія, но съ тѣмъ, что избранные должны быть конфирмованы Папою. 3) Череда мѣсяцевъ между Папою и Церковными чинами, въ разсужденіи каноникатствъ и нижнихъ чинопроизведеній, полагается такъ, чтобы непарные мѣсяцы принадлежали Папѣ. 4) *Анаты*, то есть годовые доходы Папскіе, съ каждаго церковнаго стяжанія, утверждены одинакою навсегда данью, по установленному окладу въ Апостолической казенной Палатѣ, и стяжанія имѣютъ платить

сію дань единожды только въ годъ, хотя бы онѣ много разъ въ году праздны были.

Извѣстно, что сіи *Конкордаты* не были утверждены согласно всѣми *Германскими* Штатами, и что самъ *Римскій* Дворъ иногда преступалъ оныя; а то было причиною многихъ жалобъ, кои утишены тѣмъ, что препоручено было *Карлу V* употребить всѣ мѣры, дабы *Конкордаты* соблюдались въ ненарушимости.

Недостатокъ общаго Штатами утвержденія и *Римскаго* Двора непостоянство произвели сомнительный вопросъ, что Имперскія области, отъ коихъ не было отобрано на то согласій, обязаны ли слѣдовать положеніямъ *Конкордатовъ?* Чтобъ дать на сіе ясный и точный отвѣтъ, должно вначалѣ различить *Протестантскія* области отъ *Католическихъ*: а поколику первыя объявлены были *Церковныхъ миромъ* и *Вестфальскимъ* трактатомъ свободными отъ всякой церковной подсудности; то *Протестанты* не имѣютъ въ своемъ правѣ сомнѣнія.

Что надлежитъ до *Католиковъ*, то они всѣ должны нынѣ слѣдовать *Конкордатамъ*: ибо сіи конфирмованы были общими законами со слѣдовавшими. Нѣкоторые *Католики* однако изключаются

равно изъ ихъ подсудности, то есть тѣ, кои подали отъ себя споръ во время ихъ составленія. По симъ причинамъ церковные чины *Стразбургскіе* и *Бамбергскіе* имъ не подсудны.

Здѣсь прибавлю я нѣкоторое примѣчаніе о *законахъ ненаписанныхъ*, или старыхъ Имперскихъ обыкновеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Имперскихъ обсерванцій.*

Имперская обсерванція есть нѣкоторое ненаписанное право, введенное безгласнымъ одобреніемъ Императора и Имперскихъ Штатовъ. Оное извѣстно въ актахъ и общихъ законахъ подъ разными наименованіями, какъ на примѣръ по Латынѣ: *usus*, *usus bonus*, *consuetudo*, *usitata in Imperio praxis*; по Нѣмецки: *Reichs hercommen*, *Altes hercommen*, *Gute gewohnheit*, кои всѣ значатъ: *обычаи добрыхъ нравовъ*, или примѣрные обычаи. Подобный тому законъ находится и въ другихъ Государствахъ, гдѣ древніе добрые обычаи свято почитаются; и иногда по примѣрнымъ прежнимъ дѣламъ вершить другія позволено.

Хотя многія изъ сихъ обыкновеній въ *Германіи* уничтожены, или перемѣнены въ написанные законы, но еще остались

нѣкоторыя и понынѣ въ строгомъ исполненіи.

Хотя же для уваженіи сихъ Имперскихъ обыкновеній требуется нѣкоторое число примѣрныхъ актовъ, то есть дѣлъ; но поколику дѣла во всѣхъ подробностяхъ рѣдко между собою сходствуютъ: то иногда, смотря по состоянію дѣла, на единомъ только примѣрномъ случаѣ, обыкновеніе пріемлетъ свою силу, то есть: когда существо дѣла довольно ясно и доказательно, дабы Императоръ и Штаты на немъ утвердили свое согласіе.

Средства же для показанія Имперскаго обыкновенія, со стороны предлагающаго, суть слѣдующія: 1) свидѣтели живые и правдивые историки. 2) Публичные акты и дипломы.

Но поколику Имперскія обыкновенія имѣютъ силу закона, такъ какъ всѣ написаные законы; изъ того ясно слѣдуетъ, что право толковать оныя принадлежитъ Императору купно съ Штатами, хотя нѣкоторые законописатели и доказываютъ, что Императоръ одинъ имѣетъ сіе право.

После изъясненія разныхъ *Германскихъ* законовъ, образъ вообще *Германскаго* правленія есть главная вещь, достойная примѣчанія.

Высочайшая власть въ *Германіи* не принадлежитъ одному Императору, но вмѣстѣ съ Имперскими Штатами; почему оныя и называются совладѣющими (coimperantis); но законописатели не согласны въ степени власти, какую имѣютъ Штаты: нѣкоторые несправедливо приписываютъ Императору неограниченную верховность, другіе даютъ Штатамъ не принадлежащее имъ могущество; и отъ того произошли разныя мнѣнія объ образѣ правленія *Германскаго*. *Пуфендорфъ*, почитая его неправильнымъ и совершенно безобразнымъ, былъ конечно обольщенъ тремя образами, какіе *Аристотель* за благо разсудилъ выдумать, то есть: *Монархію*, *Аристократію* и *Демократію*; а потому чаятельно онъ, такъ какъ и многіе другіе писатели, вывелъ послѣдствіе, что всякое правленіе, несходное ни съ которымъ изъ трехъ помянутыхъ, есть несправедливое. Но сія полагаемая неправильность не имѣетъ никаковаго основанія: ибо довольно естьли образъ правленія уставленъ такимъ образомъ, что онъ можетъ самъ собою приводить каждую область къ ея цѣли, и потому онъ есть правильный. *Германія* не имѣетъ недостатка въ законахъ, хранящихъ ея цѣ-

лость и вольность, и предостерегающихъ ея отъ внутреннихъ и внѣшнихъ смятеній, естьли бы только сіи законы точно были исполняемы.

Правда, что *Германія* имѣетъ, такъ какъ и другія смѣшанныя правленія, свои неудобности. Но ея недостатки обыкновенно произтекаютъ менѣе отъ разпоряженія образа, нежели отъ властолюбія и нерачивости главныхъ правителей, или отъ надмѣрнаго разпространенія видовъ властей подчиненныхъ. Разсмотримъ разныя системы, кои раздѣляютъ въ томъ законописателей.

Первая изъ сихъ системъ есть та, которая дѣлаетъ изъ Имперіи *Монархію*, потому что Императоръ выдаетъ всѣ законы отъ своего единаго имени, даетъ Инвеституры, то есть: нѣкоторыя грамоты на владѣнія, судитъ всѣ дѣла, и прочее. Но кто имѣетъ хотя малое познаніе законовъ *Германскихъ*, легко примѣтитъ, что защитники сей системы хотятъ только льстить Императору, подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ словотолкованій, кои не должны рѣшить въ матеріи права народнаго.

Впрочемъ хотя бы Императоръ и одинъ собою пользовался нѣкоторыми правами, этого не довольно къ доказательству *Монархическаго* его правленія: ибо онъ не можетъ ни выдавать законовъ, ни объявлять войну, ни поставлять миръ, ни даже вступать въ союзы съ Державами безъ согласія Штатовъ.

Другіе, зная неправильность сей системы, но стараясь однако разпространить далѣе границъ власть Императорскую, находятъ въ образѣ Имперскаго правленія нѣкоторую *Монархію ограниченную*. Но какія же суть права, которыя принадлежатъ одному только Императору? Права сіи, какъ извѣстно, заключаются въ самомъ маломъ числѣ; большая же часть правъ, и наиболѣе важныхъ, совершенно подвержены согласію Штатовъ.

Мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, что *Германское* правленіе есть *Аристократическое*, еще и того неправильнѣе; ибо хотя Имперскіе Штаты участвуютъ въ правленіи, но ихъ воля безполезна безъ согласія Императора.

Нѣкоторые изъ наиболѣе свѣдущихъ законописателей утверждали, что *Герма-*

нія есть *совокупленіе разныхъ областей, соединенныхъ между собою чрезъ разностепенныя сообщества.* Но Имперскія области сами собою опровергаютъ сію систему, признавая себя членами единаго политическаго корпуса. Впрочемъ области соединенныя, по мнѣнію помянутыхъ законописателей, не имѣли бы ни общихъ законовъ ни общаго начальника, и жили бы въ независимости другъ отъ друга. Напротивъ того *Германскія* владѣнія признаютъ единаго только себѣ начальника, то есть Императора, и онѣ всѣ имѣютъ одни общенародные законы, происходящіе отъ той же власти, отъ которой онѣ зависятъ.

Напослѣдокъ, по наиболѣе принятому мнѣнію, иные полагаютъ, что правленіе *Германіи* есть *смѣшанное*, то есть: *Монархическое*, *Аристократическое* и *Демократическое*; но для справедливости въ наименованіи надлежало бы прибавить еще *Олигархическое*, по преимуществу, какое имѣютъ въ оному Курфирсты.

Оставя же всѣ схоластическія умствованія и различенія, должно почитать образъ *Германскаго* правленія свойствен-

нымъ и приличнымъ *Германіи*, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, произведшихъ сіе правленіе. Любопытство точнаго названія онаго менѣе насъ удовольствуетъ, нежели познаніе самыхъ законовъ, на которыхъ образъ его основанъ; и сіе познаніе откроетъ любопытнымъ вѣрнѣе его точную сущность.

Конецъ.

О
ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ
СТИХОТВОРЕНІИ.

О ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ СТИХОТВОРЕНІИ.

Стихотвореніе нынѣ въ пространныхъ и обогащенныхъ языкахъ содѣлалось болѣе забавою, нежели пользою нашею; но въ древнія времена подъ Стихотвореніемъ разумѣлся образъ нѣкотораго краткаго изреченія нравоучительныхъ истинъ, или въ сохвалу Божества нѣкотораго мѣрнаго сопряженія словъ, къ коимъ иногда присоединяемы были мусикійскіе звуки и плясанія. По сему не безъ приличности у Грековъ Стихотвореніе языкомъ боговъ называлось. Прежде Грековъ у Египтянъ и Евреевъ, хотя оно не имѣло толь пышнаго названія, однако, также употребляемо было, сколько намъ извѣстно, или для Богохваленія, или для преподанія народу легчайшимъ образомъ нужныхъ правилъ; и сіе было началомъ распространеннаго послѣ законоданія. Двѣ пѣсни Израильскаго вождя Св. Пророка Моисея: первая на славное освобожденіе Израиля отъ ига Фараонова (книга Исхода, глава 15); вторая поучительная (книга Второзаконія, глава 32), сочиненныя симъ Пророкомъ за 1500

лѣтъ до Воплощенія; потомъ, спустя 500 лѣтъ, отчасти сочиненные и отчасти собранные Царемъ Давидомъ, Псалмы всегда почитаются прекраснѣйшими Стихотвореніями.

Таковыя пѣсни, или спасительныя народу правила, въ краткихъ и мѣрныхъ стихахъ составленныя, легко впечатлѣвались въ памяти. Тѣмъ держались законы и преданія; утвержденныя въ памяти слова производили твердыя мысли, мысли же производили нравы, а нравы производили дѣянія: хотя впрочемъ тогда слова, мысли, нравы и дѣянія долженствовали быть недостаточны.

Нѣкоторые полагаютъ, что Стихотвореніе изобрѣтено любовниками къ похвалѣ своихъ любовницъ; но кажется, что они тогда смѣшиваютъ древнія времена съ новыми. Нѣжныя чувствія и похвалы не тогда ли произошли, какъ прекрасный полъ познаЛъ область разума и прелестей надъ силою? Стихотвореніе не могло ли существовать въ мірѣ нѣсколько вѣковъ до сего человѣческаго познанія? Оставляя сіи вопросы на рѣшеніе каждому, обращусь къ тому, что намъ извѣстно изъ древнихъ временъ въ Греціи. Первые сочинители, предшественники Гомеровы: Музей за 1400 лѣтъ до Воплощенія, Орфей за 1200 лѣтъ,

писали не инако, какъ стихами. Гезіодъ, современникъ Гомеровъ, писалъ то же стихами. Богословія, законы, нравоучительныя правила, оракулы, всѣ тогда преподавались стихами.

Языкъ боговъ долго, и во времена Евангельскаго просвѣщенія, не терялъ древняго своего достоинства. При установленіи церковныхъ обрядовъ, онъ посвященъ былъ на славословіе истиннаго Бога и Святыхъ, исполнившихъ законъ Его. Все, что разными творцами на Греческомъ языкѣ сочинено для церковнаго пѣнія, основано на стихотворныхъ правилахъ. Въ то время, равно какъ у древнихъ Евреевъ и Грековъ, Стихотворцы не обыкли или и не могли еще всюду употреблять риѳму и правильное стопосложеніе, но въ краткихъ и мѣрныхъ словахъ заключенный смыслъ стихомъ назывался. По сему вездѣ въ поемыхъ церковныхъ твореніяхъ, хотя въ переводахъ оныхъ не видно никакихъ стихотворныхъ правилъ, часть пѣнія, мысль заключающая, стихомъ называется; и по сему, можетъ быть, иные разумѣютъ, что каждый, изъясняющій какую нибудь мысль, необходимо стихъ дѣлаетъ, хотя и называютъ у насъ таковую часть рѣчи, по чужестранному языку, фразисомъ или фразою.

Впрочемъ вѣроятно, что стихи, по малой мѣрѣ въ первоначальномъ ихъ почтенномъ употребленіи, могли значить то же, что мы разумѣемъ подъ раздѣленіями мыслей нашихъ. У насъ издавна осталось въ пословицахъ:

На умъ находитъ всякой стихъ:
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

Языкъ боговъ виденъ также и во многихъ другихъ пословицахъ, каковыя, до введенія писменъ въ Россіи, по видимому, служили вмѣсто писанныхъ. Кто не вѣдаетъ, что народъ и донынѣ поведеніе свое большею частію учреждаетъ по пословицамъ, кои въ краткихъ стихахъ и въ простонародномъ нарѣчіи легко у всѣхъ памятуются? Представимъ здѣсь нѣкоторыя:

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

*

Кто самъ къ себѣ вначалѣ строгъ,
Того хранитъ и Царь и Богъ.

*

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

*

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

*

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

*

Безъ буквъ и безъ Грамматики
Не учатъ Математики.

*

Въ щотѣ безъ правды и въ правдѣ безъ
щоту,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Ѳомѣ, ни Ѳедоту.

*

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

*

Кто мыслей не имѣетъ правыхъ,
Не можетъ дать совѣтовъ здравыхъ.

*

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

*

Не наказывай Ѳому,
За Еремину вину.

*

Кузьма плуталъ, Ефремъ былъ тутъ:
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

*

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

*

Съ глупымъ безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ

*

Съ безумными людьми,
Забудь, что ты съ ушьми.

*

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

*

Будь безъ клятвы людямъ вѣренъ,
И въ божбѣ всегда умѣренъ.

*

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

*

Въ доброе время мужикъ хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

*

Слово, во время и кстати,
Лучше письма и печати.

*

Честной и доброй дворянинъ
Въ дворѣ и въ мірѣ семьянинъ.

*

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

*

Голодъ идетъ къ калачу,
А терпѣнье и боль ко врачу.

*

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя,
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплатишь.

*

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

*

Въ чемъ молодой похваляется,
Въ томъ де подъ старость раскается.

*

Указкою глупаго Ѳомку не выучишь,
Ласкою наглаго гостя не выгонишь.

*

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

*

Бѣдность не грѣхъ,
Да приводитъ въ посмѣхъ.

*

Хорошъ у сосѣда-скатъ пиръ,
Коли гости пируютъ на миръ.

* *
*

Стихотворенiе въ послѣдствiи имѣло общую участь съ самыми полезнѣйшими дѣлами, кои чрезъ злоупотребленiе иногда содѣлывались гнусными. Разумъ, какъ и тѣло, имѣетъ свою роскошь, естьли разумъ не обузданъ разсужденiемъ. Въ послѣднихъ вѣкахъ, съ разпространенiемъ писменъ и размноженiемъ разныхъ книгъ, скоро умножились всякiе писатели. Мнѣ попались въ руки нѣсколько полу-Русскихъ и полу-Польскихъ сочиненiй, кои задолго еще предслѣдовали разцвѣтшимъ подъ Державою блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и подъ покровитель-

ствомъ препочтеннаго любителя и любимца Музъ Ивана Ивановича Шувалова, Россійскимъ словесностямъ. По содержанію сихъ сочиненій, всякъ можетъ видѣть, что писатели тогда, не очистясь еще отъ нравовъ Татаръ, долго угнѣтавшихъ Россію, употребляли стихотворство въ самыя глупыя и непристойныя сочиненія.

Преминемъ извѣстныя въ успѣхахъ человѣческаго разума степени, чрезъ кои Россійское Стихотворство, по мѣрѣ распространенія наукъ въ Имперіи, восходило до состоянія, въ какое приведено было Господиномъ Ломоносовымъ. Языкъ боговъ распространился тогда на различные роды сочиненій, пользу или пріятность заключающихъ. Разумъ разторгъ содержавшія его въ тѣсныхъ предѣлахъ узы. Проницаемый благостію, премудростію и величествомъ Существа Вседержащаго, возносился къ небу, съ новымъ слова достоинствомъ, изліять предъ Нимъ благодарнаго сердца исповѣданіе. Внимающій правиламъ благонравія и добротворенія, представлялъ ихъ спасительнѣйшими и любезнѣйшими человѣчеству. Чувствующій великихъ душъ вообще къ роду смертныхъ или къ отечеству благодѣянія, возвышалъ ихъ славу, возбуждалъ общую къ нимъ признатель-

ность и поощрялъ другихъ къ подобнымъ благодѣяніямъ. Кротость, милосердіе, правдолюбіе, благоучрежденіе, любовь къ наукамъ и художествамъ, военные въ пользу отечества подвиги, что все, во времена невѣжества, часто погружалось съ другими дѣяніями въ мрачное забвеніе, тогда Стихотворнымъ искусствомъ, какъ нѣкоею волшебною силою, безсмертными, почтенными и всегда достойно подражаемыми, живо впечатлѣвались въ памяти. Вѣдающій склонности и тайныя движенія сердца человѣческаго, изображалъ вредоносныя безмѣрныхъ страстей слѣдствія чрезъ трагедію; одаренный прозорливостію, растогалъ завѣсу вредительной обществу хитрости, и порокъ, таящійся подъ маскою, старался обнажить предъ свѣтомъ комическими сочиненіями.

Любовь, во всѣхъ сердцахъ разными образами владычествующая, произвела особо всякіе роды любовныхъ Стихотвореній. Иной описывалъ нещастія и муки любви терзающей; другой веселья и роскоши любви щастливой. Иной, удаляясь отъ скучной суеты многочисленныхъ сборищъ, склонялся мысленно къ простотѣ обиталищъ. Поля, ручьи и кустарники представлялись ему раемъ, когда тамъ пастуш-

ка собесѣдовала. Перомъ его вся натура воспринимала нѣкое новое одушевленіе; и читатель нерѣдко возхищался совершенствами вещей по малой мѣрѣ въ воображеніи, тогда какъ истинное въ натурѣ бытіе ихъ могло бы угнѣтать его сердце отвратительнѣйшею горестію и скукою.

Разумъ, удручаясь важными размышленіями, нерѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ. Невинныя и пріятныя шутки, питающія въ насъ веселонравость и добродушіе, не изключены также изъ добраго Стихотворенія; нерѣдко самые великіе умы снисходили къ произведенію таковыхъ шутокъ.

Любители Россійскаго слова знаютъ, съ какими успѣхами, со времени царствованія блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, оказались у насъ Стихотворцы въ разныхъ родахъ сочиненій. Право разбиранія и означенія стихотворческихъ ихъ достоинствъ, принадлежитъ любимцамъ Аполлоновымъ, кои всѣ дни свои могутъ посвящать бесѣдамъ съ Музами. Я же, въ качествѣ простаго наукъ почитателя, осмѣлюсь только пріобщить здѣсь нѣкоторые многими замѣченные стихи Господина Ломоносова, поставляя разные отрывки

одинакаго содержанія подъ общія приличныя имъ оглавленія.

Кто не возчувствуетъ истиннаго богопочитанія при чтеніи слѣдующихъ стиховъ, изображающихъ непостижимую премудрость и неизмѣримое величество?

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

*

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ;
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ Естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что вашъ умъ мятетъ?

*

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ,
Скажитежъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажитежъ, коль великъ Творецъ?

*

Какое сердце не исполнится благоговѣніемъ, произнося слѣдующую мольбу къ Богу?

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, Безсмертный Царь.

*

Слѣдующее, преложенное изъ Псалтири, Божества славословіе не есть ли то, что можетъ воспламенить ревность души, благодарность ощущающей?

О Боже, кто Тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ?
Твоя держава возвѣстится
И правда мною до небесъ.

*

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу Твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

*

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

*

Или первый Царя Давида, во славу правоты и добродѣтели, Псаломъ, въ слѣдующемъ преложеніи, не подвизаетъ ли насъ силою нѣкоего новаго вліянія къ исповѣданію спасительной истины, несомнѣнное блаженство представляющей?

Блаженъ кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшныхъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ кто въ пагубу приводитъ,
Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать.

*

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И сердцемъ оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

*

Какъ древо онъ разпространится,
Что близь текущихъ водъ растетъ;
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

*

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны;
Какъ вихремъ возхищенный прахъ.

*
* *

Съ какимъ достойнымъ проповѣданіемъ здѣсь Богъ воззывается къ благословленію Императорскаго Дома?

Предъ мужемъ, нѣкогда избраннымъ,
Ты свѣтомъ клялся не созданнымъ
Хранить во вѣкъ престолъ и плодъ.
Исполни то надъ позднымъ свѣтомъ,
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для щастья множество вѣковъ,

Поставь, какъ солнце, предъ Тобою
И какъ луну, престолъ Петровъ.

или:

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ;
Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ —
И бысть! О твари Обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.

или:

О вы недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину
Петрову зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

*
* *

Я не вхожу въ споръ съ тѣми, кои возстаютъ проти у злоупотребленій Стихотворства; но да будетъ мнѣ позволено сказать нѣчто во оправданіе стихотворныхъ похвалъ и поэтическихъ къ украшенію ихъ вымысловъ, когда Стихотворцы обращаютъ ихъ къ достойному предмету

и съ добрыми намѣреніями. Похвала есть самое достодолжное приношеніе безмездной добродѣтели; и хотя бы люди не согласились во мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелію отличается, нѣтъ однако сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; не заслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ. Образъ наставленія не приличенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, непріятенъ человѣческому самолюбію, и часто бываетъ излишнимъ для тѣхъ, коихъ всѣ подвиги и мысли устремлены во благо. Кто во всякомъ дѣйствіи изыскиваетъ худыя намѣренія, тотъ всегда и вездѣ найдетъ лесть, ложь и обманы; но кто знаетъ болѣе сердце человѣческое, тотъ конечно знаетъ и благонамѣренность, ему свойственную. Доводы сей истины могутъ быть болѣе ощутительны въ Стихотвореніяхъ Господина Ломоносова. Съ какою откровенностію и свободою правоту своихъ мыслей въ слѣдующихъ стихахъ онъ изъявляетъ!

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,

Приближи къ небесамъ вершины,
И для похвалъ Екатерины,
Какъ наша радость, разцвѣтай.
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврати въ Зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай (*).

*

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ, чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи,
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ Монархамъ духъ.

или:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый:
Доволенъ будь собою самъ.
Твою усерднѣйшую ревность,
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть.

(*) Премудрой нашей Самодержицы къ наукамъ, к особо къ Россійскому слову, всегдашняго благоволенія новый знакъ, изъявленный выборомъ къ управленію Академіею Наукъ отличной ихъ Любительницы, подастъ конечно случай нашимъ Стихотворцамъ раздѣлить съ Господиномъ Ломоносовымъ чувствія радости, каковую онъ въ сихъ стихахъ изобразить старался.

или:

Ахъ, Музы! какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою,
Не тщились за Петромъ въ благословенный путь,
Но тщетно мыслили противъ его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ, гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею.

Какой добритъ меня и лучь, и жаръ, и шумъ,
И гонитъ въ скорости смущенныхъ тучу думъ!
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ,
И нудятъ совершить священный спѣшно трудъ:
„Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато?
„Мы пѣть тебѣ велимъ, и что велимъ, то свято."

Уже съ горы глашу богинь великихъ власть:
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь,
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Оттодь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю;

Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Съ какимъ чувствіемъ Господинъ Ломоносовъ изъявляетъ свою признательность и благодарность къ распространителю наукъ въ Россіи и своему особенному благодѣтелю (Ивану Ивановичу Шувалову)!

А ты, о Меценатъ, предстательствомъ предъ нею (*),
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ.

Особое Господина Ломоносова поэтическое дарованіе, въ собственномъ его о себѣ мнѣніи, соединено однако съ великою умѣренностію, наипаче когда онъ предлагаетъ что-либо важное. Приведемъ въ примѣръ первыя строки начатой имъ Поэмы:

(*) Блаженной памяти Государынею Императрицею Елисаветою Петровною.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И миръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ
И показать, какъ онъ, превыше человѣка,
Понесъ труды для насъ, неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ, Отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя:
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны владыки,
Познаютъ, что Монархъ и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой;
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Коль Небо, ты ему являлось милосердо!
. . . .
Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,

И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть законъ!
Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный звонъ:
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ тобою
Дерзаю возгласить военною трубою,
Тебя родившее, велико Божество.
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы праву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Главное поэтическое искусство, по общему признанію, состоитъ въ томъ, чтобъ Стихотворецъ могъ возбудить вниманіе къ изображенію какой-либо простой бытности. Истина хотя не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ; но разумъ нашъ удобнѣе къ ней прилѣпляется, когда находитъ ее въ пріятномъ и достойномъ образѣ, каковъ здѣсь слѣдуетъ:

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотійскихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасный флотъ въ струяхъ въ пучинѣ черной,
Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной;
Уже великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ Стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
Простерла внѣ свой мечь безъ внутренней боязни,

От дерзской наглости, разгнѣваннымъ Петромъ
Воздвигся въ Западѣ войны ужасной громъ;
Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ Бѣлыхъ водъ,
Гдѣ прежде межь валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.

. . . .

Уже, бѣлѣя, Понтъ передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ Бореи флаговъ Шведскихъ,
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межь моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ,
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.

Герой нашъ, посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ.
. . . .
Какое зрѣніе мечтается въ очахъ!
Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ пугружаюсь:
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ, обрушась на Петра.
Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ, разбѣжась, свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ возходитъ вихремъ прахъ;
Однако, доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовыя:
Такъ Сѣверъ, укротясь, впослѣдни возстеналъ.
По усталымъ волнамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый,
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
Но предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ прослыла,
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова

Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова,
Какъ праотцевъ его онъ въ Сѣверъ заточилъ
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на берегъ Петръ и ободрилъ стопами
Мѣста, омоченны Романовыхъ слезами;
Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
Межь тѣмъ способный вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ;
Онъ легкимъ къ Западу дыханьемъ поспѣшаетъ,
И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.

Даръ изъявлять чувствія въ ихъ пространствѣ и подробностяхъ многими почитается за верхъ разума человѣческаго; ибо на семъ изъявленіи обычайно основываются всѣ наши дѣйствія. Сильное чувствованіе и соотвѣтственное ему воображеніе принадлежитъ ли особо Поэтамъ, и особоль имъ, въ лицѣ всего дышущаго, или, когда прилично, въ лицѣ всякихъ безсловесныхъ твореній, принадлежитъ право сословное, или, какъ иные называютъ, право гласное, остается на свободномъ разсужденіи каждаго; но то кажется неоспоримо, что все одушевляется въ мысляхъ Поэта, изъ его чувствія извлекается возможное совершенство Натуры, часто въ бытіи своемъ ограниченной. Можетъ ли кто не услаждаться таковою

возможностью; кольми паче, когда существо вещей сходствуетъ съ воображеніемъ? Приведемъ здѣсь въ примѣръ описаніе общей Россіянъ радости, въ стихахъ на рожденіе его Императорскаго Высочества.

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны.
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада, ходящи межь цвѣтами,
Обильность сельскаго труда
И желты класы межь браздами,
Что чувствуетъ въ себѣ тогда!

*

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ щастьемъ восхищенный,
Взошедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ
И края имъ не обрѣтаетъ,
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ.

*

Тамъ слышны разны разговоры:
Иной, взводя на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоритъ;
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,

Что въ радости Россія зритъ!
Иной: я стану жить дотолѣ
(Гласитъ младой, свой зная вѣкъ),
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ.

*

Ужѣ великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы Слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ
И гласу новому внимаютъ,
Что Промыслъ имъ чрезъ то велитъ!
Пучина преклоняла волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны,
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.

*

Но грады Росскіе, въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ;
Верхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу, великими стѣнами
Вѣнчанну, взводитъ къ высотѣ;
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

*

Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду
Отверстіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
„Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
„Что Домъ Петровъ не будетъ пустъ!

„Онъ въ немъ вовѣки водворится,
„Премудрость, мужество, покой,
„И судъ и правда воцарится;
„Онъ рогъ до звѣздъ возвысить мой."

*

Ты, Слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытный врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки;
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
Петра Великаго потомки
Даются милости въ залогъ.

Представимъ еще образъ радостной Россіи, какову Господинъ Ломоносовъ индѣ описываетъ, и образъ Натуры одушевленія.

- - - - - -

О Муза! усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ,

*

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ

На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ,
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавказъ.

*

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ!
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ!

*

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго, ледъ.

*

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ;
Вселенну, въ мысляхъ вознесенныхъ,

Единой обращалъ рукой,
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

*

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны низпустилъ лучи.

*

- - - - - - - - -

Покрытымъ орлими крилами,
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

*

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ,
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Представимъ, при описаніи Сарскаго села, образъ чувствуемой похвалы его Строительницѣ.

Гдѣ древнимъ временемъ Славена,
Гордяся, пролились струи,
Тамъ, видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ,
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
Или Петровой Дщери власть.

*

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ
Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ хдъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ Россійскихъ водъ.

*

Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Который изъ рая течетъ.

*

Мои источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ Богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста,
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года:
Всегда роскошствуетъ Природа,
Искусствомъ рукъ побуждена.

*

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ;
Когда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ,
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ:
И солнце, восходя, дивится,
Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

*

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скаканьемъ поля:
Однако, ежель оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу Богинѣ,
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речетъ, и къ небу устремлю (*).

*

(*) Нимфа Славены нынѣ еще болѣе удивляется, увидѣвъ при Царскомъ селѣ въ самомъ дѣлѣ,

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межь нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь.

*

О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнассъ,
Какъ ты, отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ,
Воззрѣла матерски къ нему:
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему!

*

Что дымъ и пепелъ отрыгая,
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Этною, рыдая,
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрытъ горою,

что словомъ Великой Екатерины потекли тамъ, между прекрасными новыми зданіями, воды съ желаемымъ изобиліемъ.

Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится возстать.

*

Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,
Когда, при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ Музъ, твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы щастливыя Науки!
Прилѣжны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

*

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокой лѣсъ,
И нутрь Рифейскій, и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ наслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.

*

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками
И рвами блата изсуши;
Военны облегчи громады,

Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

*

Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой;
Отечества умножитъ славу
И вящше укрѣпитъ державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ,
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.

*

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси, посреди лучей,
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо, въ вѣчну славу ей,
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта,
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.

*

Наука легкихъ метеоровъ!
Премѣны небо предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй;
Чтобъ земледѣлецъ выбралъ время,
Когда землѣ повѣритъ сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,

Съ богатствомъ дальны шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

*

А ты, возлюбленная лира,
Правдивымъ щастьемъ веселись;
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись:
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля, и вѣтры, и валы.

Съ какими познаніями и чувствіями здѣсь мирная тишина и покровительство наукѣ превозносится!

Царей и Царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленая тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

*

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,

Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя:
Ты, кромѣ той, всего превыше;
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

*

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.

*

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена,
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

*

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни,
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка:

Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, грубостью попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

*

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ,
Въ стѣнахъ, внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

*

Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

*

Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ,
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ!

Верхи Парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

*

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ брящаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики.
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

*

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнитъ сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

*

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно

18*

Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.

*

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ:
Сіе злату очиститъ жилу;
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

*

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта Сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ,
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю тишиной.

*

Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны
Творитъ Натура чудеса,
Гдѣ густостью животныхъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ, въ роскоши прохладныхъ тѣней,
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,

Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

*

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать,
Твоей великодушной волѣ.
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.

*

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій через воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

*

Тамъ тмою островов посѣянъ
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ,
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ

И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

*

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разселинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ Натура скрыла:
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

*

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

*

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Красота сочиненій Господина Ломоносова завлекаетъ меня въ долгія выписки; но мысль моя течетъ съ большею пріятностію къ главному намѣренію изъявить общее чувствіе народа, при разпространяемыхъ Россійскихъ Словесностяхъ, подъ благословенною державою Великой нашей Монархини.

Разумъ мой остановляется при толь обширномъ полѣ. Желалъ бы я имѣть даръ Господина Ломоносова къ изъявленію всенародной Ей благодарности; но хотя слова не могутъ сравниться съ Ея благодѣяніями, утѣшительно быть и самымъ простымъ органомъ тысящей сердецъ, горящихъ къ Ней равнымъ благоговѣніемъ.

Да изліется предъ Нею наше усердіе, болѣе чистотою душъ, нежели витійствомъ украшенное.

Снабжая Имперію мудрыми установленіями, насаждая благовоспитаніе, разпространяя благонравіе, усмиряя внѣшнихъ враговъ и привлекая милосердіемъ подъ свои законы новыя области, она наиболѣе побудила насъ видѣть, сколько нужны науки и достоинство слова во всякомъ благоустроеніи, и сколь направленіе сердца и наученіе разума во всякое время полезны вообще и частно Отечеству. Мы

видимъ, что изъ сего источника извлекаются великіе Полководцы и мудрые Государственные Правители, и что съ самаго начала благополучнаго Ея царствованія, высокое Ея къ Россійскому слову благоволеніе разными образами всегда было знаменуемо. Отличная милость и благоволеніе къ покойному Господину Ломоносову, учрежденная для переводовъ книгъ коммисія, возведеніе извѣстныхъ многими сочиненіями Писателей на степени ихъ таланту и достоинству приличные, и напослѣдокъ, собственно къ возвышенію языка нашего, Ея трудолюбіе, не даютъ намъ усомниться, сколь святы и досттодолжны наши жертвы Ей, яко Минервѣ приносимыя.

Недоставало въ Россіи для распространенія слова установленнаго общества: Она, препоручивъ правленіе наукъ ихъ отличной любительницѣ, ввѣряетъ ей благоустроеніе новой Россійскаго слова Академіи, обнадеживая навсегда ее своимъ Высокомонаршимъ благоволеніемъ. Не возможно, чтобъ, при изліяніи къ Россіи толикихъ Ея милостей, умолкъ языкъ нашъ.

Великая Монархиня! Тебѣ обязанные лучшею частію бытія нашего, Тебѣ да потщимся принести плоды нашего неоцѣненнаго благополучія.

Конецъ.

РѢЧЬ

О ДОСТОИНСТВѢ ВООБЩЕ СЛОВЕСНОСТИ И О ПРОИЗВЕДЕНІИ СЛОВЪ РОССІЙСКИХЪ.

РѢЧЬ

О ДОСТОИНСТВѢ ВООБЩЕ СЛОВЕСНОСТИ И О ПРОИЗВЕДЕНІИ СЛОВЪ РОССІЙСКИХЪ.

Времена благодѣтельныхъ Государей подобны прекрасному лѣту, когда оно, животворнымъ своимъ вліяніемъ, возвеличиваетъ Природу и даетъ сущность многихъ надеждъ радовательному совершенію. Сословіе почтенной моей собратіи, при всякомъ удаленіи отъ лживаго ласкательства, не скучитъ, въ томъ я увѣряюсь, напоминовеніями истины, всѣми и всюду повторяемой, и представляемой съ нѣкакою всегда святохранимою единогласностію по тому самому, что она есть непреложная истина. Отдавая словомудрія честь любопытному уму человѣческому, справедливость не должна ли приписать многое чувствію нашего признанія, когда усиливаемся изрещи благодарность, часто превосходящую изреченіе.

Естьли бы языки рождались въ вѣкахъ зрѣлаго человѣческаго познанія, любители *Словесности* потщились бы слѣдовать въ

шомъ благоустроенному въ Природѣ вещей согласію; почтились бы согласовать вначалѣ способности словесныхъ нашихъ органовъ, превосходящихъ весьма ощутительно органы другихъ животныхъ. Неоскудѣваемая мѣра механическихъ способностей дана человѣчеству, конечно не такъ просто, чтобъ мы превосходнымъ сложеніемъ гортани нашей произносили и подражательные всякіе гласы, и особенно свои различные составы рѣчи, безъ присоединенія къ нимъ другихъ, подобно неоскудѣваемымъ способностямъ, коихъ дѣйствія назвали мы: *чувствовать, мыслить, образовать* и *памятовать*. Высочайшій всего Начальникъ, наградя насъ сими начальными способностями, далъ намъ, по обильной мѣрѣ ихъ, и другія нужныя орудія къ образованію словъ многоразличныхъ, сколь бы познанія наши пространны ни были.

Любители Словесности, въ разныхъ вѣкахъ и народахъ, не преминули однако, сколько могли, сближить мало помалу, слова со свойствомъ вещей нарицаемыхъ; а отъ сего гармоничнаго сближенія *Словесность*, напослѣдокъ, получила нѣкакую очаровательную силу, верховную надъ всѣми другими человѣческими способностями

Побуждаемся ли принести Богу наши благодаренія, мольбы и славословія? Прибѣгаемъ, въ изобиліи чувствій, къ Боголѣпному восклицанію; и словесный даръ, каковымъ мы безконечно ущедрены, посвящаемъ во славу всѣхъ щедротъ Источника, яко превосходнѣйшую часть бытія нашего.

Изъявить ли мудрому, благотворному и попечительному Государю наше удивленіе, почитаніе, усердіе, нашу любовь, приверженность, вѣрность? *Слово*, въ согласіи съ нашею доброю волею, содѣлывается крѣпчайшимъ ихъ истины ручателемъ.

Усовершить ли наши дарованія и опредѣлить ихъ цѣли? Къ тому не инако достигаемъ, какъ посредствомъ *слова*, доставляющаго намъ правыя о вещахъ понятія, и сихъ понятій соображенія.

Союзить ли частныя пользы во благо общее? *Слово* производитъ, содержитъ и укрѣпляетъ единомысліе, и какое, безъ одушевительнаго разумѣнія, было бы однимъ только пустымъ звукомъ, такое въ своемъ одушевленіи связуетъ цѣпь всѣхъ нашихъ взаимныхъ обязанностей.

Отдать ли справедливость и похвалу добродѣтелямъ, высокимъ достоинствамъ,

отличнымъ заслугамъ, полезнымъ дарованіямъ? *Слово* своею душепитательною наградою превосходитъ тогда многоцѣннѣйшія сокровища, кои слабо награждаютъ имства, многоцѣнность оныхъ превышающія.

Привести ли законы въ ясность, силу и твердость? *Слово*, противогласное темнотѣ, сомнѣнію и двоемыслію, доставляетъ намъ надежнѣйшую нить, въ лавиринѳѣ невѣжественныхъ толковъ и ябедъ истину затмевающихъ.

Не слово ли содержитъ въ спасительныхъ правилахъ племена людей, различныхъ состояній, нравовъ и обычаевъ, совокупленныхъ воедино удостовѣреніемъ ихъ общей въ томъ пользы и общаго спокойствія? Исторія представляетъ намъ безчисленные примѣры приведенныхъ въ развратъ не только частныхъ людей, но и цѣлыхъ обществъ и цѣлыхъ народовъ; и въ тоже время, когда сила развратной буйности стремительно реетъ ихъ въ самую тьму заблужденій, видимъ однако, что единое слово, единая черта, умъ просвѣщающая, удерживаетъ отъ большихъ погрѣшеній тысячи заблуждающихъ и предупреждаетъ бездну золъ, предстоящихъ погрѣшеніямъ.

Здѣсь долженъ я включить благонамѣренныхъ Писателей достоинства, малымъ числомъ людей чувствуемыя, но главнѣйшія исправленія во нравахъ, склонностяхъ и обычаяхъ производящія. Горделивыхъ умовъ изнѣженное самолюбіе не дозволяетъ имъ признаваться въ таковой истинѣ, поколику она оскорбила бы ихъ тщеславіе и унизилила бы высокоцѣнимость преимуществъ не заслуженныхъ; но кто въ тайности сердца, вопрося безпристрастно совѣсть свою, не возчувствуетъ, сколь правдиво обязанъ онъ лучшею частію своего физическаго и моральнаго благосостоянія достоинству *Словесности.*

Не *слову* ли повинуются многочисленныя воинства, уразумѣвая, что законная власть, ими дѣйствующая, требуетъ отъ нихъ совершеннаго повиновенія и всегдашняго бодрствованія по справедливымъ причинамъ и надобностямъ? Въ самыхъ упорныхъ битвахъ, когда человѣчество отъ окружающихъ ужасовъ содрогается, и когда отчаянность изнеможенія начинаетъ уже стремиться къ бѣгу, коль часто *слово* мудраго и храбраго Полководца, подобно быстротѣ молніеносной, летитъ на помощь уступающей слабости, возрождаетъ въ ней новыя си-

зы, новую смѣлость и новую къ побѣдѣ надежду, самую побѣду, наконецъ, производящую!

Къ вамъ обращаюсь теперь, любезнѣйшіе *Словесности* предметы, жизнь нашу пріятными заботами наполняющіе! При самомъ внѣшней красоты вашей совершенствѣ, при самыхъ плѣнительныхъ ея нарядахъ, коль слабы нашлись бы ваши прелести и привлеченія, естьли бы *слово* въ устахъ вашихъ, совершенному чарованію подобное, не присоединялось къ вашему надъ сердцами владычеству! Не часто ли мы видимъ, что красота, невѣдущая и небрежная, уступаетъ верхъ благоразумію, достоинствомъ *слова* привлекающему? Примѣры вѣрнѣйшихъ друзей, супруговъ, любовниковъ, не на семъ ли достоинствѣ главнымъ образомъ основаны? не посредствомъ ли *слова* намъ описаны и проповѣданы?

Надобно ли къ тому убѣдительнѣйшіе примѣры? Великіе Монархи не только покровительствомъ, но и собственными трудами, любительно старались ознаменовать достоинство *Словесности*, неминуемо объемлющее всѣ части человѣческихъ правъ, выгодъ и обязанностей. Безсмертныя имена таковыхъ Монарховъ

колико возвеличиваютъ *Словесность* всѣхъ вѣковъ и всего міра, толико сами ею справедливо возвеличиваются.

Скажемъ еще, что естьли бы кто восхотѣлъ доводы о достоинствѣ *слова* распространить далѣе, то нашелъ бы въ самыхъ началахъ *міросозданія*, сего Божественнаго дара священнѣйшія изображенія. Приведемъ здѣсь въ приличность нѣкоторыя: *Словомъ небеса создашася. Словомъ сотворилъ Богъ міръ видимый и невидимый. Словомъ далъ намъ познать волю свою. Одареніемъ слова возвеличилъ насъ надъ всѣми земными созданіями.* Самъ небесныхъ круговъ Верхотворецъ, по превосходному *слова* отличію, наименованъ во Святомъ Писаніи *Богъ Слово.*

Кто бы могъ потомъ не чувствовать, что мы *словомъ* познаваемъ и себя и насъ окружающее? *Словомъ* содержатся уставы нашихъ должностей, *словомъ* крѣпится общее и частное всѣхъ благосостояніе, и *словомъ* царствованіе восходитъ на степень благожелаемаго величія.

При толь ощутительныхъ и неоспоримыхъ истинахъ, должно однако упомянуть, что всякая полезная вещь, по об-

щему природы закону, бываетъ причастна временнымъ злоупотребленіямъ, каковыя подъ разными видами, входя въ составъ бытія нашего, превращаютъ иногда невинности и спокойствія образъ въ соблазнительный примѣръ бѣдствующаго человѣчества. Подобно такъ и *Словесность*, при всей своей пользѣ, имѣетъ своихъ превратителей, кои, производя благодатнымъ орудіемъ злыя дѣянія, простираютъ превратныхъ умовъ язву равно на предметы своего сотоварищества, какъ и на тѣхъ, кого они подчиняютъ тяготамъ своей превратности. *Словесность* содѣлывается тогда нѣкакою болѣзнію разума, подозрѣвается въ своихъ дѣйствіяхъ и представляется въ видѣ опаснѣйшаго свойства человѣческаго. Изнемогающіе подъ бременемъ случайнаго своего жребія, называя тогда случайность постоянностію, вопіютъ въ горестныхъ прискорбіяхъ, что *слово* развращаетъ простоту и удобовозможность на земли блаженства человѣческаго; что со времени распространенія *слова*, первородныя къ доброму склонности, бывъ прежде вѣрными путеводителями, содѣлались сомнѣнными, или вовсе измѣнились; что *слово* рѣдко означаетъ прямую мысль нашу, и еще рѣже объя-

сняетъ вещи, каковы онѣ въ самой сущности представляются; что злоупотребленіе *слова* далеко превосходитъ злоупотребленіе нѣмства человѣческаго; что вредные умы находятъ въ *словѣ* и пищу собственной разврата закоснѣлости, и къ развращенію другихъ орудіе. Чрезъ *слово* вопіютъ они, клевета уничтожаетъ истину; чрезъ него невѣжество и суемудріе торжествуютъ надъ благоразумнымъ познаніемъ. Чрезъ него хищная лесть исторгаетъ себѣ выгоды, къ обидѣ заслугѣ справедливыхъ. Чрезъ него развращаются общества, разоряются грады, гибнутъ народы, и даже слѣдъ полезныхъ и великихъ дѣлъ, купно съ тѣми, коихъ жизнь была безцѣнностію вѣка и коихъ память не инако долженствуетъ быть сохраняема, какъ въ утѣшительное повѣствованіе вѣкамъ будущимъ, къ прискорбію человѣчества, иногда утрачивается,

Такову представляютъ они картину *Словесности* въ ея злоупотребленіяхъ. Но не слышимъ ли притомъ безпристрастнаго благоразумія и благопосредствующей истины гласа? Они внушаютъ, что возможность всякихъ случайныхъ событій не есть устроенный кругъ дѣяній человѣческихъ, въ обычайномъ пути своемъ по-

стоянствующихъ; не есть правило общественное, ниже частное, ибо таковыя событія влекутъ за собою обоюдныя бѣдствія; не есть примѣръ къ послѣдованію, ибо онъ соединенъ съ раскаяніемъ, страхомъ и опасеніемъ.

Такъ подобно видимъ злоупотребленіе металла, извлекаемаго изъ нѣдръ земли къ лучшему ея воздѣланію, или къ оборонѣ Отечества и другимъ разнымъ полезностямъ. Остріе желѣза является ли въ рукахъ какого-либо злодѣя? Гнушаемся злодѣйствомъ, но высоко чтимъ пользу орудія, познавая въ немъ благодаровитость Творца къ покою и оградѣ мирныхъ добродѣтелей. Такъ подобно люди, вредные остротою словесныхъ жалъ своихъ, представляютъ намъ отвратительную мрачность словосплетенія, но тѣмъ не помрачаютъ достоинства *слова*, въ общеполезномъ его употребленіи.

Естьли же бы какое упрямое злоуміе представляло себѣ въ частыхъ примѣрахъ таковаго зла нѣкоторую опору и извинительность; то да будетъ намъ позволено изслѣдовать: не отъ причины ли недостаточныхъ словъ и объясненій главнымъ образомъ происходятъ человѣческія погрѣшенія? Кто усомнится, вопросимъ

примѣрно, чтобы десять въ щету своемъ не были десять, когда то условіемъ вѣрной математической истины доказано? Не равно ли мы удостовѣрены, что благосостояніе наше не можетъ быть спокойно и прочно, когда окружающее насъ не будетъ причастно сему благосостоянію? Моральныя истины не разнятся съ математическими, когда онѣ въ человѣческихъ сообществахъ, единообразнымъ смысломъ, словомъ и дѣйствіемъ уясняются и вѣчнуютъ.

Умолкнемъ ли въ бездѣйствіи, когда времена нашего благополучія несомнѣнны? Монаршимъ высокимъ благоволеніемъ возстановленная Императорская Россійская Академія не имѣетъ ли нынѣ новыхъ обязанностей пещись объ усовершенствованіи отечественнаго *слова*, усовершая тѣмъ благо общее?

Трудолюбивые Россійской *Словесности* любители, первѣе другихъ чувствуютъ, что, при всѣхъ ея успѣхахъ, находятся еще въ ней недостатки, и ничто не образуетъ умовъ такъ сильно, какъ усовершеніе *Словесности.* Какое прекрасное поле къ откровеніямъ! поле, достойное любителей Отечества, готовыхъ усердными трудами соотвѣтствовать великодарственнымъ Монаршимъ намѣреніямъ!

Въ другихъ временахъ, любопытность нѣкоторыхъ Природы тайнопознателей, сообразуясь съ тѣснотою своего круга, довольствовались нѣкакими изслѣдованіями первобытнаго человѣческаго въ природной дикости безсловеснаго или малословеснаго состоянія. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ отрицали удобовозможность совершенной дикости, полагая, что состояніе человѣка совершенно дикое, естьли бы такое могло гдѣ случиться, было бы скотоподобіе; и въ такомъ случаѣ люди равно, какъ скоты, не заслуживали бы подробнаго бытія ихъ изслѣдованія. Другіе же, ограничивая способности, кругъ и блаженство человѣка въ кратчайшихъ предѣлахъ, назначали ему небольшое число жизненныхъ надобностей и, къ ихъ изъявленію, двадцать или тридцать словъ тому соразмѣрныхъ. Такимъ образомъ полагали, что блаженство въ простотѣ жизни есть самое на земли совершенное, поколику исполненія желаній не могли тогда быть подвержены затрудненіямъ. Въ самомъ дѣлѣ слова: *дай, возьми, приди, поди, хочу ѣсть, пить, спать*, съ нѣкоторымъ числомъ другихъ реченій, казались бы къ сохраненію и нѣкоторому удовольствію жизненному достаточными; естьли бы вся

окружность человѣка, могла постоянно въ томъ ему содѣйствовать. Къ прискорбію человѣчества, никакая Исторія первобытнаго человѣка не увѣряетъ о возможности и постоянствѣ подобнаго счастія. Къ Словарю краткому сего святообразнаго созданія скоро прибавились реченія, начальной его тишинѣ, кротости и начальному благополучію несоотвѣтственныя. Другимъ оставимъ изслѣдованія: звѣри ли, звѣрямъ ли подобные люди, или и тѣ и другіе совокупно принудили его болѣе и болѣе размышлять о лучшихъ своихъ способностяхъ: о предосторожностяхъ, оградахъ, защищеніяхъ, человѣческихъ сообществахъ и условіяхъ. Упомянемъ однако, что таковые начальные образцы изобрѣтеній произвели отъ себя, въ теченіи временъ, удивительныя послѣдствія ремеслъ, художествъ, искусствъ, наукъ и познаній, требующихъ умовъ высокихъ. Каждое новое откровеніе, или изобрѣтеніе естественно прибавляло новыя слова, къ изъясненію дѣйствій и вещей дотолѣ невѣдомыхъ или маловѣдомыхъ. А таковыя прибавленія, и потомъ укоренившіеся словъ обычаи, составили напослѣдокъ пространные языки, частію съ самогласнымъ подобіемъ и приличностію вещей

сообраЖенные, правильные и ясные; частію же принятые отъ вымысла маловѣдущихъ, неправильные и недостаточные.

Къ тому должно себѣ представить, что природное любопытство человѣческое и нѣга чувствій, страстей, ума и воображенія, никогда не могли, наипаче въ ихъ совокупности ограничить своего круга; и несомнѣнно, какъ въ произведеніяхъ достойныхъ подражанія, такъ въ погрѣшностяхъ и заблужденіяхъ, дѣлаясь часто образцами, оставляли по себѣ добрыхъ и худыхъ послѣдователей.

Красота *Россійскаго* языка, въ видѣ отечественнаго преимущества, сколь ни была бы намъ пріятна; но въ сужденіи, какая степень отличности принадлежитъ нашему языку предъ прочими, признательно безмолствую. Почтенная моя собратія можетъ, по сравненію языковъ, какіе мнѣ чужды, извѣдать то основательнѣе. Я же ограничу себя примѣчаніями только о *Россійскомъ* языкѣ, къ его собственному достоинству относящимися.

Языкъ нашъ имѣетъ множество коренныхъ краткихъ словъ, отличительныхъ гармоничнымъ съ Природою сходствомъ, или ей подражаніемъ; и могъ бы достаточно изобиловать въ рѣченіяхъ, естьли бы нѣ-

которыя коренныя слова, въ отдѣлѣ отъ прилагаемыхъ къ нимъ частицъ, не были оставлены. Кажется, что иныя требуютъ только возстановленія, ибо въ *Славенскомъ* и другихъ, происходящихъ отъ него языкахъ, онѣ въ точности находятся. Но подробные о томъ изслѣдованія не принадлежатъ къ предмету моей рѣчи. Къ ней слѣдуютъ только краткія замѣчанія, какими способами языкъ нашъ удобнѣе можетъ приближаться къ усовершенію. При всей же возможной въ томъ краткости, не излишнимъ однако кажется предложить здѣсь о недостаткѣ въ нашемъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ, отличительно уважаемыхъ въ общежитіи человѣческомъ. Недостатокъ сей тѣмъ болѣе чувствителенъ, что на другихъ языкахъ при соравненіяхъ встрѣчаемъ точность и ясность словъ, въ совершенномъ со смысломъ ихъ согласіи; но на своемъ языкѣ изъяснить то или не можемъ, или изъясняемъ недостаточно.

Находимъ ли себя въ трудности изъясненія, когда сочетаніемъ разныхъ словъ именуемъ какой-либо предметъ, въ существѣ своемъ не сложный? Такъ на примѣръ, по реченію *дѣлать доброе*, именуемъ *добродѣтель*, въ ея особомъ разумѣніи. Въ другихъ одуманныхъ языкахъ

находимъ, что сіе высокое человѣческое качество, разумѣемое у насъ подъ словомъ *добродѣтели*, именовано не сложнымъ, но коренным свойственнымъ словомъ, *зрѣлое мужество* и *постоянство* означающимъ (virtus, vertu), отдѣльно отъ смысла всякаго добродѣянія, и наипаче отъ смысла добродѣянія случайнаго, какое въ нашемъ языкѣ, по содѣланію какого-либо добра, правдиво именуется добрымъ дѣломъ: и буквально добродѣтелью, единозначительною съ добродѣяніемъ. Таковая буквальная добродѣтель и на другихъ языкахъ изображается реченіями, тому подобными.

Словари чужихъ языковъ изъясняютъ *добродѣтель* въ ея особомъ разумѣніи слѣдующимъ образомъ: *virtus:* rectitudo, probitas, propensio ad bonum *(Латинское)*; *vertu:* droiture, probité, disposition ou habitude de l'ame à faire le bien *(Французское)*.

Прибавимъ тутъ же и нашего языка, подъ словомъ *добродѣтели*, изъясненіе:

Добродѣтель есть постояное правоты и чести любленіе, постоянная склонность и готовность къ добродѣяніямъ.

Разность между добродѣяніемъ временнымъ и постоянною склонностію, и готов-

ностію къ добродѣяніямъ является въ такой подобной противомѣрности, какъ часъ предъ цѣлымъ годомъ.

Представимъ въ примѣръ бытность, на одномъ изъ Алеутскихъ островоъ случившуюся: Дикой островской обитатель, видитъ звѣря, гонящагося за малою дѣвочкою, бросается со своимъ оружіемъ на звѣря, убиваетъ его и спасаетъ тѣмъ дѣвочку отъ видимой смерти. Русскіе промышленники, тутъ случившіеся, восклицаютъ ему похвалы за его добродѣтель, отдая должную честь его доброму дѣлу, какое въ произшествіи своемъ, безъ сомнѣнія, было доброе. Дикому человѣку показалось обидно, что похваляютъ его за безкорыстное дѣло. *Не дѣвчинъ животъ мнѣ былъ дорогъ*, отвѣчалъ Алеутянинъ; *со звѣря я кожу сойму, да за кожу полтину возьму.*

Исторія Алеута и дѣвочки есть исторія, чаятельно, многихъ племенъ, которымъ недостаетъ только Алеутскаго чистосердечія. Излишно, кажется, распространять вопросъ, въ подобныхъ ли дѣйствіяхъ сущная добродѣтель заключается.

Слово, именующее *добродѣтель*, отъ добра и дѣянія производную, заслуживаетъ

впрочемъ свое въ языкахъ мѣсто, такъ какъ значеніе добраго дѣла, хотя бы дѣло не отъ добраго намѣренія произходило. Весьма же инако разумѣемъ въ *Россійскомъ* языкѣ о добродѣтели, яко свойствѣ людей суще добродѣтельныхъ; и не по другому разумѣнію увѣряемся, что высочайшій Отецъ всякаго созданія полную свободу и достоинство человѣка возвышаетъ единственною мѣрою *добродѣтели.*

Любители **Россійскаго слова** не преминули искать въ корняхъ *Славенскаго* языка особаго сущей *добродѣтели* названія; и какъ въ подобныхъ изысканіяхъ малѣйшіе признаки правдоподобія могутъ быть уважительны, по малой мѣрѣ приближеніемъ своимъ ко свѣту истины: то уповаю, что благосклонный читатель не поставитъ себѣ скукою включаемое здѣсь краткое предложеніе нѣкоторыхъ корней и отраслей словъ, къ тому слѣдственныхъ. Ничто такъ не вразумляетъ насъ во взаимныхъ нашихъ объясненіяхъ, какъ единообщее понятіе о вещахъ объясняемыхъ.

Въ церковныхъ нашихъ древняго языка книгахъ часто находимъ слова: *доблій*, *доблъственный*, *доблѣ*, *доблъственно*, *доблесть*; находимъ ихъ точ-

но въ томъ смыслѣ, какъ бы сказать: *постоянный*, *постоянно*, *постоянность*; и такъ, кажется, находимъ въ доблести точное опредѣленіе смысла, присоединяемаго къ добродѣтели постоянной, мужественной и неизмѣнной. Любители же словопроизведеній, перемѣняя нѣкоторыя окончательныя буквы *доблести*, согласно съ употребительнѣйшими Россійскаго языка склоненіями, даютъ намъ слово *добность*, доселѣ само собою неупотребительное, но производящее отъ себя многія, сообразныя съ *доблестью* или *добностью*, употребительныя отрасли, каковы суть: *подобность*, *подобіе*, *преподобіе*, *подобный*, *преподобный*, *удобность*, *удобный*, *надобность*, *надоба*, *надобный*, *снадобье*, и проч. Всѣ сіи реченія, по ихъ общеподобію, заключаютъ въ себѣ ощутительно полный или частный смыслъ кореннаго слова *доблести*, *добности* или *добы*, въ языкѣ нашемъ недостающаго и неупотребляемаго, можетъ быть, потому только, что оно временами вышло изъ употребленія. Нѣкоторые же словопроизводители, пріемля *добность* и *добу* въ основаніе, отъ того и *добро* и *доброту* производятъ.

Кажется, что словопородныя семейства, отторженныя и странствующія, могутъ возвращаться въ нѣдра отечественныя. Почтенная моя собратія, конечно, неотринетъ надобныя, хотя бы впрочемъ семейственный союзъ ихъ подверженъ былъ сомнѣнію.

Россійской *Словесности* любители, при достодолжномъ почитаніи отечественнаго языка, не исключаютъ изъ него и чужеземныхъ словъ, нуждою или обычаемъ воспріятыхъ; и нѣкоторые въ пользу человѣчества желаютъ, чтобы таковые единообщіе въ языкахъ посредники, болѣе и болѣе размножились. Пріобщимъ здѣсь ихъ мнѣнія:

Православная церковь наша и науки, говорятъ они, приняли число словъ Греческихъ; судопроизводство, искусники художествъ и ремеслъ, заняли число Латинскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ и прочихъ. Правда, что многіе изъ нихъ переводятся съ равною въ переводѣ ясностію; но иные, при всѣхъ вышеподобныхъ изображеніяхъ, являются неудобовразумительны на такихъ языкахъ, въ какихъ чужеземныхъ словъ предметы дотолѣ не существовали, или были невѣдомы, и слѣд-

ственно не могли имѣть названія. При образованіи Словарей, вопервыхъ желать должно, чтобы употребляемыя слова, свои или чужеземныя, приведены были во всевозможную ясность. Люди словеснымъ даромъ своимъ особо тогда пользуются, когда въ изъясненіяхъ не затрудняются.

Конецъ.

ПИСЬМО КЪ N.

ПИСЬМО КЪ N.

Вы желаете, чтобъ я вступилъ въ скользкую дорогу Сочинителя. Я болѣнъ, и чувствую, что при разстройкѣ тѣла напряженіе разума не далеко простирается. Знаю, что Публика, по принадлежащему ей праву, будетъ судить о личномъ моемъ достоинствѣ, по мѣрѣ худаго или добраго успѣха моего сочиненія; знаю, что не благоразумно предавать себя добровольно подъ осужденіе многихъ: я все то забываю; ловлю минуты, когда только могу мыслить спокойнѣе, и утѣшаюсь тѣмъ, что естьли не буду щастливъ успѣхомъ, то, по малой мѣрѣ, не навлеку себѣ предосужденія исполненіемъ вашей воли. Вотъ сказка, которая всѣхъ скорѣе вмѣстилась въ больной головѣ моей:

СИМВОЛЪ МУДРОСТИ.

Извѣстно всѣмъ, что боги и богини имѣютъ особые знаки или символы, ихъ отличающіе. Юнона выбрала себѣ павлина, Венера голубей; но можно ли себѣ представить, чтобъ Минерва по вкусу предпочла сову другимъ прекраснымъ птицамъ? Конечно нѣтъ. А вотъ истинное произшествіе, каково описано въ самыхъ старинныхъ Лѣтописяхъ: Минервѣ приличенъ былъ знакъ неусыпности, проповѣданія, бодрости, красоты и величавости. Не было ошибки въ выборѣ: назначенъ былъ пѣтухъ въ ея свиту въ то же время, какъ данъ павлинъ въ свиту Юноны. Не знаю, былъ ли то простой пѣтухъ, каковы у насъ водятся, или выписанъ былъ из-за моря, но вскорѣ Минервинъ пѣтухъ произвелъ шумъ въ народѣ. Многіе издалека приходили видѣть его перья, осанку и выступку, и не давали ему прохода; иные находили, что онъ пѣлъ громче и пріятнѣе всѣхъ пѣтуховъ на свѣтѣ, и безпрестанно просили, чтобъ онъ показалъ свой голосъ, не размышляя о пѣтуховой груди, которая могла разпухнуть; дру-

гіе, видно, для завода подобныхъ пѣтуховъ, чаяли, что ему въ бесѣду надобно было по спу курицъ, не вопрося его о склонностяхъ; иные хотѣли выщипать изъ хвоста его сизыя перья, чтобъ сдѣлать изъ нихъ украшеніе головамъ мужскимъ, или женскимъ. Великая толпа другихъ пѣтуховъ почли себѣ за крайнюю обиду, невинную славу пѣтуха Минервина, и подавали разныя мнѣнія, какимъ образомъ увѣрить курицъ, что онъ величается непристойнымъ образомъ и ихъ обманываетъ. Нашлись и такіе, которые находили тѣло его весьма тучнымъ и вкуснымъ, естьли его сварить въ супѣ или въ соусѣ. Богиня Мудрости! возопилъ пѣтухъ, я не просился въ свиту небесную; не выставливалъ себя напоказъ предъ народомъ; не заглушалъ моимъ голосомъ пѣтуховъ и самъ ихъ слушаю, не прельщалъ курицъ и не унижалъ достоинствъ моихъ братіевъ. Перья мои дала мнѣ Натура, и думаю, что онѣ мнѣ принадлежатъ справедливѣе, нежели тѣмъ, кои хотятъ взять ихъ у меня силою. Богиня! лучше желаю быть при тебѣ совою, нежели пѣтухомъ, свареннымъ въ супѣ или въ соусѣ. Знаю, что сова всегда молчитъ, и

отнюдь не имѣетъ знаменитости, но я желаю жить въ покоѣ.

Таково было мое намѣреніе, сказала ему Минерва, чтобъ дать тебѣ вначалѣ славу, чрезъ которую бы ты узналъ опытомъ, что умѣренность и молчаніе суть надежнѣйшіе путеводители къ щастію. Пѣтухъ превращенъ былъ въ сову, и съ той поры сова содѣлалась символомъ Мудрости.

К о н е ц ъ.

ПИСЬМО

КЪ ГОСПОЖѢ ***

О ВЕЛИКОДУШНЫХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

ПИСЬМО
КЪ ГОСПОЖѢ ***
О ВЕЛИКОДУШНЫХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

Предпріявъ писать къ вамъ о великодушныхъ чувствованіяхъ, я могъ бы исполнить мое намѣреніе всего скорѣе оптканіемъ многихъ истинныхъ дѣлъ, въ которыхъ бы вы себя узнали; но правила того же великодушнаго чувствованія, которымъ вы отличаетесь, налагаютъ на меня скромность, приличную моему въ обществѣ положенію.

Великодушныя чувствованія питаются общественными одобреніями и примѣрами. Сей истинѣ, думаю, никто прекословить не будетъ и не опорочитъ моего намѣренія, которое ни до чьего лица не касается, а имѣетъ цѣлію одно только изображеніе добродѣтели, по всюду между людьми обыкновенной.

Въ самый день расположенія моего писать къ вамъ, я читалъ одну изъ Французскихъ Комедій, извѣстныхъ подъ названіемъ *Театра въ пользу юношества*. Не будучи же зараженъ пристрастіемъ со-

чинителя, охотно признаюсь, что, при изображеніи великодушныхъ чувствованій, можетъ быть, удовольствовался бы я менѣе собственнымъ моимъ сочиненіемъ, нежели тѣмъ, что въ чтеніи мнѣ встрѣтилось.

Альманзоръ, воспитатель Ватека, сынъ Калифа Мотассема, разговариваетъ съ Жіаферомъ, своимъ другомъ, который старается предостеречь Альманзора отъ коварствъ его непріятелей. Нѣтъ здѣсь нужды до содержанія всей Комедіи: я переведу только разговоръ, въ которомъ Альманзоровы разсужденія, основанныя на истинномъ великодушіи, чаятельно, вамъ особливо понравятся.

ЖІАФЕРЪ.

Удивляюсь твоему спокойствію, тогда, какъ ты долженъ опасаться ненависти твоего соперника.

АЛЬМАНЗОРЪ.

Но знаешь ли, для чего онъ меня ненавидитъ? Безъ сомнѣнія по тому, что меня не знаетъ. Онъ судитъ обо мнѣ, какъ человѣкъ, въ свѣтѣ искусившійся, и чаятельно, находитъ во мнѣ необузданное честолюбіе, прикрытое притворнымъ видомъ добродѣтели. Могу ли я строго осуж-

дать его ненависть, которая основана на его предубѣжденіи, и могла бы быть справедлива, естьлибъ я подлинно былъ таковъ, какимъ онъ меня разумѣетъ.

ЖІАФЕРЪ.

И ты думаешь, что когда бы онъ зналъ тебя лучше, то отдалъ бы тебѣ справедливость?

АЛЬМАНЗОРЪ.

Конечно; потому, что онъ пересталъ бы меня опасаться.

ЖІАФЕРЪ.

Съ сожалѣніемъ предвижу, что ты будешь когда нибудь жертвою твоего безпечнаго чистосердечія и ухищренія твоихъ непріятелей.

АЛЬМАНЗОРЪ.

Ухищреніе непріятелей не есть ли иногда одно только бранное слово? Люди сами собою не свойственны къ безпокойствамъ ухищренія.

ЖІАФЕРЪ.

Я могу тебѣ доказать, что ты имѣешь непріятелей болѣе злыхъ, нежели чаешь.

АЛЬМАНЗОРЪ.

Люди часто, но не всегда бываютъ злобны; и не имѣютъ ли они множества

причинъ, ихъ извиняющихъ? Иногда коловратность при дворѣ щастія едва позволяетъ размышлять свободно; а ты знаешь, что въ насъ правила и добродѣтели утверждаются спокойствомъ и свободою. Представь себѣ, коликимъ разнымъ невольнымъ обязанностямъ подверженъ иногда человѣкъ, на высокой степени поставленный. Прислужники его требуютъ безпрестанно, чтобъ, естьли можно, всѣ ихъ желанія были удовольствованы; требованія же прислуживающихъ дѣлаются нѣкоторыми правами, во взаимность ихъ къ нему привязанности, услугъ и усердія. Представь себѣ притомъ вокругъ его толпу людей, отъ которыхъ онъ рѣдко слышитъ правду въ произшествіяхъ, и чистосердечіе въ совѣтахъ, или разсужденіяхъ. Почти всякъ ищетъ усугубить въ немъ какую нибудь личную досаду; и чувства его, хотя бы охотнѣе наклонялись къ общему или частному благу, безпрестанно коварствомъ насилуются. Напослѣдокъ онъ противу склонности чуждается всякой дружбы, боясь, чтобъ подъ видомъ оной не было сокрыто какое-либо уловленіе. При всѣхъ таковыхъ поводахъ къ безпечности и злотворенію, злые нравы принадлежатъ къ неволѣ, а не къ природѣ

вашей. Я видалъ много неправосудія и неразсмотрѣнія, но всегда находилъ ихъ происходящими отъ заблужденій и слабостей человѣческихъ; между тѣмъ я былъ свидѣтель многихъ при дворѣ честныхъ дѣлъ и великодушныхъ поступокъ.

ЖІАФЕРЪ.

Знаю, что при дворѣ часто являются дѣйствія душъ великихъ; но всѣхъ ли и всегда ли находишь ты великодушными?

АЛЬМАНЗОРЪ.

Не льзя требовать, чтобы всѣ люди были Философы. Во всякомъ мѣстѣ человѣкъ, не имѣвшій нѣкотораго воспитанія и нѣкоторыхъ въ жизни опытовъ, наиболѣе же, когда свобода его разными образами порабощается, всегда будетъ малодушенъ и непостояненъ. Думаешь ли ты, что естьлибъ ты и я не имѣли особо щастливаго воспитанія, особо щастливыхъ случаевъ къ познанію сердца человѣческаго, и напослѣдокъ, естьлибъ не имѣли нѣкотораго независимаго состоянія, думаешь ли ты, Жіаферъ, чтобы мы могли тогда различно отъ другихъ мыслить и дѣлать? Конечно нѣтъ. И такъ не станемъ строго осуждать тѣхъ, кои изъ самой юности завлечены и принуждены соглашать свои

поступки съ окружностію. Я часто удивляюсь, что нахожу въ иныхъ людяхъ добродѣтели, каковыхъ, по состоянію сихъ людей, отъ нихъ ожидать почти не можно. Потому легко вѣрю, что, при всѣхъ въ свѣтѣ худыхъ примѣрахъ, есть души, которыя сами собою возвышаются. Будь увѣренъ, что человѣкъ по природѣ наклоненъ къ благу, а не ко вреду ближняго.

Конецъ.

ТАБЛИЦА
ДЛЯ
ДѢТЕЙ,

СЛУЖАЩАЯ КЪ ПОЗНАНІЮ ГЛАВНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ, ИХЪ НЕПРАВИЛЬНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩИХЪ ИМЪ ПОРОКОВЪ И НУЖНЫХЪ ПРАВИЛЪ КЪ СОХРАНЕНІЮ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

ТАБЛИЦА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЛУЖАЩАЯ КЪ ПОЗНАНІЮ ГЛАВНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ, ИХЪ НЕПРАВИЛЬНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩИХЪ ИМЪ ПОРОКОВЪ И НУЖНЫХЪ ПРАВИЛЪ КЪ СОХРАНЕНІЮ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

I.

БЛАГОВѢРІЕ.

Благовѣріе производитъ наилучшее нравовъ согласіе. Имъ утверждается общее благосостояніе и спокойствіе; благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приближиться, и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми наиболѣе отличаемся.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Легковѣріе или неразсудная вѣра часто принимаетъ на себя видъ святости. Внѣшности суевѣрія и легковѣрія часто ослѣпляютъ умъ людей невѣдущихъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ она притворству подобится, хотя раздѣляется съ нимъ, потому что притворство есть вольнотворимое; суевѣріе же и легковѣріе слѣпо покоряютъ волю и суть невольно-творимыя. Суевѣріе и легковѣріе исправляются; притворство же приближается къ наказанію и обыкновенно производитъ отъ себя отвращеніе. Притворство благовѣрія получило себѣ особое названіе, то есть: ханжество и святошатство; подверженные же сему пороку потому слывутъ ханжи и святошатцы.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ БЛАГОВѢРІЮ.

Невѣріе есть нещастное заблужденіе, и во многихъ производитъ опасное свойство разума. Священное Писаніе называетъ таковыхъ нечестивыми: ибо люди, всякую вѣру отметающіе, часто бываютъ наклонны не признавать ни Бога, ни Закона, ни благотворенія; слѣдственно уничтожаютъ вышнія степени чести разумнаго созданія. Благочестіе или нечестіе, такъ какъ люди благочестивые или нечестивые, произходятъ отъ благовѣрія или невѣрія.

ПРАВИЛО.

Благовѣріе соединяетъ съ собою совершенную чистоту совѣсти, не попускающую не только къ дѣяніямъ, но ниже къ словамъ и помышленіямъ богопротивнымъ. Добродѣтель сія совокупляетъ Божество съ человѣчествомъ толь близкимъ и толь утѣшительнымъ для насъ образомъ, что отдаленіе отъ оной никакими другими пріобрѣтеніями благъ не замѣняется.

II.

ПОВИНОВЕНІЕ.

Общественное благосостояніе имѣетъ нужду въ общественныхъ законахъ, и сіи требуютъ общественнаго повиновенія; но повиновеніе безъ добродѣтельнаго подвига скоро измѣняется, или прекращается; слѣдственно доброе повиновеніе состоитъ не въ томъ только, когда непокорность страхомъ нудится, или когда безсиліе и робость уступаютъ могуществу. Таковыя дѣйствія суть простыя слѣдствія естественнаго закона, которому всякое движущееся твореніе подвержено. Онѣ не называются добродѣтелями: ибо воля разума человѣческаго въ нихъ не содѣйствуетъ. Достоинство повиновенія возвышается по мѣрѣ познаній и чувствій, съ каковыми кто повинуется: сія-то мѣра производитъ въ однихъ охотность, усердіе, ревнительность, рвеніе; въ другихъ холоднокровное послушаніе, или простую необходимую движимость; одни наслаждаются чувствіями самыхъ своихъ трудоношеній, представляя себѣ общую отъ того пользу,

отъ которой они справедливо получатъ свою собственную; другіе малѣйшія затрудненія встрѣчаютъ съ нетерпѣніемъ, отвращаются отъ нихъ съ чувствіемъ неволи, и ропщутъ на отягощеніе прежде испытанія тягости; одни показываютъ добродѣяніе, которое само собою дѣйствуетъ; другіе, какъ махины, дѣйствуются посторонними пружинами и имъ только отвѣтствуютъ; одни заслуживаютъ похвалы, почести и награжденія; другіе остаются во всегдашней махинальной движимости подчинены пружинамъ. Всѣ обязанности, къ общественному и частному спокойствію нужныя, основаны на добромъ повиновеніи, и болѣе или менѣе всѣ люди закономъ и одни другимъ повинуются.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Повинующіеся безъ приличности, или безъ должности легко дѣлаются самоизвольными рабами, хотя ни Богъ, ни вышняя земная власть того отъ нихъ не требуютъ. Повиновеніе, принадлежащее Богу, можетъ превратиться отъ малодушія въ поклоненіе твари, и содѣлать человѣка самымъ несмысленнымъ созданіемъ. Принадлежащее отъ подданныхъ своему Государю превращается въ измѣну или въ низкое наемничество; естьли кто честь, жизнь, или свободу, порабощаетъ недостойнымъ образомъ. Принадлежащее отъ дѣтей родителямъ превращается въ неприличный и неблагодарный поступокъ; естьли дѣти, унижая родительское къ нимъ благоволеніе, ищутъ постороннихъ доброжеланій и наставленій, менѣе строгихъ и болѣе согласныхъ съ ихъ прихотями или заблужденіями. Принадлежащее отъ питомцевъ наставникамъ превращается въ вѣтреное легкомысліе; естьли питомцы неосторожно всѣхъ своими дядьками почитать будутъ. Принадлежащее отъ

подчиненныхъ начальникамъ, превращается въ низкое прислужничество, естьли кто свою свободу подчиняетъ другому неразсудительно. Принадлежащее отъ согражданина общественнымъ правиламъ и обычаямъ превращается въ тяжкое и смѣхотворное бремя; естьли кто безъ разбора всякимъ правиламъ и всякимъ обычаямъ послѣдуетъ. Малодушіе, въ какомъ бы то возрастѣ ни было, вводитъ всегда въ дѣтское состояніе.

~~~~~~~
~~~~~~~

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОВИНОВЕНІЮ.

Своенравіе, своевольство, ослушаніе, необузданность необходимо содѣлываются нещастными: ибо всѣ Божескіе и гражданскіе законы устремлены къ строгому исправленію или наказанію сихъ пороковъ. Естьли же иногда они и могутъ избѣгать отъ наказанія, то сами собою причиняютъ себѣ всегдашнее неудовольствіе и огорченіе: поколику подверженные таковымъ порокамъ ни съ другими, ни съ собою согласны быть не могутъ, и въ самыхъ своихъ возможныхъ предуспѣяніяхъ бываютъ чужды щастія и спокойствія общественнаго.

ПРАВИЛО.

Государи, родители, воспитатели, начальники, общественныя узаконенія, или обычаи требуютъ отъ насъ непремѣннаго повиновенія во всѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣемъ ничего представить вопреки ихъ предписаніямъ. И какъ главнодѣйствующія причины всегда бываютъ болѣе свѣдомы старшимъ и вышнимъ; такъ повиновеніе, естественно соединенное съ довѣренностію, приличествуетъ болѣе младшимъ и подчиненнымъ. Довѣренность сія, производящая взаимное всѣхъ повиновеніе, приноситъ имъ болѣе чести и пользы, нежели многія тщетныя знанія.

III.

ЛЮБОВЬ.

Любовь, въ прямомъ ея разумѣніи, есть та добродѣтель, къ которой сама Природа убѣдительнымъ образомъ насъ призываетъ, и которую Спаситель достойно нарекъ главною Христіянскою добродѣтелію. Въ общежитіи любовь имѣетъ столько разнообразныхъ дѣйствій и столь разныхъ именованій, сколько могутъ быть различны, въ разныхъ отношеніяхъ, чувствія человѣка благовоспитаннаго. Наиболѣе отличается она въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: относительно къ Богу, она есть высочайшая степень благодарности и благоговѣнія; относительно къ родителямъ, она есть крайняя степень почтательнаго уваженія; относительно къ благотворителямъ, она есть чувствованіе справедливой обязанности, показующей несомнѣнную меру взаимныхъ нашихъ добротвореній; относительно къ союзу между двумя полами, она есть высочайшая степень взаимной приверженности; относительно къ дѣтямъ, она есть ближайшая и на-

дежнѣйшая мета всегдашнихъ въ жизни попеченій и устроеній; относительно къ Государю и Отечеству, она есть охотное собственностей жертвованіе, естьли долгъ службы того востребуетъ; относительно къ человѣчеству, она есть доброхотство и добротвореніе всюду, гдѣ только можемъ мы ко благу способствовать.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Любовь безразсудная можетъ вовлечь насъ во всѣ пороки, такъ какъ любовь благоразсудная удобна произвести въ насъ всѣ добродѣтели. Неумѣренное или несправедливое къ какимъ-либо вещамъ пристрастіе, съ небреженіемъ всего прочаго, неминуемо вводитъ насъ въ развратное состояніе, и сопровождается бѣдственными слѣдствіями, хотя оно въ началѣ своемъ представляетъ только слѣпоту разума, или неумѣренность. Любовь недостойная есть всегдашняя соперница любви добродѣтельной. Сюда принадлежитъ излишняя бережливость и нѣга тѣхъ, которыхъ мы особо любить обыкли, и которые иногда содѣлываются невинною жертвою нашей неразсудности.

ПОРОКЪ, ЛЮБВИ ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ.

Нечувствительность всегда оказываетъ оскорбительное человѣчеству равнодушіе, и часто угрюмую ненависть ко всему, что не полезно для собственности. Сей порокъ происходитъ не столько отъ недостатка природныхъ способностей, какъ отъ недостатка добраго вниманія и навыка. Нечувствительный человѣкъ часто себя мнимымъ покоемъ обманываетъ. Онъ покоится только подъ зыблющимся покровомъ одного своего самолюбія, и оставляется почти всегда безъ вспоможенія, когда помощь другихъ нужна будетъ къ его благосостоянію: ибо люди, по правосудію, не воспримутъ труда въ пользу того, кто самъ для другихъ не утруждается. Въ общежитіи скорѣе терпится человѣкъ съ другими пороками, когда только удобенъ чувствовать привязанность къ какому-либо предмету любви достойному: ибо чрезъ то самое можетъ исправиться; но человѣкъ нечувствительный разумѣется такъ, какъ бы иноплеменникъ, къ человѣчеству себя не причитающій.

ПРАВИЛО.

Любовь есть та добродѣтель, въ которой особо заключается законъ Спасителевъ. Онъ, сообразно съ человѣческою природою, убѣдително насъ наставляетъ въ ближнемъ нашемъ видѣть себя собственно: ибо одна только всеобщая взаимность любви къ ближнему, родъ человѣческій можетъ обезопасить, успокоить и ощастливить. Благоразсудность долженствуетъ быть всегдашнею любви предводительницею.

IV.

БЛАГОРАЗУМІЕ.

Благоразуміе не блистаетъ, или мало блистаетъ въ обществахъ: поколику имѣетъ предметомъ болѣе прочную пользу человѣческаго состоянія, но во всѣхъ важныхъ случаяхъ предпочитается остроумію, хотя сіе послѣднее, къ сожалѣнію, имѣетъ болѣе послѣдователей. Благоразуміе довольствуется умѣреннымъ, но за то постояннымъ щастіемъ. Благоразуміе достигаетъ до источника благополучія и тѣмъ спокойно наслаждается тогда, какъ легкомысленность слѣпо довольствуется временнымъ обольщеніемъ и послѣ осматривается съ раскаяніемъ. Благоразуміе внимаетъ, ищетъ, разсматриваетъ и останавливается на крайней точкѣ изслѣдованія тогда, какъ легкомысленность бѣгаетъ за наружностію, ловитъ мечту и удручается подъ неудобоносимымъ бременемъ своего заблужденія. Благоразумный человѣкъ, отдая достодолжно Богу Божіе и Государю Государево, умѣривается всегда между двумя крайними границами, свято повинуется

закону безЪ суемудрія, ревностно отправляетЪ свое служеніе безЪ строптивости, признателенЪ кЪ благодѣянію безЪ раболѣпства, благодѣтельствуетЪ безЪ надменности, честь и права свои сохраняетЪ безЪ наглости, постояненЪ и твердЪ безЪ горделивости, кротокЪ безЪ униженія, вѣренЪ безЪ притворства, мужественЪ безЪ звѣронравія, сострадателенЪ безЪ злопопущенія, строгЪ безЪ жестокости, любитЪ безЪ ослѣпленія, отвращается безЪ ненависти, награждаетЪ безЪ расточенія, исправляетЪ безЪ оскорбленія, наказываетЪ безЪ мщенія и судитЪ о вещахЪ безЪ предубѣжденія.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Благоразуміе само собою хотя не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ употребленіи сей добродѣтели; но въ жизни случаются времена, въ которыя употребленіе глубокаго благоразумія можетъ содѣлать благоразумнаго человѣка смѣхотворнымъ и тягостнымъ; и тогда умѣреніе сей добродѣтели бываетъ съ нею согласнѣе.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Легкомысліе извиняется въ нѣкоторомъ возрастѣ, прощается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но само собою всегда отягощаетъ и унижаетъ человѣка, сему пороку подверженнаго. Легкомысліе было бы непримиримымъ соперникомъ благоразумія, естьли бы сіе послѣднее, благоусмотрѣніемъ своимъ, естественно надъ нимъ не торжествовало. Всегда видимъ, что легкомысленные люди восходятъ только до нѣкоторой степени разстроекъ и безпорядковъ, ихъ запутывающихъ; для выхода же изъ лабиринта легкомыслія, обыкновенно прибѣгаютъ къ благоразумію.

ПРАВИЛО.

Благоразуміе долженствуетъ разпоряжать всѣми нашими физическими и моральными дѣйствіями; безъ сей добродѣтели мы часто себя обманываемъ или бываемъ другими обмануты. Благоразуміе требуетъ не подавать никому повода къ дѣламъ несправедливымъ и безсовѣстнымъ; ибо полезнѣе и легче уклониться отъ предлежащаго зла, нежели исправлять его впослѣди со многими неудовольствіями.

V.

ПРАВОСУДІЕ.

Правосудіе, поколику зависитъ отъ совокупленія многихъ знаній, способностей, возможностей и исполненій, долженствовало во всѣ времена затруднять многія рѣшенія. Нѣкоторыя, отдѣляясь мысленно отъ всего частнаго и личнаго, изобразили правосудіе въ видѣ женщины, съ завязанными глазами и съ вѣсами, означающими равновѣсіе. Но какъ правосудіе вмѣщаетъ въ себѣ не одно только вещей соразмѣреніе, а также ихъ различіе; то многимъ неудобопонятно кажется, для чего бы правосудіе долженствовало быть слѣпое, и для чего бы вѣсы свои содержало всегда въ равновѣсіи. Простое о немъ понятіе можетъ быть справедливѣе, нежели какое ни есть остроумное, но не всегда точное изображеніе. Правосудіе состоитъ не столько въ обрядахъ мѣстъ судящихъ и въ краснорѣчіи пространныхъ законописаній, какъ въ добромъ разумѣніи, доброй совѣсти и добрыхъ намѣреніяхъ. Названіе судіи даетъ только титло, мѣсто и

право; но къ исполненію правосудія, судія долженъ вникать въ намѣреніе и силу законовъ. Правота долженствуетъ имѣть единообразность, а къ суду принадлежитъ вещей различіе. Сіи два дѣйствія естественно производятъ правосудіе, въ составъ котораго судъ съ правотою и правота съ судомъ требуются.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ

Правосудіе, такъ какъ благовѣріе и благоразуміе, по существу своего названія, не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ его употребленіи, но подъ именемъ правосудія, безпорядная воля человѣческая можетъ впадать въ крайнія заблужденія. Правосудіе естественно обращается только къ тремъ предметамъ: къ разпоряженію, исправленію и наказанію. Приличность и мѣра сихъ трехъ дѣйствій суть самыя трудныя вещи въ правосудіи. Употребленіе безъ нужды и пользы, или умѣренность оныхъ, часто далеко отходятъ отъ правосудныхъ дѣйствій; часто сужденію подвергается невинная слабость человѣческая, которая къ произведенію добра требуетъ одного только подкрѣпленія. Женскій полъ во многихъ вѣкахъ и правленіяхъ, по предубѣжденію и особому сего пола воспитанію, не осмѣливался не только мѣшаться въ дѣла мужественныя, но даже отчуждалъ себя отъ многихъ размышленій, какъ будто отъ неприличныхъ нѣжному полу. Невѣденіе названо было

нѣжностію такъ, какъ несправедливый обычай названъ правосудіемъ. Въ другія времена видимъ однако, что женщины, равно какъ и мужчины, сохраняя общую благовоспитанія нѣжность и приличность, не удручаются мужественными, разсужденіями и дѣйствіями, какъ скоро, вмѣсто отчужденія ихъ или осмѣянія, подкрѣпляются онѣ общественнымъ взаимнымъ уваженіемъ. Сего примѣра довольно къ изображенію неправильно-употребляемыхъ дѣйствій, подъ словомъ правосудія.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПРАВОСУДІЮ.

Неправосудіе есть толь свойственно невѣденіямъ и пристрастіямъ человѣческимъ, что добродѣтели не нашли бы себѣ пристанища, естьли бы приведены были искать покровительства у всѣхъ встрѣчающихся судителей. Люди ничѣмъ не возносятся столько, какъ о вещахъ разсужденіемъ; каждый судитъ и каждый, по мѣрѣ своей способности, даетъ разсужденію своему видъ правоты, опирался на правосудіе. Отъ сего происходитъ, что люди толь часто на неправосудіе жалуются. Кто хочетъ избѣгать отъ многихъ неправосудныхъ мнѣній, тотъ долженъ, собственнымъ бытія своего благоразумнымъ разпоряженіемъ, часто предупреждать постороннее въ томъ вспоможеніе. Чѣмъ обыкновеннѣе порокъ въ человѣческомъ обществѣ, тѣмъ болѣе присоединяетъ къ себѣ притворствъ и хитростей. Внѣшній видъ неправосудія самую [illegible] иногда обманываетъ. Сей порокъ послѣдственно долженствовалъ произвести нѣкоторую науку обоюдной ябе-

ды, чрезъ которую временно невинность угнетается; а клевета, хищность и всѣ гнусныя злодѣянія, не только оправдываются, но и награждаются. Потому, можетъ быть, иные представляютъ себѣ, что выгоднѣе творить неправосудіе, нежели претерпѣвать оное, и что свѣтъ ему во всегдашнюю жертву оставляется. Но мы видимъ въ исторіи вѣковъ и народовъ, что выгоды неправосудія имѣютъ самую зыблемую временность и всегда подвержены бѣдственному уничтоженію; видимъ, что творители неправосудія, творя нещастныхъ, ввергаются въ равное съ ними и, можетъ быть, въ горшее состояніе: ибо невинно-претерпѣвающіе страждутъ въ настоящемъ времени съ справедливою надеждою на будущее; обидящіе же впослѣдя претерпѣвать осуждаются, и всегда тревожатся страхомъ своей послѣдующей участи. Въ необходимости люди хотя сносятъ неправосудіе, но никогда постоянно къ тому не привыкаютъ. Рано или поздно правосудіе уравниваетъ трудоношеніе человѣчества.

ПРАВИЛО.

Правосудіе требуетЪ внимательнаго разсмотрѣнія: добрая совѣсть долженствуетЪ всегда быть его сопутницею, благоразуміе же подпорою. Благоразуміе и совѣсть, для добраго сохраненія правосудія, наставляютЪ не подавать поводовЪ кЪ неправосудію. Общіе обряды судовЪ хотя уставлены кЪ обузданію людей безчестныхЪ, но часто служатЪ имЪ надежнымЪ прибѣжищемЪ; совѣсть же честнаго человѣка, естьли не всегда единственныхЪ судомЪ, то по малой мѣрѣ всегда первымЪ быть долженствуетЪ. Доброе законовѣденіе есть дѣло не одного только разума, но дѣло также доброй совѣсти, и особенно принадлежитЪ благовоспитанію.

VI.

ТВЕРДОСТЬ.

Твердость добрыхъ правилъ, добрыхъ намѣреній, добрыхъ мнѣній и добрыхъ дѣйствій, есть та добродѣтель, которая въ жизни человѣческой наиболѣе подвержена искушеніямъ, поползновеніямъ, препятствіямъ и сопротивленіямъ. Любовь къ сохраненію себя и своей пользы, окружающіе примѣры и многія другія обстоятельства, естественно во всѣхъ людяхъ сію добродѣтель умѣриваютъ; однако, при всѣхъ возможныхъ ей сопротивленіяхъ, она всегда возвращаетъ человѣка на степень болѣе или менѣе постоянную, по мѣрѣ какъ онъ болѣе, или менѣе способенъ преодолѣвать встрѣчающіяся ему препятствія. Полезность и необходимость сей добродѣтели въ общежитіи почитается толь священною, что, при важныхъ между людьми условіяхъ, подкрѣпляется она торжественными свѣтскими и духовными обрядами, дабы слабость человѣческаго созданія могла находить себѣ подпору въ силѣ законовъ и въ самомъ благовѣріи; ибо люди не такъ легко перемѣняются,

тогда какъ добрая ихъ воля обращается навсегда въ постоянную обязанность. Сія обязанность естественно долженствовала присовокупить къ себѣ въ помощь обѣщанія, свидѣтельства, ручательства и клятвы, каковыя только могутъ быть удобны съ одной стороны къ обузданію человѣческой премѣнчивости, съ другой къ предваренію постороннихъ искушеній, кои, безъ таковой предосторожности, всегда непреодолимо стекались бы къ развращенію добродѣтели. Но основанныя на однѣхъ внѣшнихъ обязательствахъ обѣщанія, безъ постояннаго человѣческой воли къ тому расположенія, сами собою не составляютъ добродѣтель, которая беретъ и преодолѣваетъ препятствія. Безъ таковаго расположенія непостоянный человѣкъ, хотя бы обязывалъ себя всѣми священными узами, всегда изыщетъ извинительныя и оправдательныя причины къ сотрясенію узъ, отягчающихъ его своенравіе; твердый человѣкъ входитъ въ таковыя узы съ разсмотрѣніемъ и доброю волею, и единожды обнадеживъ людей исполненіемъ, впослѣди не премѣняется. Сія-то добродѣтель производитъ вѣрность обязанностей, вѣрность дружества, сохраненіе порядка, повиновенія, собственностей и

всего, чему слабость и развратность человеческая наиболѣе сопротивляется. Она-то составляетъ высоту духа, и сіе геройство, которое производитъ дѣла великія, которое жертвуетъ своимъ покоемъ, щастіемъ и иногда жизнію, дабы постоянная добродѣтель, послѣ самой смерти своего поборника, могла торжествовать надъ сопротивляющеюся ей развратностію.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Нѣтъ ничего нещастнѣе, какъ соединеніе твердости въ человѣкѣ съ какимъ-либо вреднымъ разположеніемъ. Она тогда превращается въ бѣдственное упрямство. Порокъ, и даже преступленіе, можетъ исправиться, естьли человѣкъ удобенъ ошибку свою возчувствовать; упрямство же не пользуется способами исправленія. Упрямые люди, навлекая на себя наказанія, часто содѣлываютъ другихъ по неволѣ къ себѣ жестокими, и сами себя лишаютъ сообщественнаго благосостоянія. Упрямство влечетъ за собою долгую цѣпь ошибокъ; и когда таковая цѣпь увеличится неудобоносимымъ образомъ, то человѣкъ естественно подъ нею удручается и падаетъ.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ТВЕРДОСТИ.

Непостоянство справедливо уподобляется вѣтру, и потому называется чаще вѣтренностію. Въ нѣкоторомъ только возрастѣ и въ нѣкоторыхъ маловажныхъ случаяхъ не подвергается оно строгому примѣчанію: кто, вошедъ въ возрастъ познанія, не исполняетъ постоянно главныхъ своихъ обязанностей, тотъ навлекаетъ на себя основательное подозрѣніе, что онъ въ союзахъ общества вѣренъ быть не можетъ. Порокъ сей еще болѣе, нежели упрямство, отвращаетъ отъ себя благосклонность человѣческую: ибо упрямство хотя досаждаетъ, но не обманываетъ; вѣтреность же не только ввергается въ крайнія затрудненія, но и другихъ вводитъ въ оныя, естьли кто неосторожно вѣтреному человѣку ввѣрится. Непостоянные люди, хотя бы не были совершенно порокамъ подвержены, показываются иногда, при нещастныхъ перемѣнахъ вѣтроподобной ихъ движимости, самыми порочными чудовищами.

ПРАВИЛО.

Твердость долженствуетъ быть всегдашнимъ послѣдствіемъ добрыхъ намѣреній и добрыхъ разположеній человѣческихъ. Добродѣтель сія, въ потребномъ случаѣ, жертвованіями многихъ способностей испытуется. Таковыя жертвованія суть благонадежнѣйшіе поручители взаимной другихъ людей твердости.

VII.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ.

Воздержность наиболѣе относится къ умѣренію природныхъ склонностей, каковыя себѣ или другому вредны быть могутъ. Физическій и моральный образъ бытія нашего, хотя безпрекословно себѣ нѣкотораго удовлетворенія требуетъ; но сіе удовлетвореніе, естьли не будетъ управляемо воздержностію, легко превращается въ сущее зло, по мѣрѣ своего злоупотребленія. Нужное собраніе воды движетъ полезнымъ образомъ всѣ мѣльничныя орудія; но чрезмѣрное наводненіе потопляетъ и разрушаетъ мѣльницу: таковъ есть составъ бытія нашего. Самое добро, въ которомъ нѣтъ мѣры, ни приличія, намъ вредъ приноситъ, и самое зло, въ нѣкоторой мѣрѣ употребленное, производитъ пользу. Природа опредѣляетъ человѣка къ разумѣнію добра и зла, но отнюдь не къ употребленію, каковое бытію его противится. Воздержность наиболѣе возвышается, естьли человѣкъ воздерживается въ пылкихъ страстяхъ сво-

ихъ. Любочестіе, любостяжаніе, гнѣвъ, ненависть, мщеніе, имѣя къ своему оправданію природную движимость, содѣлались бы безъ воздержности вреднѣйшими всѣхъ правъ рушителями, и превзошли бы лютость самыхъ тигровъ въ ихъ раздраженіи. Природа не дала бы человѣку толико опасныхъ преимуществъ предъ другими созданіями, естьли бы не предполагала въ немъ добродѣтели, умѣряющей таковыя преимущества.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Хотя рѣдко случается, чтобъ воздержность производила худыя слѣдствія; но добродѣтель сія, естьли далеко отступаетъ отъ благоразумія, учиняется иногда безполезною или вредною. Воздержность, по приличію своего достоинства, должна быть въ тѣсномъ соединеніи съ благоразуміемъ.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ВОЗДЕРЖНОСТИ.

Невоздержность есть главная соперница щастливаго бытія человѣческаго. Она производитъ вредныя и недостойныя привычки: злонравіе, слабость здоровья, унылость и всѣ несчастныя того слѣдствія. Невоздержный человѣкъ не долженъ воспринимать дѣло другихъ воздерживать; примѣромъ своимъ онъ ихъ соблазнитъ, а не исправитъ. Онъ естественно подчиненъ другому; ибо имѣетъ нужду въ способахъ посторонняго воздержанія.

ПРАВИЛО.

Воздержность происходитъ болѣе отъ благовоспитанія и навыка, нежели отъ позднаго разсужденія. Человѣкъ отъ юныхъ лѣтъ къ ней пріучаться долженъ; ибо часто худая привычка бываетъ сильнѣе разсужденія и природы. Всегдашняя мѣрность дѣйствій, принадлежащихъ составу человѣческому, наиболѣе опредѣляетъ щастливое и долголѣтное бытіе наше, которое ничѣмъ лучше не питается, какъ мѣрностію самаго своего питанія.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран

Разныя прозаическія сочиненія.

Стран.

Стран.

